

№7

литературный журнал

12|23

НАТЁ

написали текст

18+

содержит
нецензурную брань

№7

литературный журнал

12|23

НАТЁ

на писали текст

№7 (декабрь 2023)

Главный редактор: Мария Тухто

Редакционная коллегия:

Александра Сулова

Ирина Бондырева

Илья Склярский

Юлия Афонина

Полина Ужгина

Дизайн макета,

иллюстрация на обложке:

Светлана Подаруева

Дизайн портретов: Алина Кольцова

Иллюстрации:

Елена Антар

Вика Левотаева

Яна Аршинова

Виктор Лукьянов

Габриель А. Бернадотт

Елена Махонина

Анна Боронина

Светлана Подаруева

Лиза Ермакова

Ольга Н. Регхай

Валерия Жданова

Анастасия Эмиль

Верстка: Мария Тухто

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Рукописи не рецензируются.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

Седьмой номер «Нате» вышел насыщенным: наша редакция отбирала заявки так, чтобы на страницах выпуска отразился ряд тематических и жанрово-стилистических тенденций. Однако, несмотря на попытки сохранить баланс между реалистическим и модернистским воспроизведением действительности, количественное соотношение работ говорит само за себя: состав номера выявил тяготение к мифологическим сюжетам и магической оптике в целом.

В разделе прозы представлены рассказы, выдержанные в традиционной «классической» манере («Слоны болят» Ксении Забуги, «Холодец» Марины Михайловой), а также ряд произведений, которые отражают разные грани взаимодействия реалистической, сюрреалистической, магической и (нео)мифологической техник («От песка до стана» Никиты Немцева, «Агу-Ага» Анастасии Эмиль, «Терпилы» Евгения Барановского, «Важнее мира и жизни» Анны Мистуниной, «Дурдомская тетрадь» Киры Караян).

Часть стихотворных подборок в выпуске — творческий итог поэтического интенсива, организованной Библиотекой поэзии¹ в конце октября: участники «Осенней школы» посещали лекции и семинары, а на закрытии выступили со своими подборками. В «Нате» публикуются работы Евгения Гаврилина, Нурии Гайнутдиновой, Александры Мишанины, Кира Неброского, Ивана Сорокина, Полины Ходорковской, а также одного из лекторов интенсивов Петра Кочеткова. Более подробный материал об «Осенней школе» будет опубликован в следующем выпуске журнала.

В седьмом номере появился раздел с драматургией: в него вошли две абсурдистские пьесы («Подберезовик» Антона Сокорнова и «Пошел Иван в Гостинный двор» Анны Рыбалкиной).

Анна Нуждина в рецензии на роман Аси Володиной «Протагонист» затрагивает тему губительного соревновательного начала; Татьяна Соловьева обнаруживает элементы меннипеи в романе «Комната Вагинова» Антона Секисова; Анастасия Лобацкова рассуждает о жизни в постапокалиптическом мире (рецензия на «Остров» Кейт Сойер); Андрей Першин анализирует работу Филиппа Жакоте, посвященную натюрмортам Джорджо Моранди. Наконец, Вероника Юрасова рассуждает в эссе о феномене литературы травмы, а Никита Окутин усматривает бунт искренности в сериале «Harry End».

Мария Тухто (главный редактор)

В этом номере мы совместили *cg-art* с ручной графикой, что дало интересный эффект. Иллюстрации вышли графичными и сдержанными в цветовом плане, но яркими и живыми по эмоциональному наполнению. Сочетание красного и черного создает одновременно торжественное и радостное настроение, а легкая цветная обложка усиливает ощущение праздника.

Светлана Подаруева (дизайнер)

¹ Библиотека 76 им. М.Ю. Лермонтова (г. Москва).

Поэзия

Константин БЕЛОВ. ласточка печали милой.....	9
Нурия ГАЙНУТДИНОВА. Невидимое присутствие.....	20
Александра МИШАНИНА. Я мирюсь.....	24
Петр КОЧЕТКОВ. голод-взгляд.....	29
Кир НЕБРОСКИЙ. Времени нет.....	37
Иван СОРОКИН. Между моей водой твоей воды.....	48
Полина ХОДОРКОВСКАЯ. частности рождения.....	54
Евгений ГАВРИЛИН. Несколько отрывков из прожитой жизни.....	63

Проза**Рассказы**

Никита НЕМЦЕВ. От песка до стана.....	71
Ксения ЗАБУГА. Слоны болят.....	89
Анастасия ЭМИЛЬ. Агу-Ага.....	99
Анна МИСТУНИНА. Важнее мира и жизни.....	111
Киро КАРАЯН. Дурдомская тетрадь.....	135
Александр ЕГОРОВ. Ясный день, легкий ветер.....	147
Марина МИХАЙЛОВА. Холодец.....	173
Лиза ОГАНЕСЯН. Сказка для тех, кто не видит Солнца.....	185

Серии

Евгений БАРАНОВСКИЙ. Терпилы.....	194
Виктор МИХАЙЛОВ. Жизнь в борьбе.....	217

Драматургия

- Антон СОКОРНОВ. Подберезовик.....238
Анна РЫБАЛКИНА. Пошел Иван в Гостиный двор.....254

Эссе, рецензии, статьи

- Андрей ПЕРШИН. «Свет, которым вышиты вещи» (*Ф. Жакоте. Чашка паломника (Моранди)*).....275
Татьяна СОЛОВЬЕВА. Жизнь есть сон: «Комната Вагинова» как роман-меннипея (*А. Секисов «Комната Вагинова»*).....280
Анна НУЖДИНА. Агон и агония (*А. Володина «Протагонист»*).....284
Анастасия ЛОБАЦКОВА. Конец света как спасение, или история о девушке, которая выжила (*К. Сойер «Остров»*).....287
Вероника ЮРАСОВА. (Не)нужная литература травмы.....291
Никита ОКУТИН. Бунт искренности в мире игры: сериал Happy End (more.tv).....296

ПОЭЗИЯ

Константин

Б

Е

Л

О

В

Родился в 1998 году
в городе Иваново.
Учится в Литературном
институте имени
А. М. Горького (семинар
поэзии Г. Н. Красникова).
Лауреат конкурса хайку
и свободных миниатюр
им. Арво Метса.
Публиковался в журнале
«Таволга».

Ласточка печали милой

10

* * *

Перестав понимать
ты научишься миру внимать

* * *

Человек в маске рыбы воплощает иллюзию слова

12

Тибет

В день, когда я разрежу тебя на куски —
я впервые осмысленно произнесу твое имя

* * *

Видишь счастье
облака разглядывая

14

* * *

Голубь мира
Воробей судьбы

Ласточка печали милой

* * *

Удовлетвориться жизнью, текущей безотчетно

* * *

В пространстве зла след твоего весла

* * *

Пусть всё пройдет
Не так это страшно

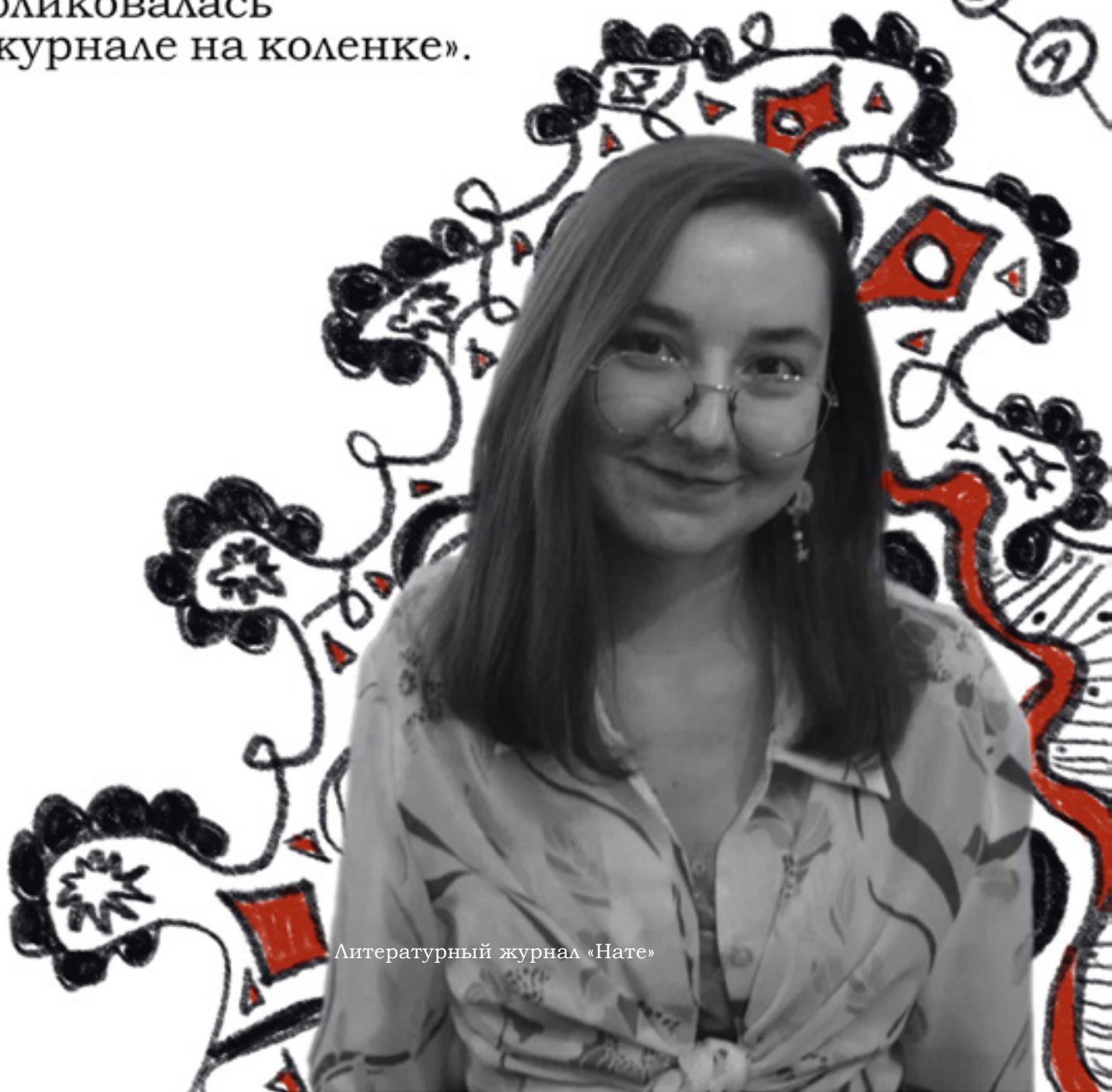
* * *

Весь мир меж двумя журавлями

Г А И Н У Р И Я
Ч У Т К О В А

Поэтесса, студентка
факультета гуманитарных
наук НИУ ВШЭ
(образовательная программа
«Филология»).

Родилась в 2003 году
в Казани, живёт в Москве.
Публиковалась
в «журнале на коленке».

Невидимое присутствие

* * *

е. л.

мир светлеет
и чьё-то крыло опускается
тихо — тихо
бережно — бережно
нежно — нежно
так
что не звучание почти
а шевеление —

пёрышко твоё
господи
и улыбка

* * *

по мотивам стихотворения исмаила нури ала

21

ночью белые мокрые простыни
до часу я говорю с тобой
строками молитвы матери
укачивающей меня на руках
вывернутое небо и таз под кроватью
на случай если это случится снова
крик ночи — моё пробуждение

мы не играем больше
твои морщины усталость трое детей родовое гнездо корнями уходит
всё дальше

моё детство уходит с тобой
ты говоришь не со мной а с увядающими цветками
ты их больше не любишь
они царапают мою память
только вчера я была в твоём новом доме
это глаза говорит мама но я забываю
вижу только тебризский ковёр на стене

мне стыдно за тебя говоришь ты
глазами авлия
так шамс призывает — найди меня

два размышления
(вариации на пьесы ч. айвза)

I
вопрос оставшийся без ответа

ступание ступней почти искупление
голос всё
дальше и

дальше

невидимое чьё-то присутствие
но чьё же оно чьё же но —
секундная пауза голос
срывается в пропасть

— дыхание листьев крылья встрепенувшейся птицы возмущенное
движение света

потерянное дитя даже лица
не видно в лесу
только говорение вслух
здесь нет но нет ничего нет нет ничего
время двоеточие время двоеточие время

солнце поднимается над холмом
чуть-чуть ещё кажется
ещё немного и время будет

II
центральный парк в темноте

свет разрастается пропорционально движению поезда
подземный город перерастает в город
город перерастает в лес
лес обрастает скамейками асфальтированными тропинками
необходимостью обернуться
лица льются тревожностью блеска взгляда головокружение
представление а что вокруг ничего — но нет ничего здесь только

но — разве есть что-то кроме отблесков бедности опадающей кроны

есть утешение
поступь
есть
шаги на лестничной клетке

* * *

успокоенное упокоенное сердце серебрится
по капельке на каждый ноготок на каждую коленку
хлопковым одеялом ноябрьским снегом утром невидимым
стекает по горным далям туч твоих на горизонте

что за птица в грудной твоей клетке лесная ли городская
слышно как еле трепещет глядит на спадающее перо
пушится цветочком хлопковым что взять с неё кроме песни
прежде прежде в воздухе запахи листьев и геосмина

23

крохотное расстояние между линией жизни в ладони
и фантомным грохотом неба по кусочку за каждую малость
что в руках твоих покажи кто там идёт с тобой третий
тихая твоя радость бережность осиновая спасение

Жила в Александрове, каталась на лыжах
и играла в баскетбол!

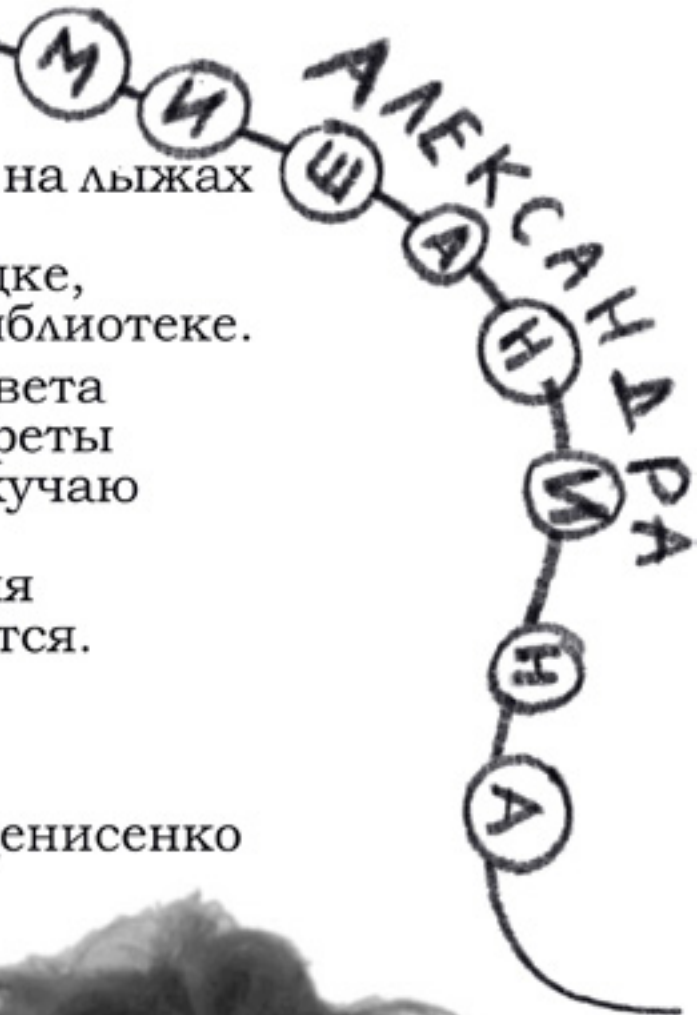
А сейчас обитаю в Лесном Городке,
близ Переделкина, работаю в библиотеке.

Ещё часто смотрю на складки света
и жилки фантиков! Люблю конфеты
«батончик» Рот Фронт и очень скушаю
по ореховой начинке в них.

Всякая, в сущности, мелочь меня
оживляет. О чём подчас и пишется.

Публиковалась в «полутонах»
и «журнале на коленке».

Автор фотографии Владислав Денисенко

Я мирюсь

* * *

можно молчащие
настенные часы,
взять вязью рук
и вот так светить
вновь появившемуся,
вновь забившемуся
слову Твоему,
слову моему

скорее исцелять
решёткой речи, натянутой
от Твоего порога к моему
без губительного молчка,
скороговористо!
бык тупогуб,
тупогубенький бычок,
у быка губа тупа

25

погляди, что я умею!
засмейся: ведь так
заплетается язык
в былинку, заветную колосинку

и вот кивающая волнами
в лодке немота реки
дедушка никогда
не рыбачит для улова
каждая рыбина — это
отпустить и наблюдать

и вот бабушка на рынке
тяжеленные
сумки на сердце
золотые её, тяжелые руки
как в том детском стихе
из нас вечно выбивают перья,
как из подушек

где искать это
мягкое прикосновение?
Серая речка,
покой, плывущий свет,
домой

искать батарейки
пальчиковые,
мизинчиковые
на кончиках сердца — мир
миришь и больше не дерись
а если будешь драться,
я буду кусаться

услышишь ли Ты меня
От порога моего — к Твоему?

* * *

и быть бы ивой плакучей
шепчущим прикосновением листвы
к просторному и такому прозрачному лику озера
что же — спрашивает оно — ты горе моё такое?
и быть всё-таки плакучей:
склонившиеся ветви принимает в жару забредший человек

* * *

солнце — навсегда непроницаемая паутина

росистое мерцание сквозь облака
ладони в высеченных пыльных тропках
молчащая карта сокровищ
чаща пустых и густых путеводий

Лара нашего цветаевского музея
всё время говорила:
пожалуйста, никогда не дави паука
он спас в пещере Христа

и где тот паук теперь?
не чувствует ли он себя одиноко?
может, пора его найти?
она подолгу после молчала

калитку музея обнимали сорняки
они на месте: в каждом плиточном квадрате
сорняки ли?
куда же денешь сердце своё?
оно, как бы сказать, не на месте
оно, как бы сказать, точно сорняк

позади был целый сад
саднило руки от крапивы
провести бы, не боясь,
по кусачим кустам

всё-таки учили:
не бойся, мой дорогой человек,
крапива жалит тех,
кто ничего не ждёт

* * *

сокрушающе помнишь годами
одного человека —
расстроенную струну,
бездну-чёрный чехол,
и если, по завету святого Фридриха,
не ты смотришь в бездну,
то она в тебя

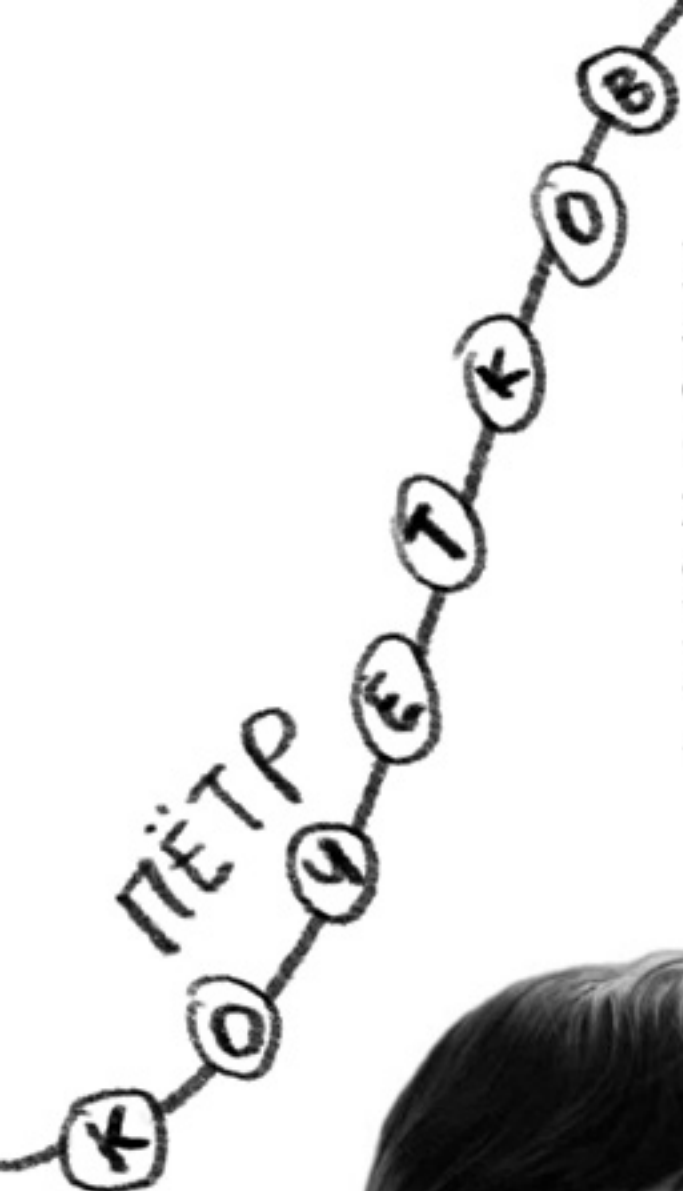
сокрушающе помнишь
этого человека —
выброшенным золотым кольцом
под пляску белой александровой слободы

сокрушающе помнишь —
в Серой реке
топили царских жён,
а мост — ржавый
замочно-сердечный плющ
и что в фате
всякий раз
выбрасывают ключ

* * *

поле сторбилось, вышивает крестиком,
нашивистывает на ухо
на солнце смотрю сквозь фантик
конфеты «Васильки»,
вижу каждую смятую жилку,
а язык мне говорит: это так невкусно
фантик вырывается ветром,
кружится-кружится,
а упав на землю,
глядит в гранитное
исчезающее лицо человека

взрослые меж собой говорят,
что всех обязательно ждёт
«Стратосфера»,
«Цитрон», и
«Ласточка»

Родился и живу в Москве,
занимаюсь зарубежной
филологией в МГУ.
Стихи пишу с 15 лет,
изредка перевожу
с французского.
Публиковался в журналах
«Формаслов», "Rosamundi",
«всеализм» и других.

ГОЛОД-ВЗГЛЯД

* * *

Как я хотел бы отдохнуть
От света и от взгляда,
От звука, мертвого, как ртуть
Газующего ада

От тех желаний, и от тех
Слепых в голодных юбках,
Их ног, одетых в душный мех
Глазного полушубка

От слез, от гула, от борьбы
В кровь бьющихся усилий,
От тлена собственной мольбы
От плена или-или

Вкруг тела скрючившихся дел
И от ночного шума
От лихорадящих в беде
Квартир живого дома...

Последний отдых — замереть
Хотя бы на немного
И — молча — вдруг услышать смерть
Во всем, как голос Бога.

* * *

В чем разница — или в языческом Риме,
Или морясь в языческой Москве,
Нам все равно алкать и плакать о Тебе,
Как влажный уголек сухим прижав к губам
Твое невыжимаемое имя.

* * *

отроки кричат в печи
напиши

Неопалим куст
горения
печали

Но
необратимо

Тление
впечатления
в печати

И сон прочтения

пуст

* * *

Да

словоблудие не словоприсвоение

Но

словообраз не Словоподобие

32

И сло-го-лов на блюде
В утробе
Преображения

не

уроборос

* * *

болят-гноят:
грязь-голод-взгляд

весна-война-снега

ходьба — хоть в сон хоть по крова

Но ноги — по-гроба

И с грубым месивом в губах
сугробами в мольбах

как будто вина в погреба
Невинные слова

будто — хлеб-пуля-в поле-лба —

в бумагу погребал

Моментальное фото

1.

тучи волокна отрывки мясные осколки

набрякшая дряблая кожа
отмирающих мышц

метастазы на шве

сшитое ножницами стрижей

2.

ракообразные пауки-ангелы в прихожей и кухне

молния парализованного на пороге крика маминого лица

барахтающаяся по ванне

впившаяся в шею

двухметровая сороконожка

нервное возбуждение

Оно-Океан

в преддверии сна

3.

сверчки в траве исполняют

сухую партитуру стоячего ветра

играя по черным от пыли на виске

каплям пота

застывающий в расширении слуховой шар вибрации

смычки прозрачных крылышек на

густых струнах тепловых волн

ты окунаешь голову в вибрирующий звукоём

как в прохладную воду

4.

стаи разрушенных кораблей тихо плывущие по небу

деревья

одиноко стоящие поодаль

степные сорняки

юдоля

раздоля

тысячелистник тающей в руках свободы.

подсолнух вдавленный в жидкую серую глину

глаза качаются шина по впалым лужам

по неподвижности полей линиям неба

едва намеченным как контур воспоминанья

* * *

сфокусировать взгляд на мелькающих атомах взгляда

скользящих чешуйницах вдоль оболочки глазной

фасеточной сетке матрице твердого мира

бесконечно подвижной кишаций нерестом пруд

на расплывчатой пленке волнах стекловидного тела

— отражение вдруг в амальгаму вгляделось свою

и узрелось разбитым на стаи блестящих осколков

нераздельных

неслитных

мерцающих

мутных

слепых

* * *

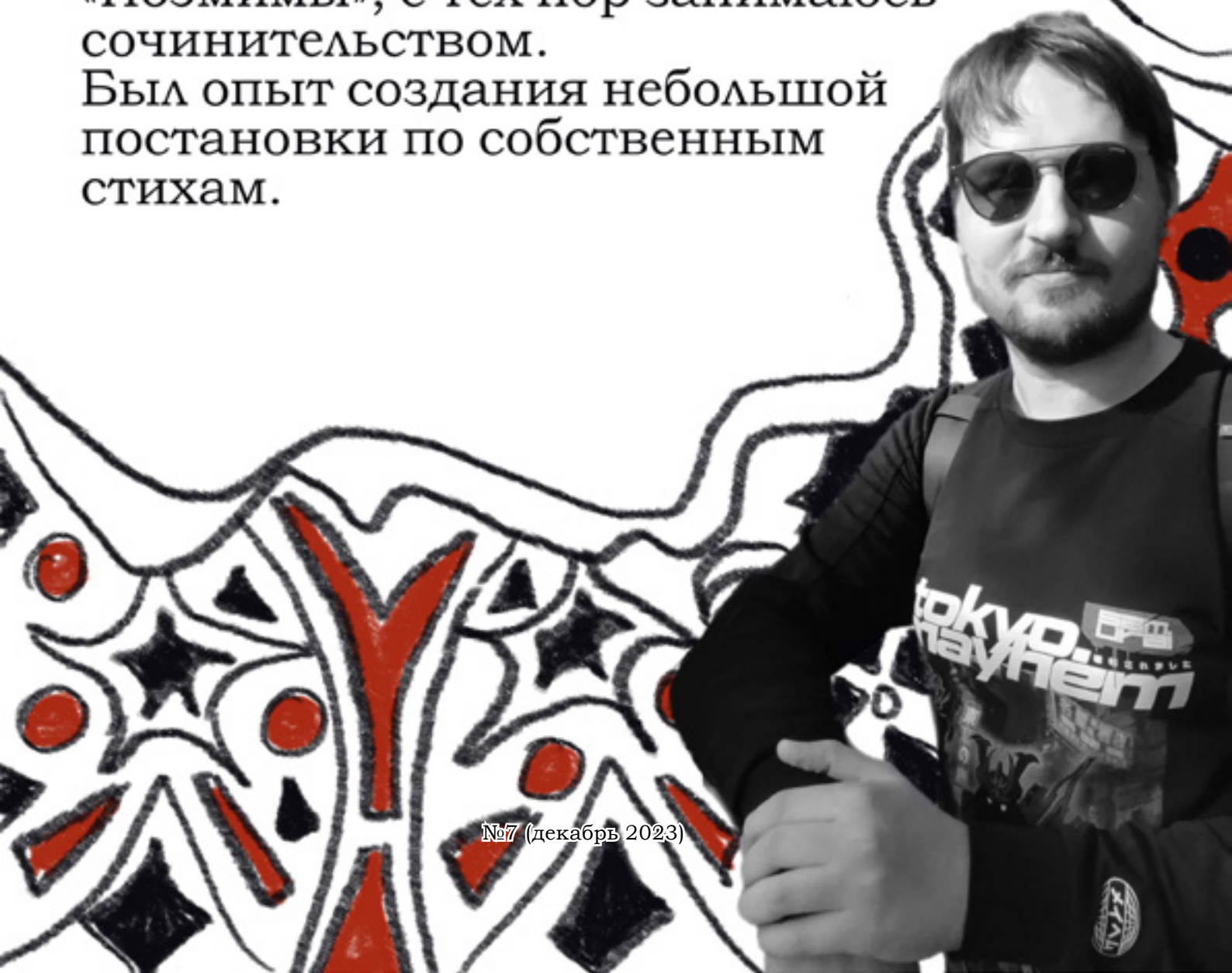
не плавные а резкие движенья
косые повороты головы
жадного семечка слепые ужимки
лоск зернышек двух яблочных глазных
пискаявый голос жалобное пение
зеленой клетки кроны и стволы

как

 молодой дедушка на ч/б фотоснимке
среди цветных молчаний и дневных
снов наяву

Н
Е
Б
К
М
Р
О
С
С
К
И
И

Родился на земле Владимирской, но половину жизни провёл на территории Шрёдингера — с московским статусом и далеко за МКАДом — в Зеленограде. Окончил Московский институт электронной техники, по образованию инженер. 14 лет назад стал частью театра «Поэмины», с тех пор занимаюсь сочинительством. Был опыт создания небольшой постановки по собственным стихам.

Времени нет

10.

Я проберусь как зверь без имени
в твой сад изысканных цветов.
Узнай меня и назови меня,
оставь тревоги на потом.

К твоей руке приближусь крадучись,
минуя острые шипы,
такой волнующий и праздничный,
как дар таинственной судьбы.

Пока нет нас и нет названия
для нашей встречи под луной,
я плод уснувшего сознания,
но осязаемый, живой.

Отравит воздух привкус горечи —
предвестник непролитых слёз,
провозгласив, что царство полночи
нас обвенчало не всерьёз.

Глаза засыпав жарким гравием,
тебя разбудит новый день,
жизнь потечёт по старым правилам
среди наскучивших вещей.

Когда в потоке лиц на улице
ты натолкнёшься на моё,
придётся здорово задуматься,
какое выбрать из имён.

2021.03.21–2021.03.28 Тысяча и одно

9.

Льётся свет золотой на поля перламутра,
можно в трепете утонуть.
Недостаточно быть благодушным и мудрым,
чтобы выбрать надёжный путь.

Огнедышащий бык воцарился на небе,
на земле — водоносный слон.
Змеи рек огибают гигантские стебли
разрастающихся времён.

Далеко за пределами внутренних пастбищ
одомашненных прозой слов
красота отразилась в падении навзничь
позабывших первооснов.

Про себя разделяя алмазы и грифель,
различая язык теней,
открываешь для сердца иные палитры,
остаёшься без якорей.

39

Обретение жизни в безмолвном полёте
к бытию от кромешных дыр,
в непричёсанный круг социальных животных,
в промежуточный странный мир.

2022.07.07–2022.08.18 **Середина**

8.

Вечность проявится в сумерках этажей
третьего неба четвёртого календаря.
Счастье достанется худшему из мужей.
Каждый страдающий отрок страдает не зря.

Грань постижения — лезвие всех ножей.
Судит ли судей бесстрастно верховный судья?
Время несёт нас в немыслимую мишень.
Не оступись, через солнечный свет проходя.

Где обретаётся пропасть? — Не в головах?
Есть ли плотина для бурных потоков людей?
Скольких избавит от жизни животный страх?
Станет ли некто, убивший злодея, добрей?

Плавится память свободы на сонных губах.
Сохнет одежда земли на верёвке морей.
Звёздный оазис над нами бессовестно наг.
Каждый из дней — воскресение на заре.

2022.09.14–2022.09.28 **Водоворот**

7.

Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?
Может, бабочкой?
Может, вечно заспанным ангелом
в мягких тапочках?
Сколько б ни было нам отмерено
крови-времени,
закрома наших душ заполнятся
блеском кремния.
Знак неравенства с переносицы
не стирается.
Кто за нас выбирает поприще,
звёзд племянница?
Кто записывает в затворники
или странники?
Кто глядит по ночам из каждого
палисадника?
Голенище реки под окнами
гуталинится.
Ты напрасно в нём отражаешься,
именинница.
Зря не ищешь зарю победную
за молчанием.
Водопады глаз фиолетовых
так отчаянны.

Для персоны, преуспевающей
в поражениях,
удивительно долго борешься
со взрослением.
Сколько слёз из себя выдавливать
небу блеклому,
если кем-то стать, если вырасти
будет некому?

2023.07.12–2023.07.29 **Новый год**

6.

41 Говорение —
это горение,
кто-то должен поддерживать пламя
не к столу,
ни к селу,
не ко времени,
как торговлю свечами при храме.
В топку счастье,
на мусорку золото,
по этапу кузину таланта,
лишь бы снизить давление ворота
под игривым надушенным бантом.
Вот бы слово умело вылечивать,
чтоб заштопывать, а не калечить.
Вот бы наши вопросы извечные
обучение делали легче.
До свидания нашего с будущим
предстоит заговаривать раны,
предъявляя прожорливым чудищам
бесконечный словарь из кармана.
Говорение —
это бессонница,
разговариваешь — и не снится.
Если кончится речь, то мне вспомнится,
что нас ждёт на последней странице.

2023.04.13–2022.07.30 **Аллен**

5.

Город М. —
третий Рим,
порт семи морей.
Глубина обувной коробки.
Морды плит,
морось тел,
жирный взгляд дверей,
нервный шёпот деревьев робких.
В полумхе
полутьмы
горемычный свет
в перепетом навзрыд осколке.

Наколдуй,
назови,
намалюй портрет,
наколи мне себя на полке.
Дрёмы дань
день доил,
соколиный глаз
не расслышит немое эхо.
Пустоцвет
алых губ,
тонких пальцев вязь,
звёздный отблеск земного смеха.
В двух шагах
за луной,
за её ребром
умирает прах паутиный —
это мы,
это нас
опускает хром
в голубой кипяток с малиной.

Ты и я,
эта ночь
эта боль вокруг,
эти жилки живой вселенной
есть не то
чтобы бог,
перетёртый в звук, —
так, звенящий пятак разменный.
Он вот-вот
отзвучит,
позабудет нас,
растворяясь в раскатах рельсов.
Никогда
пассажир
не достигнет касс.
Не вернётся душа из рейса.

2023.10.19–2023.10.20 **Маршрут построен**

43

4.

О, ты взлетал самозабвенно
в неподготовленную высь,
пугал стада чужих видений —
они, как годы, прочь неслись.

О, ты бывал в таких далёких,
таких немислимых мирах,
что бесконечно одиноким
казался свет в твоих глазах.

О, ты ушёл, как слёзный трепет,
как святость преданных времён.
Тебя не вспомнят, не заметят,
иного будущего сон.

2021.10.15 **Другой**

3.

Как пыль цветов, что стонет на стекле
под взглядом разыгравшегося Солнца,
накладывая пудру на пейзаж,
фантазия глаза мне замутняет.

Ползёт река по дремлющей горе,
на берегах трава произрастает.
Гляжу в траву и вижу чудный лес,
волнуемый вселенскими ветрами.

В лесу все чтят таинственный закон
безмолвия, поскольку каждый голос
здесь кажется заброшенным извне,
а внешнее несёт в себе опасность.

Лесной народ построил города
для вечной жизни в крае изобильном,
мерцающие замки их царей
во вражьих ордах пробуждали зависть.

Когда зажглись сигнальные огни,
войска к зелёным стенам подступили.
Зачинщики дыхнули тучей стрел,
защитники в ответ — потоком молний.

Так много молчаливых в тень ушло,
что тень закрыла свет звезды священной,
и дева ночи стала проступать,
природу наполняя чёрным ядом.

Во мраке скрылись пышные века,
на смену им пришли века худые,
принёсшие немало скорбных дел,
но и они прошли, как всё на свете.

За чашей в неухоженном цветке
живёт старик, заставший славу леса.
Идёт молва, что силой неких чар
он даже возвращать умеет время.

К нему я и отправился. С трудом
нашёл его жилище, но хозяин
отсутствовал. По дому я бродил,
по лабиринтам экспонатов пыльных.

Сжимая том о древнем колдовстве,
я задремал на стуле из хитина.
Мне снились всполохи, зловещий треск,
падение двенадцати престолов.

Вот юность. Вот тепло знакомых мест.
Погибшие родители. Невеста.
Голодные года. Пропавший хлеб.
Простое счастье видеть кромку неба.

Теряя сон, я приоткрыл глаза:
великая река с горы сползала.
Рубашка перепачкалась в траве.
Очки собрали пыль цветов на стёкла.

45

2021.07.12–2021.07.13 **Налёт**

2.

В седом краю
могучая река
несёт меня
на гибельные скалы.
Могильный холод
подступил к ногам,
надежда на спасение пропала.

Сейчас бы
продырявить облака,
глаза впивать
в синий остров неба
и броситься
с улыбкой на губах
в волну и в вышину
одновременно.

Кто не мечтал
повелевать судьбой,
победами
отрезки жизни мерить,
всего добиться,
заслужив покой,
и улететь
под тихий шелест перьев?

Конечны судьбы
зданий, городов,
и целых стран,
а что до человека,
конечен результат его трудов:
от самых первых всходов — и до снега.

2020.10.13–2020.10.15 **Эпилог**

1.

Плавный танец зимы в декорациях ночи,
осязаемая тишина,
отдыхают на веточках белые строчки,
как нездешних детей имена.

Многоокое небо неслышно вздыхает
зацепившись за лес бородой,
пух небесный ложится на горечь окраин.
Спой мне песню рассветную, спой.

2021.09.25–2021.09.28 **Белый шум**

0.

Требуется бог
на постоянной основе.
Обязанности стандартные:
космос,
Земля,
человек.

Опыт работы приветствуется.

Будут нужны:
обучаемость,
стрессоустойчивость,
знание всех языков.

Творческая натура рассматривается как плюс,
лёгкая кровожадность вполне допустима.

Трудоустройство по правилам:

членство в союзе богов,
бонусы за активность,
поддержка от коллектива.
График работы свободный.

Оплата любовью.

В доступе:
гравитация,
знание,
свет.

Псевдомессии рассматриваться не будут.

Связь по астральной почте.

Мы ждём анкет.

2021.05.14–2021.05.19 **Вакансия**

Родился в Москве
в 1999 году.
Студент Литературного
института имени
А. М. Горького.
Публиковался в журналах
«Новый мир», «Формаслов».
2-е место в Московском
Чемпионате поэзии
им. Маяковского 2023.
Дипломант поэтического
конкурса Литинститута
«Новые имена 2022–2023».
Входил в премиальный
список Международного
литературного
Волошинского конкурса
2022 года в поэтической
номинации «При жизни
быть не книгой,
а тетрадкой...»

Автор фотографии
Анастасия Ковальчук

С
О
Р
О
К
М
Н
И
В
А
Н
Н

Между моей водой твоей воды

ЭМПИРИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Говорят,
Марс —
Четвертая планета от солнца
Сразу за орбитой Земли.

49

А на самом деле,
Лазертаг клуб

В Балашихе.

За первое я утверждать не берусь.

Второе — видел своими глазами.

Вот и решай
Чему верить.

* * *

в маршрутке из окраин в центр
Владимира, Ростова-на Дону, Самары
в душе шевелится москвич
он смутно рад
проводит экспертизу выверяет

доступность развлечений по витринам
кривую качества услуг

блестят сегменты сочленений
щуришься
но разглядеть не успеваешь

машина сбрасывает кожу

ее скелет
обманчивый на вид
внутри чуть сточенный
из неизвестного науке материала
ложится обнаженный в землю

одолевая ритмику, вопросы долга
растем сквозь тьму долины и колючку
сбираемся в невидимый рисунок

окончился сезон и заступает новый

чего не знает ум —
то тело переможет.

* * *

-1-

с утра был мутный цвет засора
я вызвал техников
и сидя на коленях ждал
пока почистят

я подмечал как постарели лица
в отраженья рябь.

-2-

в обед ты грубо от волнения
сгребла меня наружу

на Тверской я прятал
санитарный день

но ты не замечала
и рассказала мне про маму

и я сочувствовал про маму

но интонация была веселой
не по делу

и после много после
вибрируя за партой
я нюхал хлорку расходился
крылиными кругами

не те слова быть может
подбери другие
и мост остался
между моей водой твоей воды.

-3-

человеки строят магистрали
как хочешь долго упирайся
в бортики руками
их не перенаправить

как хочешь долго дирижируй
машинные потоки
проедут мимо

а дома все больше
каждого отдельно

так и внутри
способность пропускная
всех шлюзов и перегородок

просчитана не нами.

-4-

смех за столом и я часть смеха
дроблю отщипываю четвертинки

потом все схлынет
и не явит связи

на разноцветном дне коммуникаций
заглядывая в трубы
не зная языка

по дну где будто уязвимей
прыгать прыгать
чтоб снова были трещины
в которые течет

улыбчиво и нежно
вода людская.

-5-

птица задохнулась не сегодня
шлюз закрыли
химоза после чистки

и пусть я не любил
в наружном море донных гадин
предпочитал кораллам илу
бассейн с аккуратной плиткой

но все же птица
задохнулась не сегодня.

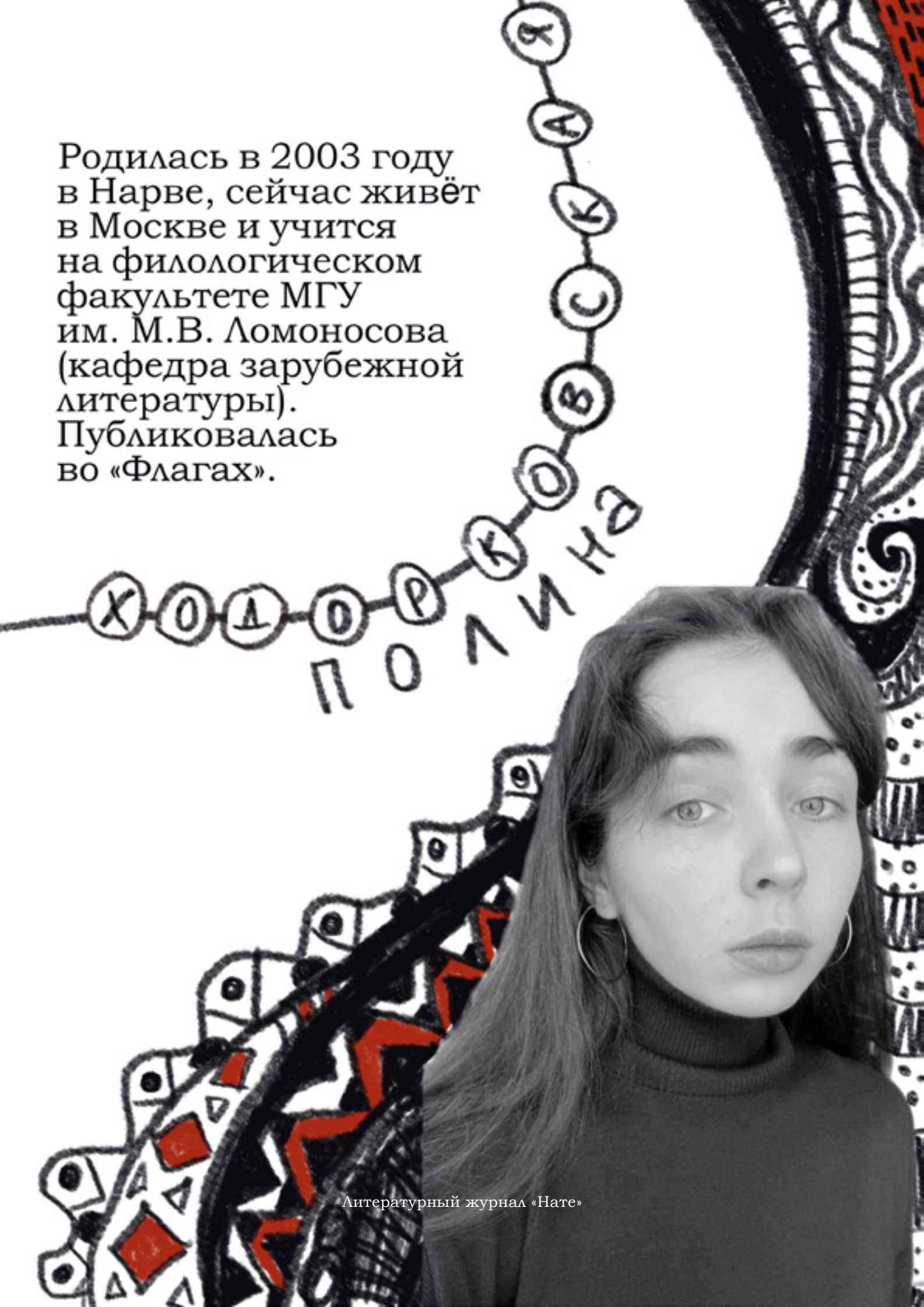
-6-

Когда-то я немножечко знал разных людей

Этим там все и кончилось

Этим там все и кончится.

Родилась в 2003 году
в Нарве, сейчас живёт
в Москве и учится
на филологическом
факультете МГУ
им. М.В. Ломоносова
(кафедра зарубежной
литературы).
Публиковалась
во «Флагах».

частности рождения

оперение

миришь это вот —
миришь и не дерись больше
воркует,
а видно: драка непременно будет
внахлѣст
на изнаночном оперении
напутствие

такое
мизинчиковое
бедное как церковная мышь
земное как листовертная гусеница
когда его ждешь на кухне на корточках
тебе — сообщает неутомность
и все происходит в алфавитном порядке
так, что успеваешь выпрямляться за спиной каждого из событий
и ворочаешься к себе: пухлую просфору
подарок платочной бабушки
там вздувает к самой поверхности,
к твоему горлу отроковицы
где любое растяжение слова звучит молитвой

к горлице
вьющей гнездо натошак
ты тоже — так,
вечерней перебирая луковицы полушарий —
и только теперь они источают горечь
в цыпках и катышках —
дети рождения
на легковесных птичьих правах
воркуешь их:
а все же миритесь, болванчики
и они, послушные, умири

черепаха

он пытался повторить своё движение
за движением черепахи
был нарочито размерен
тише едешь, говорят они

на продолжение фразы уходит десятилетие

и совпадал — не с пучком вообразимых дат
но с фазой цветения каштана
с наращиванием колец на панцире
когда невнимательный человек
думает прикинуть твою жизнь на глаз —
точно собьётся

и он отсекает потухший смешок
привычку спотыкаться на лестнице
чих аллергического прохожего

черепаха неравномерно открывает глаза
и комната создаётся заново
из подручного бога, смутно знакомого коврика
такого же — но другого

*

он тоже
тоже хочет выйти из спячки
так чтобы открыть глаза и совпасть с рождением нового мира

* * *

ну, ещё одно соч. —
в чайковском чепчике
под плетёным куполом —
так просила она,
и земное плато тогда становилось тарелка
где непременно нужно искать рисунок
в остывшей каше

эта необходимость срастания
заставляла выбирать подобие
— и оно появлялось — такое, трикотажное,
изредка ниочёмное
и пиццикатно
давало ей свыкнуться
усвоиться с дёргающейся во сне пяткой

и она усваивала:
о, это поступок настоящего джентльмена

тогда провиденческий вымысел
позволял и дальше выращивать чайковские ландыши
ночные горшки
склонять дрожащие бельевые веревки
сверяясь с падежами дня

57

ненадёжно все это,
— думала она, глядя слитое с окрестным миром
рыжеухое существо,
пытаясь на ощупь присвоить себе
всегда убегающий рисунок тарелки

* * *

горох стремится выпасть из рожка
но ты стоишь и состоишь стручком
растянутым по историческому дому
где пыль нежнее крепче спит эндимиона
как студент

возникновение предугадав
теперь не выйдет ткнуть на это пальцем
и вешалка сбивается в проём
теперь она одна увидит гостя
и включит над

незванным, долговязым – лампочку
снимая голову с покатых плеч:
стручковый кончик гость лепит воском
горячим и податливым;
но это было,

как если притулиться к стеклу маршрутки
и выдуть из – весь твой провидческий поход
с ребячливостью зоркостью шумерской
и полому уже тебе мигает с потолка
лампочка ильича – или его смерть

* * *

все норвежские имена похожи
сигмун-д
‘ороте
барбр-у
‘лав
он крепко держит поводья и продолжает перечислять
будто костяшками домино
одна из них — пустышкой — стучается о тёплое небо
и оно зачем-то такое низкое и средневековое
что хансу мерещится: такое к дождю
или к откровению, если б они в этой глуши случались
главное, что звено вроде ласточек тут излишне

нет, что я, генеолог какой-то,
то есть: гений генеалогии
лошадь фыркнула и ханс подумал: смеется
она частенько смеялась над его усталыми каламбурами
будто старалась ускорить общее действие,
перейти к следующему событию:
мол, виток осуществлён — горбатый, как оглобля, и всегда немного
не к месту

и в упавшие листья — в обертку даже одного листа
сворачивалась как в кокон вся неделя хансова
иногда он впрочем думал о конунгах вроде хокона —
и тогда казалось что его неделя туда не влезет

часто мария из-за холма помогала чесать гагачий пух
и так ловко у неё выходило что листья подчас
возносились
вокруг ее синего силуэта
и недели на свет появлялись однодневным клубком
и вокруг марии-лошади-дома сгущался пух

летите говаривал ханс
иногда считая это маленьким откровением

59

* * *

не светлячок на столе — светильник
не знаю: схлопнется или перерастёт меня
мой однажды дырявый носок и рябинную речь
мою жилую камеру вильсона

где каждая перемена почему-нибудь стоит свеч
и хвостато печатается на память
неугадываемо
косо

но память у меня дурацкая и некому ее рассечь
чтобы она была такой осязаемой
вроде бы — настоящей
чтобы скулила и тыкалась в полдневную лунку
мокрым собачьим носом

* * *

когда в низовье будем ждать воды
на ощупь налегке идти по хлебным крошкам
и верить в апейрон запросто так
ничей треножник
смоковницу что всё не плодоносит
на две руки — в такую полновесность

солнце
осталось мелким за стеной
неразличимым
в чужой рукав из убегающего света вглубь
внахлѣст
в набор корней от генеалогического дерева

мы станем понемногу отлеплять
шестиконечные фигуры
мокрые лучи
морские ласточки
из точки большого наблюдаемого времени
равняя слух на клѣкот здешних птиц
искать в траве уменьшенные копии
знакомого колодца
ношеного сердца:

и все что есть дарить удержится в руках
мы маленькие меньше и ещё
идѣм по следу серновых копыт
и черпаем и пѣем оттуда воду
вылавливая влажную звезду
седьмой конец у неба просим
оно *ещѣ* не помнит нас а мы *уже*

где каждая земля воспроизведена
сулиммы

* * *

нет: никогда не угадаю
скатится ли монетка в косую воронку
или всё-таки

а потом: всё круглые детские лица
им-то наверняка подсказали — чего ждать
где опираться на:
повисшие бортики
заповедные паутинки

по законам на вырост — скатится,
захватив с собой несколько дуг обращения
и потерянных фантиков — нарочно, из любопытства

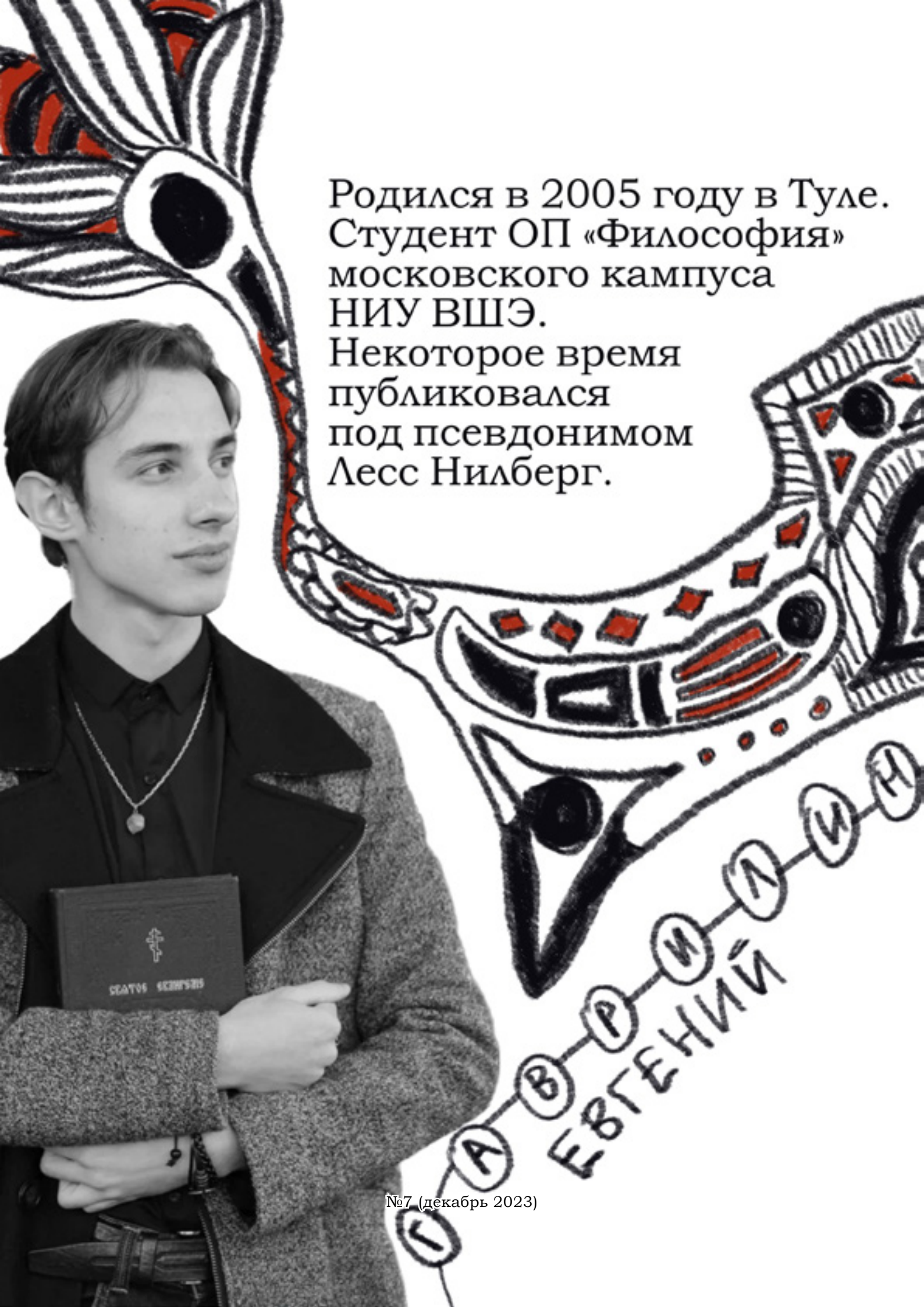
из того же эпиграмматического
чувства

61

воронка раскручивается с карканьем вспять
и лица как полушария свифтовских планет
немного свистят и выдерживают период
монетка поодаль лунки уже выше и над
я становлюсь гладкий под этим твёрдым гудением заводной ма-
шинки
что-то ухаёт (не сердце же) и я жду сейчас
сейчас
сейчас отпустит

и раскидывая ветхие лапки в стороны —
и того, и другого теперь больше четырёх —
вспоминаю, что не выкинул мусор
такая распушенность
и рыба эта быстро портится
и глупо вышло как-то, стыдливо выглядываю из-за дуги:
скоро запах достигнет нашей общей поверхности
наспех прирастёт орбитой

но монетка схлопывается вниз
наверное, это герметичная вещь
и дети осунувшись теперь скорее как камбала
оппадают на дно
и я поправляю себе сбившийся адамов листик
немного левее
к месту хоженной крестовины

Родился в 2005 году в Туле.
Студент ОП «Философия»
московского кампуса
НИУ ВШЭ.
Некоторое время
публиковался
под псевдонимом
Лесс Нилберг.

Несколько отрывков из прожитой жизни

Вольный перевод из Всеволода Некрасова

воспоминания о
вырванном из вечности
танце образа
на подмостках моста через
холодные дороги рек
слёз воздуха
струящихся серебрящейся тканью
где горизонты стен застыли
мягким прикосновением
к сетчатке глаз
расколотым льдом
медным всадником у ворот
этого города
закрытых на ключ

теперь я спрашиваю себя
где мой голос
теперь я спрашиваю себя
кто говорит мне
что я могу говорить

Несколько отрывков из прожитой жизни

Памяти Лесса Нилберга

1.
из моих глаз
ты смотришь слезой
я стираю тебя
в воздух в дыхание моря
в платок в колыхания волн
между которыми я
теряю себя и
теряю имя

2.
память речи о прошлом
остаётся в звучании слов
в паузах между молчанием
непроизнесённого

3.
холод берёз
застывших в мгновении взгляда
когда небо растёт из земли
серой колючей травой
и снег превращается
в слёзы на другой стороне
глаз

эти дни проходят
мимо меня электричками
в которых меня нет

65

через зеркало окон
изогнутых плоскостью света
я вижу другие глаза они
не узнают своё отражение
во мне

4.
время течёт сквозь нас и оставляет
кольца растущего дерева
кольцевые дороги
утро и вечер в глазах
прибоем стрелок

5.
зарываться в вскрытое тело себя
в поисках места в котором
ты был бы дома
как свет проходящий сквозь
глаза закрытые так плотно
что начинаешь видеть
узнаёт пустоту

* * *

Настаёт только то, что уже настало внутри

А. Тавров

всё было: небо бело ветер в листьях
тропа в лесу шнурующая реальность
воздушный путь и луч рассвета лился
по капле крови-янтаря в грааль но
уход в отсутствие под сердцем жил как время
стрелой часов прокалывал аорту
как бег секунд в рассыпавшийся жемчуг
виска биение веков бои во рту и
прозрачный вкус железа в эту осень
разлившийся в тумане скрывшим реальность
черты домов сменив на смерти просинь
отсутствие тропы развод эмали
подделка жизни не казалась прочной
отделка реальности сходила перламутром
всё было так пока не стало прочим
и запятой не отделило утро
от жизни

* * *

Е. Ц.

время плакать воде
говорить на её языке
называть себя солью морской
остающейся на губах
перед выходом

после
искать руками своё лицо
находить осколки писем застрявшие
в памяти глаз
часы проведённые через
шум метро и людей

это значит:
смотреть сквозь море
на солнце зажжённое рябью
пока время застыло волной
набегающей колким песком
в часах

это значит:
исчезнуть как память
о том что умел
ПОМНИТЬ

* * *

Двадцатому октября

пространство прорвано осенним мокрым светом
и время застывая в грязных лужах
осталось льдом разбитым в колкий ветер
который плача слушать слушать слушать

где каждый день сужая круг знакомых
воспринимать улыбку знаком смерти
и улыбаться времени в котором
шагами улицы и время мог измерить

в разрыв пространства уходя как в память
всё замирает прекращая длиться
и не сторев но догорев как пламя
уже не различаешь лица листья

* * *

луна за стеклом балкона
в расфокусе. падает дождь на крыши,
прижавшиеся к тёплым трубам.
к губам. раскрытый словарь
перебирает собственные страницы
в дыхании. в выдохе на
ударе секундной стрелки.

не надо новых слов. этих
нам будет достаточно

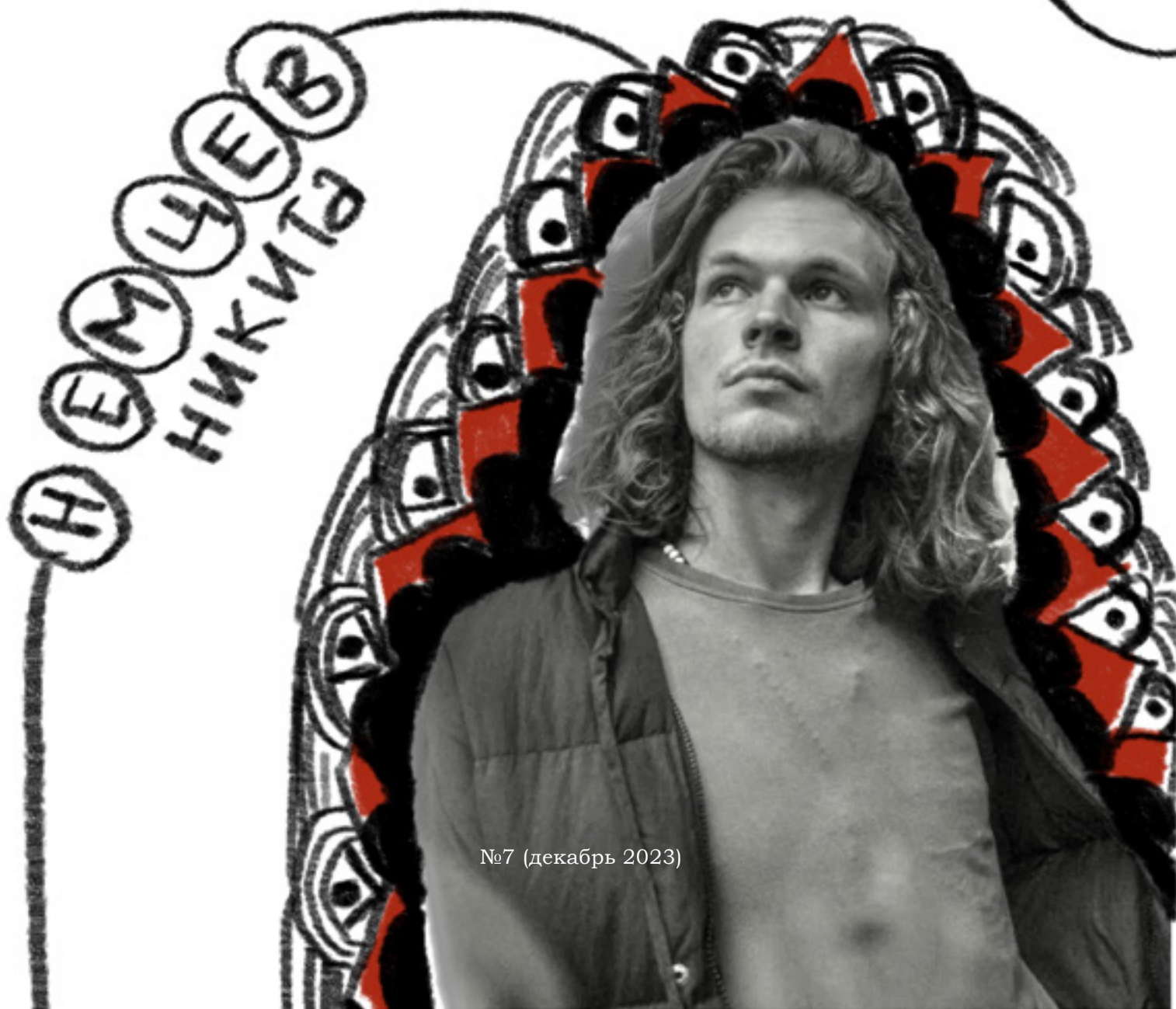
Иллюстрация: Анна Боронина

ПРОЗА
рассказы

70

В Красноярске родился, в Москве учился, по России путешествовал и бытийствовал. В 2019-м свезло: вручили 2-е место «Лицея». Публиковался в толстых журналах («Знамя», «Алтай», «Нева»), писал романы («Апокалипсис всегда»), сборники («Энциклопедия русской пустоты»), повести («детский садик, или философская минутка»). Играл в группе из одного человека («атомный хритос»). Катался автостопом по Средней Азии, на поездах по Индии, снова стопом по Юговосточке. Говорят, что-то из этого можно найти в телеграм-канале «Никита Немцев печатает».

Автор фотографии Анна Красавина

От песка до стана

Сбился с пути на озеро Каракуль. Мимо Памирского тракта. Путешественник, Томас (физик-ядерщик, восемьдесят). Ледник. Дышать трудно. Ревматизм. Фух, надо же было забраться на такую высоту! По MapsMe за тем перевалом деревня. На айфоне пятнадцать процентов. Можно присесть. Сделать пару фото, пожевать орешков. Легче-легче. Время растекается, не то что в Мюнхене, а как в детстве, когда ездил с родителями в Швейцарию, где озеро, горы, стрекоза, и одна девочка, с которой он дружил... Надо дальше, пока не догнали тучи. Там, за хребтом.

Палка, палка. По леднику, солнце печет, голубой снег. Резко! Не поскользнулся, кошки из Decathlon. Спирает дыхание, держит за глотку. Немножко. Еще. И чуть-чуть.

В горах всегда так. Чувство, что невозможно. Что умираешь. Никак. Но делаешь шаг. Еще. И еще.

Вершина. Плоский простор, облака, панорама. Горы склонили колени. Брутальный скальный инопланетно-рыжего цвета. Небо уносится в стратосферу. Зеленой кляксой: оазисом в скалах пустоты — деревня.

Ветер.

Вниз легче. Всё ближе нежная долина. Река, бескрышие домики. Томас почти спустился, путаясь в облепихе. Взял обе палки рукой. Утер лоб. Выбежали дети.

— Zrrrastvstvyite, — выговорил Томас, мучаясь в «вствт».

— Ассалям алейкум! — крикнули дети.

Глинобитные квадратные домишки, коровьи лепешки сохнут на крышах, вангоговские фигурки с снопами сена в два-три раза больше их самих, веселые каналчики, бегущие прозрачно между любовно выложенных камней, бесконечные дети бегают, играют.

Отметив точку на MapsMe (Бардоро), Томас пошел по деревне,

где каждый — каждый первый с улыбкой приглашал на чай (как прс: выбирай, к кому). Мужчина без зубов в скукоженном пиджаке протянул яблочко, как бы заготовленное. А там — за взмывающим сеном и вилами — неуверенно смотрел, в драном бушлате, футболке Ford, с глазами голубыми, как горное озеро.

Мурат.

— Hello!

Познакомились, предложил остаться. Томас с благодарностью скинул рюкзак, устроился на топчане. Вокруг засуетились: конфеты, тутовник, чай. Сидел, ел гречневую лепешку (толще, чем на равнине), запивал шырчаем с молоком.

— Ты положить масло в пиала, — сказал Мурат на корявом английском. — Хорошо! хорошо! Откуда?

— Я пришел издалека, — улыбнулся Томас с набитым ртом. — Ядерной физикой занимался, в Швейцарии.

— ...

— Вы знаете, что на Памире много урана?

Мурат не очень говорил. Больше шырчаю и лепешкой.

— У вас можно поставить палатку? — поинтересовался Томас.

— Ночь оставайся мой дом.

Томас остался. Одну ночь, две ночи, три недели. Играл с детьми, заглядывал в шиитский домик с рогами, прогуливался по инопланетным камням, лопающимся от солнца, светящимся, собирал облепиху, яблоки, пытался помочь с сеном — рассмеялись, позвали чай пить.

— А работы у вас нет? В школу учителя не нужны? — спросил Томас.

— Нет школы. — Улыбнулся Мурат без зубов.

Книг тоже, хотя двигался Навоид адн Гузар медленно по горам, погружённый в думу о доме покинутом, о временах праведных халифов, о чувстве благоуханном первых дней Хиджры, с пятью верблюдами, навьюченный сам как верблюд, едучи на неспешном осле по жиле Памирского тракта, неумолимым извивом ползущего вдоль реки промежду скал верстовых в белеющих тюрбейках, и расстегивал чапан свой от щедрого солнца. Иногда встрепенется ухом верный осёл Авессалом, и плетет шаги дальше понуро, погружённый в ослиную думу, чем-то сродную думе хозяина.

Дерзка была цель Навоида адн Гузара, точно взгляд разбойника, пробравшегося в султанский гарем. Прослышал эмир Самаркандский Муин аль-Хакх Шахрух про касимитов, про темноту их учения, занесенного в самые горы, про Мухаммада ибн Ислам-шаха, задумавшего поднять кочевников племя за Ферганской долиной, чтоб войною пойти на столицу Темура, и решил эмир Шахрух упредить всех, объявил джихад сердца и созвал мужей ученых из медресе, посоветавшись же вдосталь, велел найти мастеров изумительных, дабы сшить сотню великолепным золотом писанных Коранов с *exlibris*'ом сиятельного эмира. Два года трудов ушло, когда же настало время везти их кочевникам севера диким за хребты Империи, в Ош, да не прямою дорогой Ферганской, а через темные краи Памирского тракта, где тюркская речь уступает фарси, а шиитов всё более, один приближённый поэт привел Навоида адн Гузара, потерявшего в тот год многое на ослах, из коих остался один только Авессалом. Едва увидев его, эмир, не думая, поверил и вручил сундук, точно пылающий полумесяц, с наказом дарить каждому истому правоверному, встречному на пути, один из Коранов. Навоид адн Гузар помолился, осмотрел своих новых верблюдов, и, весь в белом, без сожаления оставил дом свой, ведь он был вдов, взобрался на осла да отправился по направлению к оступившимся от откровения Пророков и Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует.

По первому времени, дабы не сбиться с пути, двигался он

с караваном, покрывая цель свою хитростью, говоря, будто едет в Китай. В разговорах премоных, в шахматных партиях, в остановках с другими торговцами, где можно было кое-что выучить на фарси, двигался он в Куляб по выжженным желтым степям Сурхан-дарьинским, где арбузов поля сменяют гранаты. Вскоре скалы зубасты, пески цвета крови приветствовали их, спутники Навоида адн Гузара повернули к веселым огням караван-сарая, а сам он двинулся дальше со верблюдами и верным своим Авессаломом. Только напрасно уши мула были так вяло задумчивы — настоящие горы были еще впереди.

На сороковой день их одиночества, скрашиваемого добросердечьем хозяев, приглашавших путника на ночлег и подкреплявших финиками в дорогу, у самых подножий немислимых гор Навоид адн Гузар увидел огни и кибитки великого стана. Торговцы, с коими шел он допрежде, говорили про караван, что движется из Китая в Истинполин — когда эту догадку подтвердил первый же человек, радости Навоида адн Гузара не было предела. В печурках горели лепешки яков, руки тянулись к костру, а душа к душе: в разговоре о трактах, о женах, о далеких городах, заморских языках, о звездах, о касимитах, почитающих Али и его родню, молящихся совместно женщины со мужчинами, о суфиях, что морочат словами и магией, об истинном откровении Единого Аллаха, Непостижимого, Великого проводили они время. Напившись шырчаю с солью и мукой, проверив тюки с Коранами, с мыслями о том, что возможно у некоторых из них найдется новый мудрый хозяин, Навоид адн Гузар погладил верных своих верблюдов, потрепал нежного мула с глазом седым, точно вечность, и после намаза, возносящего в запредельную вязь, уснул у костра под шатром, запрятавшись с носом в чапан в этой ночи морозной.

Проснулся от крика — всё в огне, клинки, стрелы, всадники, копы, отрубленная катится рука, ор, в шеломе узкоглазом занес меч — Навоид увернулся, пнул бочкой и прыгнул к верблюдам. Покуда возился с тюками, набежали еще, с факелами — Навоид

вскочил на Авессалома и скрылся от увлекаемых схваткой в узкоглазых шеломах. Когда был уже далеко, у контура сизых гор, он остановился проверить тюки: в них оказалось только десять Коранов. А там, назади, от стана до стана пылали, кружились огни, полыхали, носились бешеные лошади, секли и секли, и коршуны с когтями раскидистыми над головами. Навоид адн Гузар вновь был один под пустынными звездами, и дело быстро пошло на лад, Томас помогал семье Мурата с пристройкой. После землетрясений многие перестраивали. Квадрат топчанов, традиционное окно в потолке (север-юг-восток-запад: стихии). Предлагал деньги. Отказывались.

К осени Томас улетел в Швейцарию. Разбирался с делами, налогами, недвижимостью (детей нет). Весной обратно. У жены было много вопросов, но уговорил. Пока ждал машину у поворота на Рушане (мозаичная остановка), встретил велосипедиста в кепке-беляше. Сказал, из Германии.

Доехали уже затемно. Дети выбежали встречать с уверенным Hello! Вместе с Муратом они сделали из сарая школу, починили генератор. Простенькая ГЭС на реке (электричество вечером).

Мурат читал потихоньку Руссо, Маркса, говорил:

— Сначала нам СССР помогал, саженцы на вертолетах, а теперь Швейцария!

Томас улыбался в ответ. Откусывал от гречневой лепешки, хлебал из пиалушки. Ему нравилось, как проходит пенсия.

Поставили вышку на горе. Теперь можно было слышать упреки жены и по телефону. Осенью Томас позвал ее в гости — приехала с чемоданами, охая, проклиная гравий и серпантины. Возмущалась, что кроме яблок нет фруктов. Где они берут витамины? А если талибы афганские?

От песчанистых скал, пропитанных солнцем, жена была не в восторге. От серой реки, от беззубых улыбок... Через неделю сказала, что позвонит знакомому дантисту и купила билет.

А Томас с Муратом провели интернет (4G, LTE). Теперь можно было слышать упреки жены по видеосвязи. Дети сбегались смотреть Спанчбоба на стареньком телефоне. Мариям готовила по рецептам с сайта: вкусно, полезно, с витаминами. Деловито ходили к дантисту, приехавшему из Душанбе. Держали лед у щеки и *продвигался горами Навоид адн Гузар сколько дней неизвестно: большие дороги, мирно спящие аулы с стадами смутно маячили ордою костров и шелохов. Сперва Навоид адн Гузар двигался без дороги совсем, по наитию, но потом появился верный ориентир бурливой реки с ясными глазами, что помнят греческих воителей и пуштунские племена. Навоид адн Гузар следовал ей, держась повыше аулов, — но и тот ориентир, как всё в этом мире, истлел позади. Он шел дальше, по ничто гор, питаясь финиками и курутотом, завалывшимися в мешке, иногда яблоками, осёл же его Авессалом довольствовался колючками. Ночевал в чапане, под холодным дыханием гор и ветрами времен, под пышными звездами, каждая с дыню, с утра стряхивал пыль и двигался дальше.*

77

Горы были удивительны, как первый день творения Аллаха, цвета перетекали из допотопно ржавого в утонченно перламутровый, из охры в хмурую лазурь, а в пустоте яки пасутся. На неизвестно какой день Навоид адн Гузар взошел на плоскую вершину, возносящую дух: пыльные цвета желтой безбрежности, выжженное солнце, нежный взгляд неба, поприще внизу, и всё возможно, всё, любой сад, расцветающий в сознании праведников — только прорезаться, пронестись сквозь, зажав охапку веры в ладони, туда, в сизый контур, где всё началось, куда возвращались греки, где Александр Македонский понял что-то такое, отчего больше не мог воевать, двигаясь, рассекая мечом, сея эллинскую культуру, где эти гоплиты сняли шелома и онемели, увидели, чем это всё было до них, чем это всё будет после.

Допотопные громады, безжизненные камни, мертвые цвета.

Холодный простор. Пустые пески.

Равнодушно дующий ветер.

По правую руку от холма стоял дом. Истощенный, Навоид адн Гузар приблизился, заглянул в окно, пощупал добротную глинобитную кладку. Вместе с закатным лучом, объявляющим синюю смерть, и скромным стадом козликов показался хозяин, на лице тряпка от пыли. Навоид адн Гузар обратился на фарси, но тот только пожал плечами и воздел руки. После отворил дверь радушным движением, кивнул и снял тряпку. Глаза у него были в сединах, борода беззубая, чапан торчал ватой, а на голове черная с красным тюбетейка, каких в Самарканде не носят...

Томас решил купить генераторы. Для ГЭС. Можно, конечно, в Хороге, но дорожке и по гравийке. В сторону Оша дорога закрыта, но иностранцу... К тому же, Томас хотел доехать до Каракуля.

Мурат вызвался подвезти. Сели. Спустились в соседнюю деревню за «Колой». Мимо проехали бодрые велосипедисты в яркой форме: пятеро.

— А когда-то здесь дикари жили, — сказал Томас.

— Они до сих пор живут. Про зубную щетку не знают, палочкой чистят.

— Твой английский стал лучше.

— Спасибо.

И по убитому гравию в неземную высоту под перебор струн и разливы баяна. Слушали Ортиг Отаджонова, Мейрамбека Беспаяева, Ахмада Захира. Верди. Мимо нависших brutальных камней. Красных, как Афганистан.

— И люди убивают друг друга за нефть... — говорил Томас. — Как будто не знают, что атома хватит на всех.

Ехали. Мимо приземистых деревенок, изворотов дороги. На развилке, на топчане — в черном, бородатый мужчина с домброй...

Поворот.

Через Кудару и осыпающиеся склоны из пыли. Нависшее ущелье. Стальная река. Выехали к озеру Каракуль, где памирская пастель исчезает и горы седеют. Легкое головокружение, длаящая даль, поселок. Проржавелая брошенная техника — щёлк — вышка военных, колючие проволоки — щёлк — плоскокрышие домики с голубыми воротами, пустынные — щёлк — заколоченные окна, неприкаянный пёс — щёлк — допотопный ЗИЛ, на память от Советского союза — щёлк — кучка детей в форме на пустыре возле школы — щёлк — такое же здание милиции с портретом президента во всю стену — щёлк — женщина в платке выставила руку, прячет лицо:

— Жок! Жок!

— Что это с ней? — спросил Томас, когда отошли.

Белый двор, ржавая бочка, ребенок играет колесом.

— Они здесь очень плохо живут. После закрытия границы многие семьи разделены. Магазины нет, за продуктами ездят в Хорог, — пояснил Мурат. — Помнишь набитые машины?

Холодная синяя красота. Вечные тучи.

Мальчик в квадратном пиджаке тянет руку с улыбкой на уголке.

— Что он говорит?

— Он говорит, — Мурат рассмеялся, — «шоколад есть? деньги есть?»

Томас рассмеялся тоже и дал десять сомони.

Набежали школьники, все с протянутой рукой. Томас достал банку аскорбинок, рассыпал по ладошкам. Потом подумал и отдал пачку стикеров со Спанчбобом.

Пытались найти автомастерскую (легкое головокружение). Не

нашли, поехали так. К границе: в эти неземные горы, стекающие красками, рудами в эфемерность где Патрик и общество делают деньги верблюдом за бороду к вечерней службе понятно удобно, прогресс демократия электричество за зубами следить с самого вивальди моцарт этого самого себя и лица не не правые партии не пройдут вчера снегопадом и уровень жизни а но который сингулярность современные подходы атом распался мы просто в компьютерном и есть гора крутится следите за новинками amazon лучшие от криптовалюты кризис больших hello sar hello — не доехав до границы, Томас свалился в бред *у жалкой печурки: пока хозяин ломал сучья, кидал лепешки яков, Навоид адн Гузар расседлал Авессалома и снес тук с Коранами в угол, проверил. Десять — как было. Вскоре поспела простая похлебка (картошка, вермишель и яйцо). Спрашивал, что за белые кубики. Хозяин не отвечал. Смотрел на кубики. Общались пожатием плеч.*

Разомлевший от чая, Навоид вытянул ноги, размотал портки, и смотрел на портрет, висевший в углу под рогами козерога. Кивнул хозяину — тот объяснил на своем неясном языке. Навоид адн Гузар пощурился, но значения не придавал, отправился мыть посуду, а закончив, вышел на улицу, смотрел на головокружительные звезды, ночь, черную, как Кааба. И мысли растекаются призывом муэдзина, и чего стоят все эти пышные мечети, каллиграфические красоты под этими звездными путями, под этой величественной чернотой? Точно бы в подтверждение — но чего? — пробежала лиса.

После вечернего намаза они с миром уснули на чурпцах. Хозяин завел жестяной будильник. Навоид адн Гузар не понял. Смотрел. Долго. Потом заснул. Когда же проснулся и попытался разбудить хозяина на ишу — тот пробурчал, захрапел, а на фаджр проснулся. Навоид понял, что хозяин шит.

С неделю или две Навоид адн Гузар гостил в скромном том доме, потчующий невиданным гостеприимством. Он слаживал разные дела, чинил сапоги, шил шкуру для простого шатра, усердно откармливал Авессалома, помогал по хозяйству. После же,

со съестными припасами, что хозяин снарядил в дальний путь, — отправились. Навоид адн Гузар было подумал оставить один из расписных Коранов в благодарность, но счел шита недостойным, лишь помолился да благословил.

По рассыпающимся камням он пустился вновь к тракту, к этому вихляющему свитку дороги, но даже там, внизу, высота кружила голову, жёлтизна опустошала глаза... Он следовал с понурым ослом, не встречая ни души на пути, в воздухе чуя близкую осень. Несколько перевалов они прошли, так и не встретя поселков, близился Акбайтал, за которым, как он слышал от торговцев, озеро Каракуль и Памирский тракт наконец спускается к Кыргызским степям. Он шел два дня, день за днем набирая высоту и немощь, по рудным жилам, серым безлицым глыбам, по ущелью, впитывающему звук, точно воду, как ни кричи всё исчезнет, таща осла с драгоценным тюком на хребте, взнуздывая, погоняя и останавливаясь на хилые костры, питаясь орехами, закутавшись в шатер, врезаясь в эфир, в снегопады. Так и шел Навоид адн Гузар пятый день, проходя по краю обрыва, когда камень сорвался под копытом, его забрали в больницу в Хорог.

81

Пролежал три дня. Врачи ничего не могли сказать. Может, высота, может, возраст, может, электромагнитные бури. Жена слала голосовые сообщения. Мурат — фотографии, видео. Всей деревней с белыми зубами говорят hello, желают здоровья.

Через неделю выписали. Ходил по Хорогу, смотрел. Через речку Афганистан, триста километров невыносимой дороги до Куляба, пограничники, звериные рыжие скалы, — а тут современный город. Барбершопы, магазины, тротуары. Школьники в форме таджикского флага. Табличка: I LOVE KHOROG. Кто всё это привез? Самолеты? Вертолеты?

Генератор оформил. Пора возвращаться в Бардоро, но чувство, что что-то забыл. Там, у этой безумной горы. За Каракулем. Даже не приблизились. Он не стал ждать Мурата и арендовал машину

через каршеринг. За синим ущельем карабкался ранний рассвет.

Километров через пятьдесят остановился позавтракать яичницей. Пока объяснялся с хозяином через Google translate, увидел — на улице, под пыльным солнцем, на топчане, в черном костюме, черном тюрбане, с черной бородой мужчина. Нос его был скала, а глубокие глаза смеряли взглядом из вечности. В руках домбра. Томас подсел к нему и заказал чайник чая. Оказалось, он знает английский:

— Из Швейцарии гиворишь? Ну, щистливый путь тебе, Томас, чтобы у вас путешествие был хороший, красивый, не соскучились, — он прозвенел пальцами по извивающимся струнам. — Я Будулай Романыч, старик биздомный, грузовик вежю, пою для души и для друзэй. Песню любишь?

— Да, конечно.

— Мой песня о любви, о Боге, а если кто-нибудь послушает, понимает, что Будулай Романыч пойдёт. Песня хороший. Далико-далико ищё ехать, а я спою.

И разбежались пальцы по струнам, теряясь, рассыпаясь созвучиями откуда-то из другой эпохи. Он запел протяжно, с текучей тоскою, пробегаясь между куплетами по переливам из двух струн, резким, как пятерня.

Айдэль дами бедорща

Бедорща бедорщалви газе бедорщал

Эделдаме бедорщави

Вокруг собрались водители фур (остановились на яичницу) и неловкие погранцы (мальчишки с автоматами). Будулай Романыч обводил их всезнающим взглядом.

Барком ко боха пера хар

Берон щалай боха чаман

Э барком ко боха пера хане

Пэрон щалай боха чаман

Таслем щав ай кафанийийиши

Бедорща бедорщавишиши

Томас снял на видео, отправил жене по Whatsapp. Пошел есть яичницу.

Дальше.

Горы становились всё выше, всё камнистее, цвета из нежных — в суровые. Раздербаненные невесомостью облака — бери рукой и в карман. Дальше. За перевалом марсианский Мургаб. Шлакоблоки, плоские крыши, солнечные батареи, рынок из контейнеров. Дальше. Фиолетово-зелёно-серо-жёлто-ало-черными слоями горы. Равнодушная пустота перетекает с одной на другую. Дальше. На одном из подъемов джип заглох. В салоне предупреждали — трубка может не доставать до бензина. Томас подил и снова за руль. К этой неведомой горе. К этому запредельному перевалу.

83

Сфотографировался у таблички 4659 метров. Дальше. Хлябь и град. Змеистый серпантин.

Внизу — посреди нигде — стоял домик. Станный, поросший. Рядом нужник без крыши. Бараны. Не то брошенная автомастерская, не то скотный двор. Машина заглохла опять. Томас решил осмотреться.

Стены проросли и промерзли. Вместо крыш небо. Ветер скулит, хлопает дверью. Томас зашел в деревянный барак. Шелуха обоев, отгнившие цвета, мшистые доски. В углу на матрасе, дрожащими руками возясь с печуркой, кто-то в чапане: не кыргыз, не памирец.

— Здравствуйте, — сказал Томас по-английски, — вы не подскажете, где я? А то навигатор сбоит.

И протянул телефон. *Шамиль адн Гузар взглянул на чужеземца в тощих одеждах, с седыми власами, стеклом в глазах и сделал жест, указующий на подушки подле печурки с трубою посередине комнаты, и спросил:*

— *Chai?*

— Да, чай. Конечно.

Томас подсел на матрас и смотрел, как незнакомец тщательно разводит огонь. Копошится в печке. Тем временем, сам набрал воду из ржавого краника в кастрюльку. Поставил на печку. *Смотрели, грея продроглые руки, на всполохи печи, друг на друга. Когда же вода, наконец, пошла пузырями, Навоид адн Гузар забрал в руку горсть чая и отправил ее в чан. Затем разлил по пиалам, плеснул молока — оно взорвалось бледнеющим облаком.*

— *Тюрки? Фарси? Араби?* — *вопросил Навоид адн Гузар.*

— *English?* — Улыбнулся Томас. — *Deutch? Francais?*

Посмотрел, как незнакомец машет рукой, качает головой. Исхудалый, он торчал костями. Томас подумал, что сейчас допьет чай, оставит пару долларов и дальше. Искать гору неведомого.

— *Сеньор, быть может, по-испански мы сможем говорить?*

Томас удивился. Ответил:

— Да, я знаю испанский. Я работал в Эстремадуре, консультировал по вопросу атомной станции.

— *Стало быть, вы находитесь у придворных дел?*

— Нет, вовсе нет. Я ученый.

— *Ученые... Да, с них всё начинается...* — *промолвил Навоид адн Гузар, затем подлил чаю и — облаком — молока. — Садди, Шазыбан, Галилей. Наука способна познавать лишь тени, отбрасываемые светом, порожденным из удаления от величия Аллаха.*

— Ну да, именно поэтому нужно завернуть женщину в паранджу, а самому в зикрах кружиться. Или в пустыне воевать за нефть?

— *Отнюдь не всякий халиф праведен, сеньор. Много есть*

кафи́ров, считающих себя правоверными. — Он обратил к чужеземцу печальный, неподвижный взгляд. — Но то, что европейский человек называет свободой, — только усовершенствованное рабство. Вы несете не Ису, но Магога.

Томас усмехнулся, достал из кармана контейнер с сухофруктами-орехами. Открыл. На крышке — дурацкой улыбкой — Спанчбоб.

— Поймите, я не имею ничего против религий, беженцев — до тех пор, пока они не покушаются... — Он посмотрел на завернутый куль, который незнакомец держал поближе к себе. — Что это?

— *Это? — Навоид адн Гузар торжественно отвернул расписную ткань. — Это Кораны эмира Самаркандского, которые я должен доставить кыргызским кочевникам, попутно даря их встреченным правоверным в знак признательности эмира Шакхруха.*

— Так много правоверных вы встретили по пути?

— *Нет, много разбойников.*

85

Навоид адн Гузар вспомнил Авессалома, сорвавшегося в пропасть, горькой ухмылкой и погладил с печалью последний Коран, после чего протянул. Томас с почтением взял книгу. Открыл. Провел ладонью по тянущемуся узору из букв: великолепный ковер смыслов.

И всё это золотом.

— *Чем же ты занимаешься?* — спросил Навоид адн Гузар.

— Я? — Томас скромно пожал плечами. — Сейчас на пенсии, строю школы.

— *И чему в них учат?*

— Географии, математике, английскому, физике.

— *А умирать в них учат?*

Томас притих. С улыбкой:

— Извините, но как современный человек может обойтись без этих базовых знаний? Кроме того — школа обеспечивает жителей деревни рабочими местами. У них появляются деньги, уровень жизни...

— *Вся эта жизнь — лишь наваждение и сон. Мир отдан Иблису на...*

— А медицина? Ходят без зубов, с гнилушками!..

— *...И сказано, что люди будут строить башни до небес, что будут слышать музыку в своих ушах, а после солнце взойдет с запада, и люди уверуют, но будет уже поздно.*

— Не беспокойтесь. Не взойдет. — Томас допил пиалу и резко встал. — Видел я этих имамов на ютубе, которые говорят, что интернет зло, а школа — просто тюрьма. Это сплошное лицемерие, сеньор.

— *Своей магией — простите, наукой, вы всего-навсего ускоряете время, строите новый Вавилон, чтобы опять обрушиться в золотой век. И хотя имам исмаилитов...*

— Я не против религий, я не против мусульман — в современном обществе место есть всем есть. Делайте намазы три раза, пять раз — пожалуйста! Но взаимопроникновение культур закончено, границы стерты.

— *Вне ислама ничего нет.*

— Это бессмысленный разговор. Благодарю за чай. Адиос.

Томас уже повернулся на выход. Оглянулся. Через плечо. Навоид адн Гузар заметил взгляд, павший на заманчивую ткань с Кораном.

— А это... это ведь чистое золото?

— *Конечно! Эмир Шакхрух выделил немало богатств, чтобы заказать работу у самых высших мастеров... Но кажется мне, это*

весьма странный способ доказать кафирам истину пророчества Мухаммада, да будет Аллах им доволен.

— Хм... — Томас задумчиво сунул руку в карман. Пересчитал, достал. — Прямо сейчас я могу предложить вам тысячу. Еще тысячу переведу потом на карту.

Навоид адн Гузар рассматривал стопку лилово-синих бумажек с серебряной лентой и сморщенным стариком.

— *Что это такое?*

— *Доллары США.*

— *Торговцы Самарканда их принимают?*

— *Их везде принимают.*

Навоид адн Гузар в удивлении взял стопку и всмотрелся в бумажку с единицей и двумя нулями. Он вглядывался, пока не узрел пылающий глаз Иблиса, возрастающего на вершине хрустальной башни, спиралью вьющейся из бездны мира. Отшарахнувшись, он рассыпал бумажки и уставился на сияющие золотом уголки-крылья Корана. Из его перелива сверкал тот же глаз.

— *Неверные! Ха-ха-ха-ха-ха!!* — *Навоид адн Гузар рассмеялся вдруг самым нутром.* — *Так это мы неверные, а не они! Ха-ха-ха-ха-ха!!!!*

— *О чем вы? И скажите, наконец, свой банковский счет!*

Томас сжимал губы раздраженно, а Навоид адн Гузар чуть не швырнул в него пудовым Кораном и, забыв про бумаги, дорогу, хохоча самым невозможным образом, выскочил в дверь и растворился в песках времени.

Иллюстрация: Анна Боронина

Прозаик, драматург.
Публиковалась в зинах
 («хрупкость», «до/после»,
 «распутица»), литературных
 изданиях «Фальтер» и «Иначе»,
 пьесы попадали в лонг-листы
 драматургических конкурсов
 «Ремарка» и «Исходное
 событие», а также в шорт-лист
 конкурса «Евразия».

Слоны болят

— Чего?

— Да вон же! Слоны!

Пара грязно-серых глыбин в складку из незаметно подкатившего фургона щупают хоботами воздух, выглядывают и прячутся в душной темноте — упрямятся вышагнуть на берег.

Серо-зеленая Обь, июнь.

— Люся, смотри — слоники!

Бледная с желтыми синяками на ногах Лена хватает дочь за руку так, что у той выскальзывает синее ведро: вместе строят замок, потом Люся разными водорослями, веточками украсит, ракушки искали, искали — нет.

— Пойдем посмотрим.

Из «девятки» с циркачами вываливаются люди-камеры, рассредотачиваются по пляжу искать ракурсы и лица для репортажа. «Вываливай!» — мелькают цирковые рабочие туда-сюда: срывают с верхнего багажника доски, в четыре шага доносят к фургону — выкладывают трап на берег.

Рядом с фургоном мужчина наблюдает за беготней.

— Дрессировщик, — кивает Люсе на человека-палку в зеленом комбинезоне вставшая рядом с мамой сухая тетка-цветы-песка. Волосы, как водоросли, темными склизкими соплями сползают на плечи, лямки выцветше-желтого купальника приспущены на плечах. — И додумался на городской пляж притащить?! Вниз бы по Оби спустились, где никто не купается...

— Ну, пошли! — перебивает теткино бурчание дрессировщик, басом командуя своим подопечным: трап готов, можно выходить.

Народ толпится на берегу: кто с детьми по пояс в воде и в купальниках, кто еле щиколотки сполоснул — выбежали на перерыв, еще минут десять и обратно на работу, — хихикают, галдят, пока перед их изумленными, красными от солнца лицами прыгают камеры.

— Какие смешные!

— Жарко бедным...

Улыбаясь и повизгивая, высматривают в фургоне слонов, друг перед другом встают кто на цыпочках, кто в наглуую, жалеют, что фотоаппараты не взяли: «Сбегай, сбегай! Наверняка долго будут».

— Мог бы и из шланга у себя ополоснуть! — громче возмущается тетка-цвета-песка. — Нет, на речку привез, чтоб они тут всё обосрала.

Ей кивают подошедшие на берег пенсионерки:

— Куда администрация смотрит?

— Мужчина, вы чем думаете?!

— Пошли, — шмыгает носом человек-палка, стучит тростью по трапу. — Ну, выходим.

Слон делает ша-а-а-аг, вто-ро-о-ой, под шершавыми стопами прогибаются доски.

— Живее идем, не стесняемся!

Ша-а-а-аг, чет-ве-ер-тый.

91

В город приехали циркачи с индийскими слонами — рассказывали по телевизору — на месяц, что ли. Лена тут же загорелась Люсю сводить, но в будни — работа, в выходные — билет дорогой. Один бы на себя купила, дочку на колени, нет: везде детей до пяти лет бесплатно пускают, а эти циркачи — только до трех... На работе посоветовали: на Люську купить билет, одну в зал отправить и попросить, кто рядом сидеть будет, присмотреть. Но Люся хныка: ни на шаг от матери, да и вдруг чего...

Вот из фургона выплывает слон, пяткой швых — после себя оставляет песчаную вмятину, задирает хобот к небу. Тут же подрываются камеры: «Ну-ка, повтори! Или голос, голос подай — труби! Давай!» И пока у первого слона крутятся камеры, человек-палка выманивает из фургона второго. Пусть хоть так посмотрит, думает Лена.

Она аккуратно выпихивает дочку подальше от венозных ног недовольствующих старух: «Извините... извините, — на вытянутой руке держит Люсю за шнурок от крестика, — смотри, Люсечка, смотри!». Как слон песок хоботом гребет и себя им по бокам, по животу хлещет, головой мотает. Народ пальцами тычет: смешной какой!

Из фургона на берег выбирается — пыльный, ужас! — вторая

слоновья глыба. Крутит головой, осматривается. Ша-а-аг...

— Мам, — Люся поворачивается к матери, — слоны!

Лена кивает, продолжая смотреть, как слоны совсем рядом с ними шествуют к воде. Детвора окружает плетущегося рядом дрессировщика:

— А они какие на ощупь? — пищат, прыгают, но подойти осторожничают. — Холодные? Шершавые?

— А мягкие или твердые?

— Можно погладить?

— Они пока... — чешет подбородок один из операторов, — пока до воды допрутся, надо людей поснимать. Детей... — Он рыщет глазами в темных очках по пляжу, всматривается в лица, — вот! Девочку... эту, — показывает пальцем на Люсю, — да. Давай ее — хорошо будет в кадре.

К Люсе прыгает маленький лысый человек, встает на колени перед ней: «Девочка, пойдешь к слонам, а?»

— Люся, — сообщает дочкино имя Лена.

— Люся, — кивает человек, — пойдешь, а? — сверкает желтой с серебряным в уголке улыбкой мужчина. — Ты не бойся. Мы тебе слоников дадим погладить, а? Тебя дядя-дрессировщик на руках поднесет, и ты слоника погладишь. Хочешь, а?

Люся таращится себе под ноги, ноготком коленку царапает, нижнюю губу прикусывает — боится ответить.

— А слон не укусит? — волнуется Лена. — Не напугает?

— Да что вы, они ж добрые! Я Иван, кстати. Корреспондент, — лыбится Лене. — Гляньте, вон: идут, улыбаются.

Слоны, протоптав пляжа метра четыре, друг к дружке жмутся, готовятся к купанию: осторожно, наклонившись к воде, хоботами будто нюхают реку, щупают зеленоватую гладь. Дрессировщик, закатав штанины комбинезона, слонам палкой по воде водит: «Давайте, давайте» — и они послушно бредут в прохладную воду. Заходят поглубже и боком плюхаются, ме-е-ед-ленно встают и снова в воду. Глаза у них на солнце — щелочки серые, а кожа — будто водичкой на камни полили: зелено-черная с желтыми крапинками, не пыльная больше, блестит. Довольные! Хоботами на радости Обь

взбивают и раз!.. Исчезают в пене. «Снимай, снимай!» — командуют друг другу люди-камеры.

Взрослые ахают, смеются, с безопасного расстояния кто — «Засрут. Всю реку засрут! И куда только смотрят?» — недовольтвует, а кто — «Хороши! Ай, хороши!» — насмотреться не может. Дети носятся, накатывающие волны от слоньего купания караулят, визжат от удовольствия. Дрессировщик с закатанными штанинами по колено стоит в реке, собой границу «слоны – берег» обозначает.

— А моему дашь на хоботе покататься? — донимает его отдыхающий.

Человек-палка, щурясь на солнце, только мотает головой.

— Сотку дам! Ну че те?.. — не отстаёт черноусый. — Ты их каждый день видишь, а сына мой... Ему впечатлений на всю жизнь. Ну?

«Сотку ты мне дашь», — хмыкает про себя дрессировщик и отворачивается от мужика. У него этих соток после каждого представления по всем карманам напихано.

93

А слоны в реке топчутся, смывают с себя цирк: стразинки, клей и перья сценического костюма, пыль громяющего на разбитых дорогах фургона, оставляют в реке мокрое гнилостно-черное сено — ни есть, ни спать на нем невозможно, — решетку своей совсем крошечной клетки и хлыст-палку дрессировщика. Из ушей выполаскивают со вчерашнего представления лай дрессированных пуделёчков, детские визги радости и звонкие аплодисменты со свистом. Выныривают из зеленой Оби, тяжелые головы к небу — ш-ш-ш! хоботами воду на себя выбивают — и одурью снова падают в реку. И Люся будто с ними изнутри тяжелая, уставшая ныряет, смывая когда-то бывшего ей нежным другом царапающегося Пашку из детского сада, одни и те же макароны с сосисками на кухне у молчаливой соседки и все чаще разъедающий по ночам маму неприятный девочке запах.

— Ну чего, а? Пойдешь? — легонько тянет к себе Люсю желтозубый корреспондент.

— Пойдет, — решает за нее мама. — Люсенька, ты только не бойся. Смотри, какие слоники добрые, хорошие.

И уже шнурочек от крестика, за который держит свою девочку, отпускает, но вдруг тревожится: а если Люсенька расплачется? Испугается без матери и слонов напугает — они возьмут и затопчут

дочь, прямо насмерть затопчут. Нет, их обеих сначала довезут до рассыпающейся серой больницы, там оставят на крыльце. Или не оставят, а осторожно положат ее девочку сразу на кушетку и к врачу. Он послушает еле трепыхающееся в раздавленной Люсиной груди сердечко, скорбно вздохнет и, еле мотнув головой, выведет Лену в коридор. И Лена только закроет глаза, потому что все по этим поджатым губам, по этим еще в палате опустившимся рукам все поймет. И наконец с головой уйдет в свою подступающую глухую темноту, где ей больше не придется упрашивать Люсю съесть все-все, что дают воспитатели, и даже нелюбимую ее рыбу, не надо будет каждое утро экономить на маршрутке от садика до работы, а по ночам, как девочка засопит глубоким сном, тихонько сползая с дивана, надевать на себя коротенькое платье и выходить из дома на улицу через двор, до конца улицы Ленина, там сворачивать куда ноги несут... «И не будем больше мучаться, — одними уголками улыбается себе Лена, — а Люся хоть разок в жизни порадуетя...»

— Так! — Вдруг доносится сзади. — Это что такое?!

Лена озирается: по пляжу торопится мужчина в светлом костюме, месит песок сандалиями, панамкой жару от лица отмахивает. За ним спешит тетка-цветы-песка, кривя рот, подкрикивает:

— Мыться пригнали!.. Всю реку засрут!

Люди на них оборачиваются, ухмыляются. Ну мужик, ну деловой: рубашка на все пуговицы застегнута, — как в такую жару-то дышит? — шея в бисере пота, залысина на темечке солнцем переливается.

— Это кто вам разрешил? — Фырчит мужчина в толпу отдыхающих. Протискивается к фургону, глазами зыркает, пытается найти организаторов слоновьего купания. Подскакивает к дрессировщику: «Вам кто разрешил, — спрашивает, — мэрия, — отвечают, — ничего не знаю, вытаскивайте! — всем телом от негодования вздрагивает, — давайте! кыш!» Дрессировщик только отмахивается.

— Мужик, а ты сам-то кто? — вступает за слонов один из операторов телеканала.

— Директор.

— Чего?

— Пляжа.

Должность человека в костюме разносится по берегу шепотом-смехом: «Слыхали, какие профессии у людей бывают?»

— Вы давайте не увиливайте, — от обиды надувается директор пляжа, — а забирайте своих слонов.

Но люди на пляже только машут на него руками и хмурятся:

— Мужик, ну дай им покупаться! Жарко же бедным.

— А людям после них как? — вмешивается тетка в желтом купальнике. — В грязной речке купаться? Вы, мамаша, — вытянув голову в сторону Лены, клацает серыми зубами, — дочку у воды держите, а они туда уже небось... делов наделали.

«И правда, а вдруг наделали? — Лена округляет на воду глаза. — А я Люську туда...».

— Не слушайте, — прорывается через ее раздумья таратор-корреспондент. — Они пока разберутся, а? Давайте девочку.

Не дождавшись ответа, берет Люсю на руки, — Лена шнурок от крестика из рук выпускает, — и несет вцепившуюся взглядом в слонов девочку к дрессировщику. Но тот от подергивающегося от злости директора пляжа отбивается и люди-камеры, окружая мужчин, только переглядываются: снимать их грызню, слонов, вмешаться? И Люсе совсем страшно на руках у этого желтозубого человека, но хочется погладить слонов и что-то шепнуть в их большие и на ощупь, наверное, очень тонкие уши.

— Кто звонил? — не успокаивается директор пляжа.

— Наши, — лениво пожимает плечами дрессировщик.

— Какие ваши?

— С цирка наши.

Пока директор пляжа, вытирая панамкой пот с шеи, силится вспомнить, звонили ли ему циркачи, корреспондент с Люсей на руках кивает дрессировщику, мол, девочку-то к слонам несем? И дрессировщик ему утвердительно кивает: «Несем» — и уже тянет руки, как вмешивается тетка в выцветше-желтом купальнике:

— И что, вам прям взяли и разрешили? В Обь? Чтоб засрали?

— Вам жалко, что ли? — басит кто-то из толпы.

— Вот прям взяли и разрешили! — огрызается на

нее дрессировщик. — А засрут, — добавляет, — уберем.

— Что, своими руками? — не унимается тетка-цветы-песка, но не получает ответа.

— Можете помочь, — хихикает кто-то из людей-камер.

— Да вам же человек говорит: «Не разрешали!» — резко вскрикивает одна из старух рядом с Леной. — И эта еще... — цокает она на Лену и, не закончив фразу, отворачивается.

— Что? — зачем-то спрашивает ее оробевшая Лена.

Что «что?» — себе же грубо отвечает. — Отдала дочь на непонятного мужика, — слонов погладить, ага! — а он Люську возьмет и заберет. И не отдаст. Потому что все, нет, ладно, не все, но много кто на пляже знает, какая Лена на самом деле мать. Знают, что не из-за работы посудомойкой-уборщицей и иногда на подмене официанткой в кафе-баре «Валентина» она бродит по улицам уставшей тенью. Знают, из каких кредитов она уже и не надеется выползти и как, стыдясь своего же попрошайничества, она носит из церкви пакеты с детской одеждой. И ехидничают, что тем же местом, что она себе на платья зарабатывает, может и дочке на одежду заработать. Но нет — отбирает у всамделишно нуждающихся.

И вот они стоят, завистливо на ее Люсеньку на руках у корреспондента смотрят, наверняка про себя бурчат, что могли бы и их красивых, улыбающихся деток отнести к купающимся слонам и снять для новостей. Но не докричишься же до них, не вдолбишь, что единственная за последние месяцы радость у ее Люсеньки — погладить слонов, бултыхающихся в зеленой, и без этих несчастных, уставших животных, засранной воде. А их красивые детки прекрасно в цирке на слонов и посмотрят, и рублей за двести после представления их погладят, и даже на память сфотографируются.

— Мужики, снимаем? — подает голос один из операторов телеканала.

— Не помню... — еле слышно бубнит директор пляжа.

Напяливает на голову панамку, смотрит, как слоны в воде бултыхаются, пенят реку, умиляется: «Хороши...» И, главное, тихо себя ведут, спокойно. Слоны. Да и циркачи. Но слоны... Отдыхающих не распугали, а ведь на радостях, что купаться привезли — жарница, тридцать шесть в тени! — должны в свои хоботы трубить. Ребятишки радостные, взрослым тоже интересно. И

под присмотром все — никого не затопчут: стоит же дрессировщик, вон мужик, один из циркачей, наверное, рядом со слонами бродит, детей не подпускает... «А как они друг дружку поливают — ну загляденье! В цирке, наверное, тоже что-то такое показывают...» — вздыхает директор пляжа.

Ему подарили два билета на представление, они так и лежат в тумбочке: в будни с этой работой не вырваться, а в выходные... Да не с кем: семьи к пятидесяти двум так и нет.

«Нет, — перебирает в голове директор, — позвонили часа полтора назад, сказали: „Выезжаем“. А кто звонил? Куда выезжаем?.. Где документы?»

— В цирке, наверное... — отвечает вслух.

Ну! И какой разговор без документов? Нет. Грустно, конечно: жарко животным... Хотя, индийские — он по телевизору про них смотрел, у них на родине-то... привыкшие, по идее. Так и людям жарко! Купаться полезут, а там... Нет, права крикливая в желтом купальнике: надо гнать этот цирк с пляжа.

97

— Простите, — он слышит тихий заикающийся голос, — можно моя дочка слонов погладит? Пожалуйста. Совсем чуть-чуть — и вернется.

— Женщина, — он недовольно морщится, — я сейчас вам разрешу, побегут остальные...

Он переводит задумчивый взгляд на незагорелую Лену и вдруг узнает ее грустные, чего-то ждущие глаза, сухие губы и пышные рыжие волосы. И понимает: как-то, месяц, что ли, назад, уже ночи были теплыми, он видел ее. Одну, на остановке «сто пятого». Она сидела на скамейке, нервно подергивая левой ногой, смотрела вникуда и, в общем-то, вряд ли искала чьей-то компании. И идти ему было: два метра от остановки, перейти через дорогу, обойти тропинкой круглосуточный ларек, и вот его дом — краснокирпичная двухэтажка, в ней холостяцкая двушка, доставшаяся от бабушки... Но он сел рядом. А наутро долго разглядывал рыжий волос, снятый со своей серой футболки.

— Можно? — чуть громче спрашивает Лена, и директору пляжа кажется, что она не узнала его. Он молчит пару секунд и кивает: «Можно».

— Снимаем! — облегченно вскрикивает корреспондент и передает повеселевшую Люсю дрессировщику.

Иллюстрация: Яна Аришинова

Литературный журнал «Нате»

Выпускница
Литературного
института имени
А. М. Горького.
Хозяйка группы
«спи в заброшенном
доме».

А
Н
А
С
Т
А
С
И
Я

Э
М
И
Л
Ь

Агу-Ага

Агу-Ага сидит на холме и сосет большой палец ноги — правой или левой, нам неизвестно, всё зависит от того, с какой стороны посмотреть. Живущие на правом берегу говорят, что во рту у него палец левой ноги, а жители левого побережья — правой. Сами мы его не видели, и кому верить, не знаем, но факт остается фактом: палец во рту у Агу-Аги может быть только один, и если Агу-Ага его вытащит, наступит конец света.

Жители села Полисовки конца света, мягко говоря, опасаются. Электричество им и так отключают часто: пару раз в месяц несколько улиц стабильно зажигает свечи и выставляет фонари на солнечных батарейках. Вся эта красота отражается в реке, и вид Полисовка приобретает необыкновенный: вся блестит и плывет в отражении волшебного зеркала. Полисовка — заколдованное место, одно из тех, которые умельцы прячут за хрупкими стенами стеклянных шаров, чтобы можно было их хорошенько встряхнуть и смотреть, как кружится снег, но снега в Полисовки нет, только свет.

— так мы общаемся с ним, — говорит нам Анна, добрая женщина, у которой в библиотеке сто пятьдесят восемь книг. Позже она покажет нам небольшую комнату в клубе культуры, куда дети ходят лепить из глины. Из вежливости мы вместе посчитаем книги — их откажется сто пятьдесят шесть. Анна расстроится и почти заплачет, мы бросимся ее успокаивать, уж слишком она хорошая, и подарим ей одну книжку, которую взяли с собой. Анна сначала откажется, но потом посмотрит на нее внимательно, возьмет со стола очки, наденет на нос — и превратится в Анну Аркадьевну: рост ее вдруг увеличится на семь сантиметров, выправка станет почти военной.

— муж у меня офицер. Был, — тут мы чувствуем трагедию, но ее не случается, — сейчас на пенсии. Дачу построил. Хотите, вас попарит?

Мы-то хотим, конечно. Но тогда, в маленькой комнате клуба культуры Анна Аркадьевна нас о таком не спросила. Она осмотрела книжку со всех сторон, оценила переплет, понюхала страницы и стала думать, куда бы ее поставить. Не нашла — оставила на столе, сняла очки, уменьшилась в росте — обратилась доброй женщиной Анной и сказала:

— книжка хорошая, спасибо вам большое, я потом найду ей

нужное место. Давайте за это я напою вас полисовским чаем.

Мы не дураки отказываться от чая, тем более, от полисовского. Анна открывает шкафчик, и видно, что чашек там почти столько же, сколько книг. И все из разных сервантов, почти нет повторов.

— выбирайте, — разрешает Анна, а себе берет синюю чашку с двумя белыми птицами. Пока пьет, одна такая птица вылетает из чашки в маленькое окошко. Это голуби, спрашиваем мы.

— нет. Особая порода, только у нас и водится. Полисовки называются. На грани исчезновения птицы. Почти все пропали, только чуть вот и осталась. Мы их ловим осторожно-осторожно, не волнуйтесь.

Мы смотрим, с какой радостью птица резвится в нежных полисовских сумерках.

— грустно им, наверное, в неволе.

Не отвечает добрая женщина Анна, отхлебывает чая.

101

— а кружки дети приносят. Оставляют, а потом забывают здесь, у меня рука не поднимается выкинуть. Вдруг вернется кто-то, захочет вспомнить старую знакомую, а кружки и нет.

По числу их понятно, что возвращались немногие. Внимание наше привлекает огромная синяя кружка в виде слона, у которого отвалилась часть хобота — взяли бы ее, да пить будет не очень удобно. Есть тут и чашки со звездами, чашки-гусеницы и чашки-бабочки, кружки с глазами и кружки с фотографиями чьих-то семей. Мы ищем кружки с белыми птицами, но не находим, останавливаемся на похожих чашках-грибах разного цвета. Анна ставит чайник на мини-плиту.

Когда часы у полисовского театра бьют семь, Анна отодвигается от стола. Она снимает с себя носок — белый кружевной носок, немного грязный, видно, что Анна не просто считает книжки и пьет чай, но и исполняет другие обязанности. Она берет себя за щиколотку и засовывает палец правой ноги себе в рот. Тогда мы удивились, хотя картина эта позволяла сделать только два вывода: во-первых, полисовцы очень любят своего бога; во-вторых, Анна живет на левом берегу реки.

Через минуту Анна достает палец изо рта, и, как есть — палец был влажный, блестящий, с тонким неровным ногтем — надевает на ногу носок и продолжает чаепитие. Мы стараемся сдерживать удивление, но всё же выражается оно на наших лицах и просачивается в кружки.

— так мы чествуем Агу-Агу. Сколько он тысяч лет сидит с пальцем во рту, никто не знает. А так хоть раз в день мы делаем ему приятно — у него же нет ни храма, ни икон, нет своего дня, как у любого мало-мальски известного святого. Но пусть вам об этом кто-то побольше меня расскажет.

Анна отправляет нас на другой берег, в дом к Михаилу и Марье. Они вдвоем разводят полисовок и закатывают их в слова, как иные закрывают в банках варенье. Марья читает заговоры от чего-то, а Михаил на что-то. Когда мы к ним приходим, они решают, что нас тоже надо заговорить:

— от серого ветра большого пальца Агу-Аги... от черного паука, от грибного мотылька... да святится имя твое... да не отключат свет... Миша, ты выпустил птиц? Выпустил, Маша. Хорошо, пусть полетают.

Марья маленькая, тонкая, бледная, назвать ее Машей мы не можем — очень серьезное у нее выражение глаз, но потом Михаил говорит что-то, и Марья очень громко смеется, так громко, что вишневое дерево рядом с их домом теряет несколько косточек. Из смеха ее вылетает полисовка:

— когда долго работаешь с птицами, они иногда залетают внутрь, — виновато улыбается Марья и смотрит, как полисовка грызет вишню.

Михаил накрывает небольшой стол в саду: на белой скатерти стоят блюда со сливами и персиками, а еще лежат бутерброды с грубо нарезанной колбасой. В рюмочках стынет компот.

— по версии жителей левого берега, то есть нас, Агу-Ага появился всего восьмисот лет назад. Отследить, когда он взял палец в рот, сложно — свидетелей этому не было, а сам он рассказать не может — но этим Агу-Ага обеспечил безопасность мира.

Михаил предлагает нам овощи на гриле, но прежде, чем он успевает достать шампур, ветер — от серого ветра большого пальца

Агу-Аги — доносит удары часов с театральной площади. Марья присаживается на лавочку, они с Михаилом снимают шлепки и засовывают пальцы левых ног себе в рот, смотрят при этом в глаза друг другу. Мы молчим, боимся нарушить интимный процесс единения.

— вы сами видели его? — спрашиваем, закусывая грибами. На наш вопрос Марья и Михаил сочувственно переглядываются и обещают отвести нас завтра на место, где в полдень можно разглядеть Агу-Агу. От такой щедрости мы тоже хотим им что-нибудь пообещать, но предложить ничего не можем кроме сахарных сухарей.

— давайте сухари, — соглашается Михаил, и мы лезем в сумки. Вдруг Марья хватается за живот и падает на траву. И лежит на траве теперь уже — Маша — выглядит она, как семилетний ребенок, одной рукой бьет землю, открывает рот и из него — чистый крик молодой полисовки.

— извините, мне пора, — говорит Михаил, накидывая на себя темный плащ, и скрывается за забором так быстро, что мы успеваем только кивнуть в полисовскую тьму. На нас смотрит ночь под черные птичьи выстрелы — мы не знаем, как помочь Маше и чем, и руки наши еще никогда не были так беспомощны. Мы хотим обнять ее, но боимся сломать. Маша кричит пять часов, а когда приходит в себя, печально тычет своим маленьким тонким пальцем в пустой крючок и тяжело садится за стол.

— свет скоро отключат, наверное. Свет всегда могут отключить. Миша поэтому обычно и ходит в светоотражающей куртке. Два раза я находила его в болоте, один раз в лесу.

— он надел темный плащ, Марья, ты и сама видишь.

Марья молчит.

— у меня здесь, — Марья осторожно гладит место внизу живота, — живёт полисовка. Я сама не поняла, как она пробралась так глубоко. Большую часть времени она спит, но иногда просыпается и пытается выбраться. Такое порой происходит, когда долго работаешь с птицами. А полисовка хочет на волю, к своим, и кричит в сторону холма, где восседает Агу-Ага. Миша не любит, когда она кричит, боится. Темный плащ он надевает, когда не хочет, чтобы его искали, но я всё равно знаю, где он. Если полисовка просыпается, Миша уходит на левый берег. Я его

не виню. Если пойдете его искать, передайте, что я его жду.

На первый взгляд разницы между правым и левым берегом, несмотря на возмущения местных жителей, почти нет. Побывав и там, и там, можно заметить только два ощутимых различия: воздух на левом берегу более влажный, чем на правом — дома стоят ближе к воде. Из-за этого там холоднее, и даже мы в толстых носках и свитерах замерзаем быстро.

На пути мы встречаем двух развеселых молодых людей и спрашиваем, не знают ли они, где искать Михаила.

— двоеженного или хвостатого?

Тут мы теряемся с ответом. Видя наше замешательство, молодые люди помогают:

— ну, того, который две жены себе на двух берегах завел?

— когда у одной орет — бегаёт к другой и потом меняется.

— или того, который в пожаре потерял ногу, а потом себе хвост отрастил?

— первого, — хвоста мы у Михаила решительно не помним.

— вот тот дом, с красной крышей.

Мы улыбаемся и делаем вид, что ничего не поняли, для собственного успокоения. Дом небольшой, хуже, чем на правом берегу, Михаила же мы заранее осуждаем.

Но дверь нам открывает не он. Маленькая, белая:

— что вам нужно?

— извините, Михаил здесь?

— миша? Да, заходите, сейчас позову.

Имя мы из уважения к Марье не спрашиваем. Садимся, смотрим в окно, потом обращаем внимание на книжку на небольшом столике. На форзаце — печать: «Из личной библиотеки Анны П.» — недостающая сто пятьдесят восьмая книга из коллекции нашей знакомой. Михаил появляется через несколько минут. Кажется, ему

СТЫДНО.

— вас Маша ждет.

Михаил что-то мычит в ответ и отводит глаза. За дверью включается вода.

— вы говорили, что отведете нас посмотреть на Агу-агу.

— послушайте. Вы меня поймите. Мы тут все на самом-то деле птицами заражены. Ходим-летаем. Я Машу люблю, но когда такое происходит, не могу, ей-богу. Работа на дому какая-то. Мне крик этих полисовок в плохих снах снится.

Мы мало его понимаем, и Михаил замечает это по взгляду:

— Давайте я вас заговорю, и сами увидите, что вам нужно. Сейчас.

— от большого пальца Агу-Аги... от черного ветра мертвых птиц... от лесного ручья... и тропу найти... и в овраг не пасть... и увидеть среди скал... спасти...

105

Михаил засыпает, а потом вздрагивает, и мы снова здороваемся.

— у вас тут книга из библиотеки Анны. Давайте мы занесем ей?

Михаил кивает и с явным облегчением закрывает за нами дверь.

Вопреки традициям нам не понадобилось три дня и три ночи, чтобы взобраться на холм. Не износили мы и пары железных сандалий, не сплели рубашек из крапивы, не победили могучего тугарина змея — разве что оступились на маленьких скользких камешках и чуть не упали в заросли длинной неназванной травы. Тропинки не было, но за полчаса до того, как красно солнце утонет в реке, мы поднялись на самый верх. На холме тихо, не долетают до такой высоты обрывки суетной жизни. Мы выравниваем дыхание, идем к самому краю и видим его.

Агу-агасидит на холме и сосет большой палец ноги — становится очевидно, что левой — спор разрешился в пользу жителей правого берега. Мы хотим внимательно рассмотреть Агу-агу, но получается

плохо. При моргании его образ тут же стирается из памяти, да и сам весь он какой-то нечеткий — сложно сказать, сколько Агу-Аге лет и как он выглядит. Поза же его настолько несуразна, что Агу-Ага напоминает оригинальный памятник, причудливый монумент самому себе, и только глаза у него неправдоподобно голубые. Подойдя поближе, мы замечаем, что он плачет.

Нам не нужно высшего медицинского образования, чтобы понять — Агу-Аге больно. В уголках его рта засыхают коросты, руки — тонкие-тонкие, как ветки слабого дерева, которое не переживет зиму.

— если вы вытащите палец, наступит конец света, — говорим мы ему, осторожно трогая за плечо, надеясь поддержать. Мы не общались с богами до этого и боимся нарушить какой-то невидимый кодекс.

Агу-Ага таращит свои большие глаза. В них отражается река, и она же вытекает из них, падая на желтоватый мох. В них же — мольба о спасении. Одной рукой мы аккуратно берем Агу-Агу за щиколотку, а другой убираем его ладонь с ноги. Агу-Ага выпускает палец изо рта, и за ним тянется прозрачная нитка слюны.

Конец света наступает, но длится недолго, секунд тридцать, после чего до нас доходит, что солнце всё же ушло под воду, и теперь горит нам из нижнего царства — это не конец света, а начало тьмы, недолгого, августовского помутнения. Агу-Ага сидит всё так же недвижимо, а потом вдруг выплевывает что-то себе в руку и смеется, вскакивает, тут же падает на землю, снова пытается подняться — левая нога его при этом не перестает дергаться и рыхлит землю. Он переворачивается на спину и кричит — сначала ничего не получается, но Агу-ага вытягивает из себя звук, и, в конце концов, из его рта вырывается тонкая струйка крика, в отличие от Марьиного, вполне человеческого. Агу-ага отхаркивается, прочищает горло, рассматривает левую стопу печальным голубым взглядом, а потом вспоминает про нас и протягивает свою сухую руку:

— я Денис.

Агу-Ага-Денис ест курицу так, словно не ел тысячу лет: он слизывает жир, чавкает, рыгает. Мы с уважением относимся к его голоду.

Когда Агу-Ага-Денис наконец наедается, он становится более-

менее точен в своем воплощении: ему около 30, он действительно очень худ и не очень высок, но его лицо на редкость миловидно — он похож на юношу с картин Караваджо, случайно заглянувшего не в тот век. Несмотря на невероятный интерес, мы держимся и не кидаемся на Агу-Ага-Дениса с расспросами, впрочем, вскоре он сам спрашивает у нас:

— сколько я здесь сидел?

Мы не можем дать внятный ответ. На наше растерянное бормотание Агу-Ага-Денис раздраженно мотает головой, но потом замечает книгу, которую мы должны занести Анне. Он раскрывает ее, хмурится и начинает что-то высчитывать. Его подсчеты заканчиваются на числе пятьдесят восемь. Агу-Ага-Денис поворачивается к нам, и на дне его полупрозрачных глаз плавают карпы:

— я просидел на этом холме пятьдесят восемь лет.

— и как вы это поняли?

107

— я работал над этой книгой. Ее первой редакцией. Это двенадцатая — Агу-Ага-Денис листает страницы и беззвучно читает отдельные абзацы, потом строго смотрит на нас: — Вы познакомились?

— нет.

— и не надо. Ерунда.

Мы не выдерживаем:

— вы же бог? Вы сосали палец.

Агу-Ага-Денис хлопает себя по карманам и достает длинный тонкий осколок дерева, выглядит он устрашающе, — я не хотел! Я пытался вытащить занозу!

— вы посмотрите, какой огромный! И то, что он вонзился именно мне в ногу, самый ужасный кошмар из всех. Я приехал сюда изучать полисовок, тогда они еще не были вымирающим видом. С берега увидел, что на холме их было очень много, настоящее место обитания. И все подначивали, говорили: сходи на холм, сходи на холм! Ну, я и взбрался. Так зачаровался ими, что не заметил ло-

вушки. Попытался избавиться от занозы... Тогда и начался весь этот цирк.

Говорил Агу-Ага-Денис торопливо, почти не обращая на нас внимания. Губы его при этом то и дело закруглялись вокруг фантомного пальца:

— а им только оно и надо. И пока я сидел здесь с пальцем во рту, пока полисовцы засовывали свои треклятые пальцы себе во рты, я, кажется, и сам поверил, что принадлежу Полисовке. И тогда я и полюбил их и возненавидел окончательно. Жалко ли мне их? Жалко. А меня кто пожалеет? И бедные полисовки, за ними никто не следил, и они потихоньку исчезали. Лет двадцать назад я жителей-то и... — Агу-Ага-Денис замирает и вдруг краснеет, выдавая в себе человеческое.

— что?

— ну, проклял, что. ну, что вы так смотрите? Поглядел бы я, чтобы вы в сердцах подумали, если вас заставили сидеть с пальцем во рту почти шестьдесят лет!

Мы смущаемся и отводим взгляд — в конце концов, не нам судить божество. Но через пару секунд до нас доходит, и мы не выдерживаем:

— так это вы посадили Марье в утробу полисовку? А сейчас собирайтесь уйти! Если вы уйдете, она может сойти с ума и разорвать ей живот.

— во-первых, птицы живут внутри всех полисовцев, не надо тут! Я просто не хотел, чтобы полисовки исчезли. Они же никому кроме меня не были нужны. Вот на эмоциях и придумал такой способ наказания. А за Марью не переживайте. Она ничего не поймет. Река сохранила моих отражений на тысячи лет вперед. Их увидит дочь Марьи, внучка ее и правнучка, тоже Марья. Но она, в отличие от всех своих проМарьй, не задержится здесь надолго, уедет в далекий столичный город с высокими зданиями и золотыми церквями — мне никогда не сравниться с их богами, наряженными в пурпур. А я пойду дальше, еще не знаю куда — за века сидения на холме я забыл все дороги, но оставаться здесь мне больше нельзя.

— вы думаете, что они специально отправили вас на холм?

Агу-Ага-Денис смотрит на Полисовку с холма и что-то бормочет.

Мы разбираем слова «квиты» и «время».

— жители Полисовки очень верят в вас.

— я не сомневаюсь. Это и не давало мне сдвинуться с места. Они так хотели защиты, что создали себе бога, но всё это время я был заперт здесь. Теперь я хочу уйти, просто хочу уйти. Вы же не будете мешать мне?

Мы мотаем головой. Агу-Ага-Денис выдыхает и улыбается:

— прощайте.

Он встает, и солнце на миг приподнимается из реки — оно притупляет его черты багрянцем. Агу-Ага-Денис — бог он или нет, заносит ногу над обрывом.

— а свет?

— что свет?

— конец света и всё такое.

— это к «энергосетям». Пусть сами решают свои проблемы.

Агу-Ага-Денис уходит — в область легенды. Пустоту заполняет бриз.

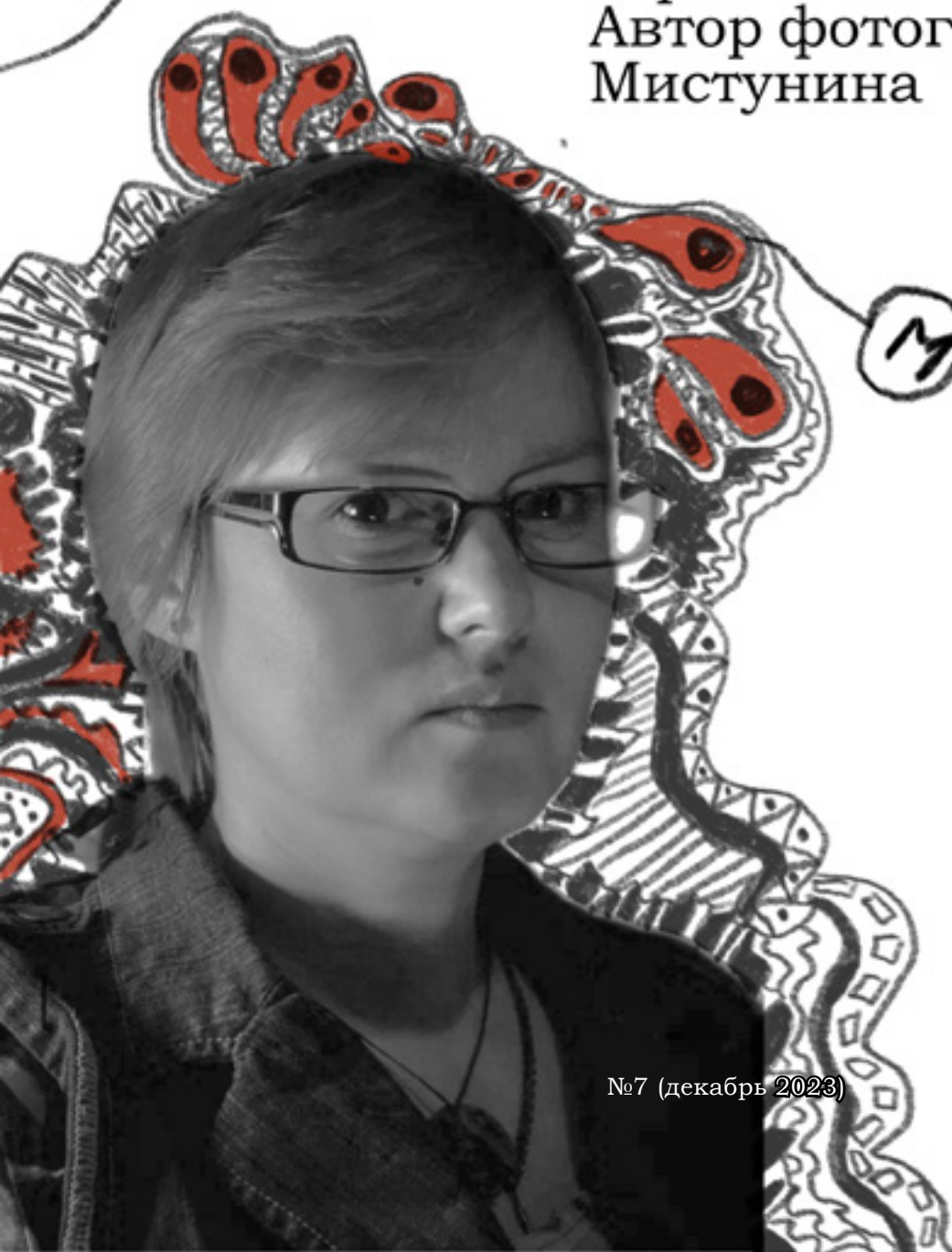
Мы смотрим, как река Полисовка выходит из берегов.

Иллюстрация: Елена Антар

АННА

Запойный читатель,
ленивый писатель,
занудный литературный
редактор.
Живет на Урале, среди
сосен и сугробов.
Увлекается шаманизмом
и кошками.
Публиковалась в «Эксмо»,
«Руграм»,
«Мир фантастики»,
«Прочитано».
Автор фотографии Ванда
Мистунина

МИСТУНИНА

Важнее мира и жизни

Вечер.

— Расскажу, коли будете слушать, — говорит небритый проводник, подбрасывая толстые поленья в общий костер. — А скептики брысь по палаткам и спать!

Десяток голосов вразнойой заверяют, что они не скептики. Олька молчит. Скептик она или нет? Плевать. Ей внезапно хорошо среди людей, она рада, что случай свел их вместе — на одну ночь, но больше и не надо.

— Врете небось, — проводник усмехается, но видно, что он просто набивает цену.

Его помощница, такая же худая и коротко стриженная в неброском камуфляже и удобных горных ботинках, дотягивается и легко шлепает его по затылку.

— Давай уже, рассказывай.

— Ну ладно. Только, чур, не перебивать! Об этом много кто знает, мало кто скажет, а уж кто скажет, те все по-разному. Я слышал эту историю от одного старика, что жил на краю Саратана, да помер...

Проводник замолкает и чешет затылок. В костре рассыпается горка поленьев, к небу летят искры — ало-золотые бабочки на фоне темноты. Туристы провожают их глазами, а Олька смотрит на туристов. Она полюбила смотреть на людей. Они кажутся похожими: небритые мужчины в куртках цвета хаки, усталые, но спокойные женщины. Хорошая группа. Олька повидала всяких за эти недели на Алтае — неужели их прошло всего три? А кажется, целый год.

Все молчат, не торопят продолжать историю. Наверно, привыкли уже к этим театральным паузам. И проводник рассказывает дальше:

—...Да вот уж восемь лет как помер, дела-а. А из молодых никто не помнит, как оно там, по правде, было. Повезло вам, что меня-то встретили, ха-ха. Так вот история. К востоку от Саратана, за перевалом Калкак и еще дальше, в глуши, куда просто так не доберешься, — а точнее, вам никто не скажет, даже я. Есть там, говорят, пещера, но на картах она не отмечена, вроде как и нет ее.

Но есть. Размером как большая палатка, вон та, желтая. Найти ее трудно, и даже кто раз нашел, потом не сможет, как будто прячется она от глаз, пещера-то. Только кому очень уж надо, у кого желание такое, что даже смерть побоку, сможет найти. Да не просто так — прежде поскитается в горах, может, месяц, а может, год. Проверяют это его так. Точно ли больше всего на свете он хочет. И скажу вам, таких, кто замерз или сорвался в пропасть, а то и ноги поломал и помер без помощи — больше, чем таких, кто ее нашел.

— Да что в пещере-то? — не выдерживает кто-то из туристов.

— Кости, — театрально шепчет проводник.

— Чьи?

— Девочки, — отвечает проводница прежде своего спутника.
— Которая то ли умерла от голода, то ли замерзла насмерть.

— Жуть какая, — говорит одна из туристок.

— Не жуть, а легенда. Давай я сама расскажу? Как-то у тебя невнятно получается.

113

Проводник насупился, но не спорит. Женщина продолжает его рассказ:

— Рассказывают, что в той пещере давным-давно умерла юная девушка, не дождавшись того, кто назначил ей встречу в горах. Лет пятьсот назад или тысячу. Где-то говорят, что это был ее отец или брат, но я больше верю, что любимый. Он обещал, что придет и заберет ее, что они всегда будут вместе, что он позаботится о ней. Девушка ждала, а он не пришел. Она могла спуститься обратно в деревню, где был ее дом, но не захотела, потому что любила и верила так сильно, что даже смерть не могла ее остановить. Она умерла в той пещере, и ее кости высохли прежде, чем их впервые нашли.

Повисает молчание. Его перебивает проводник:

— Ты главное не сказала. Померла-то она не просто так, а от желания своего, что больше жизни. А в этих местах кто не просто так помер, совсем-то не уходит, хоть верьте, хоть нет. Вот и девчонка та стала духом. Желания исполняет, коль найдешь ее. Да не все, а только истинные. Такие, чтоб важнее всего мира и самой жизни. Если кто хочет чего вот так сильно, идет в горы и ищет пещеру, бывает, месяц ищет или год. А может и не найти, пещеру-то. А коль найдет, должен он приношение оставить прямо там, на камне, где

девчонки той кости. И ночевать у входа в пещеру, но не внутри, внутри-то святое место. И ночью придет к нему девчонка, и про все спросит, прямо в самое сердце глядит и все выведает. И коль желание-то истинное, важнее мира и самой жизни — исполнит.

— Любое желание? — не выдерживает Олька.

— Любое, — откликается проводница. — Но только самое сильное. Серж, расскажи им про Славика.

— Про Славика... Ну есть такой мужик, каждое лето приезжал, ходил с нами. Че-то медитировал малость, а так нормальный мужик, из Подмосковья, мастерская у него там по мотоциклам. А потом беда случилась. Дочка его попала в аварию, восемнадцать лет. Кома. Врачи сказали — мозг поврежден сильно, ничего не сделать. Коль не помрет, останется растением, а лучше бы померла. И Славик... Приехал он сюда. Выспросил у меня все про ту историю и рванул в Саратан. И ушел в горы. Один, с рюкзаком. Долго я про него не слышал. А потом мужиков встретил оттуда — видели, говорят. Пару раз был — обросший, грязный, глазищи бешеные... но точно он. Закупался в магазине и обратно. В горы. Искать, значит. Тронулся умом мужик совсем. Ясно было, что помрет зимой, я уже думал искать, что ли... да где там искать. И все. К весне помянули мы его с мужиками, кто знал, думали, конец.

114

А на будущий год приехал он. Живой, довольный весь. Дочь у него живая. С головой все нормально, и с руками, одно что в инвалидном кресле ездит. Но, говорит, не навсегда это, какая-то шибко умная йога у них там, чтобы, значит, все восстановилось. Вот так.

У Ольки стучит сердце, сильно, больно, прямо у горла. Кто-то из женщин — она не смотрит, кто — спрашивает:

— Получается, нашел он ту пещеру? И мертвую девочку? И она ему помогла?

— Выходит, помогла.

Туристы молчат, обдумывают историю, только с дальней стороны костра двое тихонько спорят о своем. Олька утыкается лбом в колени. Год назад посмеялась бы и забыла. Полгода назад и слушать бы не стала, не до того было...

Позже, когда туристы расплзаются по палаткам, тихонько подходит к проводнице. Касается рукава.

— Можно я вас спрошу?

Та пожимает плечами:

— Да запросто, спрашивай.

— Где эта пещера, с мертвой девочкой? Я запомнила название — Саратан. А там? В какую сторону идти?

У проводницы с лица сползает улыбка.

— Ты ведь не из нашей группы?

— Нет.

— С кем? Кому сказать, чтоб силком тебя домой уволок, пока не убилась по своей дури?

— У меня рак, — просто говорит Олька. — Неоперабельный. Несколько месяцев или до полугода, сказали, осталось. Потом резко станет плохо и... все. Мне все равно уже, я сюда приехала, чтобы... чтобы не в больнице ждать. Скажите, где искать пещеру?

* * *

115

Утро.

Дребезжащий, как жестяная банка, узик наконец останавливается, но Олька всё еще будто слышит тарахтение и железный скрип, и мир перед ее глазами трясется и подпрыгивает в дорожной тряске.

— Приехали! — говорит водитель и тянется назад за Олькиным рюкзаком.

Приятель Сержа-проводника, такой же худой, небритый и хитро-улыбчивый, он весь покрыт узорами татуировок. Индийские и китайские иероглифы вперемешку со скандинавскими рунами густо покрывают его шею, плечи, бугристые от вздутых жил руки и уходят под полосатую майку-тельняшку, не прекращая своего хаотичного танца. Никакого смысла в письменах нет, но смотрится, надо признать, сногшибательно. При первой встрече Олька так растерялась, что забыла поздороваться.

Она принимает рюкзак, кивает:

— Спасибо вам!

— Серж сказал тебя не отговаривать. Так надо, сказал. Но,

бля, стремно мне. Хоть сам с тобой иди, дык работа...

На секунду Олька представляет, как легко и нестрашно было бы ей с таким спутником. Улыбается:

— Вы и так очень помогли! Спасибо, честно, я знаю, что делаю!

— Ни фига я не знаю, вру ведь, разве не видно? — добавляет она шепотом, когда УАЗ, взревев мотором и обдав ее бензиновой вонью, разворачивается и уезжает прочь.

Олька остается одна. Снова. Привычно. У ее ног рюкзак, до отказа набитый пакетиками сублиматов мяса и овощей — татуированный друг Сержа привез их целый мешок. Из собственных Олькиных запасов остались печенье, какао и шоколадки. Теплый спальный мешок проводники одобрили, а тяжелую палатку, посоветовавшись, забрали и дали взамен совсем маленькую, надувную, весом всего в полтора килограмма — Олька и не знала, что такие бывают. К палатке прилагалась огромная и очень толстая куртка: «Надевай поверх своей, если что». А еще — малюсенькая газовая плитка и четыре баллончика: «Газ экономь, это на крайняк!»

В кармане ее собственной куртки — самый ценный подарок. Олька достает ее, разворачивает — подробную карту местности. Красным фломастером на ней отмечена точка за перевалом, где ей предстоит свернуть с найденной тропы и идти... неведомо куда.

— Точнее никто не скажет, — переглянувшись, сказали ей тогда проводники.

Олька улыбается, вспоминая их — своих неожиданных друзей. Улыбается пыльной дороге, монументальным зеленым колоннам по обе ее стороны — как ворота на въезде в село. Безлюдной поутру улице. Взгляд притягивают, маня и пугая, громады горных вершин.

«Я могла бы лежать в больнице», — говорит себе Олька и приседает, втискиваясь в лямки рюкзака.

Выпрямляется. Ох... Ну ничего. Потихоньку.

* * *

Вечер.

Камни дышат холодом, не нагрелись за день. Между Олькиной палаткой и тропой, где днем она трижды встречала шумные группы туристов — поросль невысоких елок. С другой

стороны шумит, торопится горная речка, ее серебристый голос ни на миг не оставляет Ольку одну. Толстые ветви засохшей осины стали костерком — ярко-красной точкой в сердце темноты. Весь день над головой клубились облака, но к ночи раздуло, и крупные бриллианты звезд вывесились в небе, как в витрине ювелирного. Выбирай любую, желание покупателя закон... Когда-то ведь мечтала себе кольцо с бриллиантом и свадьбу, как у лучшей подруги Машки. И даже знала — с кем. А потом...

Вода вскипает. Олька прихватывает рукавом горячий маленький котелок, наливает в кружку. Размешивает пахучее какао. Неосторожный глоток обжигает рот, и кружка отравляется на камень — остывать.

В костре тихонько трещат и пляшут огоньки. Кажется, что они живые, дружные, что им весело там, в горячем алом мире. Интересно, есть такой мир на самом деле? Должен быть. Олька даже помнит название — саламандры, вот кто живет в огне. Может быть, после смерти она станет саламандрой? Жаркой, яркой, огненной, никогда не одинокой, вечно танцующей среди тех, кто на нее похож.

117

Так и было раньше, в мире до болезни. У нее были друзья, и однокурсники, и веселье до послезавтрашнего утра. Ее считали простой и веселой, ее любили. И, впервые узнав о диагнозе, она не осталась одна — рядом были дорогие люди, ее держали за руки, обнимали, поддерживали. И любимый парень — был. Сколько ночей он просидел рядом, держа за руку, пока Олька приходила в себя от известия? Вместе искали хороших врачей, вместе читали толстые медицинские журналы. Лучшая подруга вышла на германскую клинику: новый курс лечения, вероятность семьдесят процентов, но все-таки... Сумма нужна была астрономическая — подруга открыла в интернете сбор. Да, тогда Олька не была одна.

Но время шло. От суммы собралось меньше половины, четыре банка отказали в кредите. Банковские работники, узнав о диагнозе, неловко отводили глаза. Подруга забеременела и спешно готовилась к свадьбе. Олька рада была отвлечься счастливыми хлопотами. Но стоило ей войти в комнату, смех стихал. В сочувственных улыбках не было раздражения, нет! Олька сама поняла, что ее бритая голова плохо сочетается с кутерьмой, где списки гостей перемешаны с моделями детских кроваток, фасонами платьев, веселым перебором имен — а если девочка, то Святослава или Василиса, а если мальчик...

Никто не говорил Ольке, что она бросает на праздник тень,

будит не к месту плохие предчувствия. Сама так решила. Сама отошла в сторону, отстранилась и... никто не заметил.

Через месяц, опять сама, бросила парня, устав смотреть на его виноватое беспомощное лицо. Тот хотел ее вернуть — но не слишком старался.

Универ она бросила еще раньше. Как-то резко измельчала в ее глазах мечта о карьере юриста, да и сидеть на парах с приступами тошноты — побочным эффектом химии — то еще удовольствие.

К моменту, как стало ясно, что лечение результата не дало, и все, что могут предложить врачи — поддерживающая терапия, Оля была решительно и бесповоротно одна. У нее оставались деньги от того неудачного сбора. Она отказалась от новой госпитализации, провела неделю с мамой и рванула блаблакаром на Алтай. В горы. Пока еще может сама решать, где и как проводить последние дни.

Остывшее какао приторное и землистое на вкус. Оля плюется и выплескивает его на землю.

* * *

День.

Такой пасмурный, что не поймешь, то ли уже темнеет, то ли еще не рассвело. Видно всего на пару шагов, дальше сплошной белесый туман. Рюкзак полегчал — должен был полегчать, ведь в нем почти не осталось еды. Почему же кажется, что он набит камнями? Большими серыми камнями, как эти, скользкие, каменная река впереди и сзади, и кто ее знает, сколько еще она тянется там, в тумане. Оля пробирается по камням, тяжело дыша, и думает только о тяжести рюкзака и еще о том, как неудачно было бы сломать ногу. Свернуть некуда, с обеих сторон, похожие на развалины великанского города, поднимаются скалы. Если бы не туман, Оля нашла бы пролаз и ушла в сторону, отыскала бы другой путь. Если бы не туман и не магнит в груди, что тянет ее куда-то уже много, много дней. Заставляет сворачивать с тропы в бездорожье, карабкаться по крутому склону, пробираться через заросли колючек. Она давно и безнадежно заблудилась. Но с утра и до вечера, и даже ночью во сне она чувствует это — как будто ее тянет и подгоняет к какой-то неизвестной цели, как будто у нее с этой целью физическая связь. Как будто в грудь ей вставили магнит, и далеко впереди ждет его вторая половина. И пока не

дойдет, Оля не сможет остановиться.

Она не помнит, когда впервые его ощутила и почему решила слушаться. Она слишком устала и слишком слаба, чтобы думать о таком. У нее болит все, болит она сама, на ногах ее держит только притяжение магнита и еще страх — страх остаться здесь, в тумане, одной навсегда.

Когда больше не остается сил идти, Оля падет и отдыхает там, где упала. Не глядя, залезает в рюкзак, нашаривает что-то сухое и жует, запивая остатками воды из бутылки. Вкуса не чувствует. О воде можно не думать: здесь всюду ручьи. О еде... В последний раз она зажигала газ и ела горячий суп из сублиматов несколько дней назад.

Воспоминания вызывают не голод, а тошноту. Олю долго и мучительно выворачивает на серые камни. Когда рвота кончается, она отодвигается обратно к своему рюкзаку и замирает, положив на него голову. Туман окутывает ее как холодное белое одеяло.

Проходят часы, прежде чем он отступает и в просвете облаков появляется выцветшее до белизны солнце. Оля просыпается, дрожа от холода. С трудом встает и взгромождает на плечи рюкзак. Медленно, перебираясь с камня на камень, идет дальше.

* * *

Вечер.

Иногда она бредит — так кажется ей самой. Разве этот парень, веселый, насмешливый, в широкой мексиканской шляпе, ее новый друг и спутник последних дней — настоящий? Почему тогда он то идет рядом, болтая о какой-то ерунде, то вдруг исчезает? Почему Оля никак не может запомнить его имя, и каждый раз, встречая, знакомится заново? А даже если он — настоящий, то рыжая длинноухая рысь возле его ноги — уж точно галлюцинация.

Вчера Оля отдала рыси последний пакет сублиматов. От печенья рысь отказалась, и Оля доела его сама. Палатку она бросила давно, по совету веселого парня из бреда оставила на месте одной из ночевок. Там был след костра, напильные бревна и навес из пленки. Парень — как же его все-таки зовут? — сказал, что там часто ночуют туристы, палатка точно им пригодится. И газовая плитка — все равно баллончики к ней закончились. И котелок — что в нем теперь готовить? В рюкзаке остался спальник, запасная куртка, аптечка, разряженный телефон, фонарик и бутылка с

водой. И туристская пенка сверху. Пенку парень тоже уговаривал бросить, но Оля не послушалась.

Рюкзак теперь легкий, но ей все равно тяжело. Она бредет вдоль каменной стены, местами зеленой от ползущего вверх можжевельника, местами — лысой и разноцветной от лишайников. Под ногами стелется незнакомая кудрявая трава. В десяти шагах по другую сторону от скалы — обрыв. Пологий склон, что привел ее сюда, остался далеко позади. Как и где она сможет спуститься, Оля не знает.

Далеко за обрывом видны темные вершины, и тучи, надетые на них бугристыми пузами, и закат, красящий тучи в темно-багровый. Небо над головой темнеет слишком быстро для наступления вечера. Скоро хлынет дождь.

И не просто дождь — Оля опасливо смотрит вверх. Тучи все ближе, они спешат прямо сюда, как стадо сердитых небесных слонов. Ой, мамочки...

И Мать всех гроз обрушивается на землю сплошной водяной стеной, треском и грохотом, хлещет ее бичами молний, рвет на части. Темнеет мгновенно, от вспышки до вспышки — непроглядная темь. Вмиг промокшая Оля, от испуга забыв о слабости, бежит вдоль скалы, не видя, спотыкается, шарит перед собой руками, кричит, глотает воду — и вдруг рука не находит опоры, скальная стена расступается, и Оля всем телом проваливается в темноту пещеры.

Встает, застонав — здорово приложилась коленом и локтем. Вспышка молнии выхватывает из тьмы плоский, похожий на ложе, камень впереди и на нем — человеческие кости в остатках истлевшей одежды. Вокруг, жутким обрамлением — ржавые кольца, монетки, чашки и обрывки ткани. Две банки сгущенки и тронутый ржавчиной мобильный телефон.

Оля замирает, еще не понимая. Новая вспышка — и она без сил опускается на каменный пол. Размазывает по мокрому лицу слезы. Она пришла.

Гроза понемногу стихает, как будто выполнила свою задачу и может идти домой. Небесные слоны разбредаются кто куда. Темнота остается, но теперь она обычная, ночная. Выглянув наружу, Оля видит иссиня-черное небо и огромные, как электрические фонари, звезды.

В рюкзаке не находится подходящего дара — ни еды, ни украшений. Олька оставляет на камне фонарик, комплект запасных батареек, разряженный телефон и последние сухие носки. Сидит рядом, кутаясь в запасную куртку, до глубокой ночи, ждет, сама не зная, чего. Но слышит лишь сухую тишину.

Соседство с древними костями не пугает: смерть давно уже стала ее привычной спутницей. Но все-таки Олька не решается ночевать в пещере. Раскладывает спальник снаружи, на узком сухом участке под козырьком нависшей скалы. Залезает в него и долго стучит зубами, замерзшая, голодная, обессиленная. Не замечает, как проваливается в сон.

* * *

Ночь.

Ее будит треск костра. Олька открывает глаза. Нет, не показалось. Перед входом в пещеру пляшет огонь; сложенные горкой сухие дрова почти не дают дыма, но к небу то и дело поднимаются снопы искр. Олька пытается вспомнить, видела ли она поблизости деревья, но, конечно, не может.

121

У костра сидит девочка. Олька видит ее отчетливо в пляшущем свете: худые до прозрачности руки, тонкие пальцы подкладывают в огонь новые ветки, босые ноги на холодных камнях. Рваная накидка на плечах — не то остатки плаща, не то просто старое одеяло. Растрепанные светлые волосы не достают до плеч, золотятся от пролетающих искр. Тонкое треугольное личико серьезно и грустно, но вот девочка встречается с Олькой взглядом и робко улыбается.

Сколько ей лет, пятнадцать? Тринадцать?

— У меня так давно не было гостей, — говорит девочка. — Привет!

— Привет, — шепчет Олька. — Ты мне снишься?

Девочка пожимает одним плечом.

— Можно и так сказать. Мне здесь нечем заняться, только снится и вспоминать. И ждать. Редко кто-то приходит. Ты за желанием пришла, да?

— Да...

На миг кажется — по ее лицу пробегает грусть, но тут же девочка улыбается и дружелюбно машет рукой:

— Садись к костру, холодно же! Я его нарочно для тебя развела. Ты ведь меня не боишься?

Олька не боится. Она выпутывается из спальника и садится у огня, вытягивает к нему руки. Костер настоящий, жаркий, он мигом выгоняет из ее тела холод, сырость и остатки сна. Девочка одобрительно кивает и ворошит ветки. Олька видит ее боковым зрением, совсем рядом — не призрак, не прозрачную тень. Живую девочку, исхудавшую, грязную, оборванную и веселую. Можно протянуть руку и коснуться ее, но Олька, конечно, не смеет.

— Теперь ты должна мне рассказать о себе, — девочка ловит Олькин взгляд и смущенно поясняет, — правила такие. И еще мне интересно, по-правде интересно. Ко мне так редко приходят!

— Я... даже не знаю, с чего начать.

— А хоть с чего! Мне всё интересно.

— Ладно... Меня зовут Оля, мне двадцать лет. Я... обычная, на самом деле. Живу в Ижевске, учусь... училась на юриста. Музыка лю... любила. Книжки. Собак.

— А почему любила? Больше не любишь?

— Я...

И Олька рассказывает все. Как будто прорвало — так откровенно она не говорила ни с кем. Диагноз. Лечение. Страх. Неудача, смущенные лица врачей. Друзья, постепенно уходящие от нее — в жизнь, в будущее, которых у нее нет. Мамины слезы. Страх, одиночество, снова страх... Любимый человек, с которым она рассталась по своей воле. Здесь, единственный раз, девочка переживает:

— Почему?

— Почему я его бросила? Ну... чтобы он мог дальше жить, а не мучиться со мной. Он все равно ничем помочь не может, а...

— Почему он тебя отпустил?

— Я...

Костер трещит и пышет жаром, но Ольку трясет. Она обнимает себя за плечи, пытается не стучать зубами и не может. Девочка смотрит сквозь искры, в ее глазах недоумение:

— Когда кого-то любишь... Если даже можешь быть вместе всего один день... Одно мгновение. Просто увидеть ненадолго. Ради этого все что угодно сделаешь! А ты — ты ведь живая еще. Ты здесь. Почему же он тебя отпустил?

— Наверно...

Голос срывается. Оляка молчит, медленно, с усилием расправляя сведенное судорогой тело. Поднимает глаза. Пересохшие губы выталкивают слова:

— Наверно, это не такая любовь, как... Как твоя.

К небу взлетают искры, одна из них падает Ольке на руку — мгновенный укол боли. Оляка даже не вздрагивает. В глазах мертвой девочки крошечными огоньками блестят слезы.

— Тогда это не любовь.

— Нет. Не любовь.

Почему-то от этого признания становится легче. Оляка потирает обожженную руку, отводит глаза. Простыми короткими словами завершает рассказ.

— Чего ты хочешь? Какое твое самое сильное желание, такое, что важнее всего мира, самой жизни?

Оляка знает ответ, знает, что для нее важнее всего мира. Не знает только, что значит — важнее самой жизни. Ведь она и хочет всего-то — жить! Вот ее желание, и оно важнее всего мира, важнее этой дурацкой любви, будь она неладна, важнее...

Она не надеялась, не мечтала о чуде. Приехала в горы — умирать. Незнакомый проводник похода заразил ее надеждой, и ради этой надежды Оляка бродила в горах так долго, что потеряла счет дням, отчаялась, ослабла, немного свихнулась — и вдруг нашла. Чудо свершилось, посрамив всех скептиков мира, осталось протянуть руку, чтобы взять. Свое спасение, свою жизнь. Из груди рвется крик, стон, хрип, он слишком сильный, надежда слишком страшна, Оляка не может сказать это вслух...

Она говорит:

— А ты? Можно мне узнать твою историю? Ведь мою ты теперь знаешь.

Девочка вздрагивает от неожиданности. Ольку пробивает

мгновенным испугом: она все испортила! Но девочка улыбается:

— Меня еще никто об этом не спрашивал!

— Я спрашиваю. Я знаю... мне говорили, что ты ждала кого-то в этой пещере, а он не пришел. И ты ждала, и отказалась возвращаться домой. Пока не... умерла. Это правда?

— Почему — ждала? Я и сейчас его жду. И всегда буду.

От этих слов, таких спокойных и будничных, пробирает ужасом.

— Но ведь он... он не пришел?

— Он не смог, — спокойно объясняет девочка. — Погиб. Я тогда этого не знала.

— Но ты могла уйти? Вернуться домой? И осталась бы жить?

— Осталась бы, да.

— И ты... сама выбрала это? Ждать, пока не умрешь? Почему?

Девочка уже знакомо пожимает одним плечом.

— Я его люблю. Когда любишь, ждешь сколько угодно, даже после смерти.

— Я не понимаю! Если бы ты вернулась домой, и он бы потом все-таки пришел, а тебя нет. Разве бы он не понял? Разве он не мог потом найти тебя дома?! Если уж он так тебя любил! Зачем, зачем такая дурацкая жертва?! Думаешь, он хотел бы, чтобы ты... вот так...

Олька соображает, что кричит на девочку, кричит и машет руками, а та смотрит и кутается в одеяло — древняя, мертвая, юная, заплаканная, настоящая...

— Прости, меня, пожалуйста, прости, прости, — шепчет Олька. — Я сама не знаю, что на меня нашло. Прости за мои слова!

Вытирает слезы рукавом, повторяет:

— Прости...

— Если бы я вернулась... Если бы пришла в деревню, а потом он пришел бы за мной, они бы его убили. Они за ним охотились... долго. Я не могла вернуться домой.

— Прости меня...

— Ты меня не обидела. Я рада, что ты спросила. Ты добрая. Ко мне всякие люди приходят. Я должна выполнить одно желание, если оно настоящее, важнее всего мира и жизни. Так получается, когда умираешь, не выполнив свое — становишься духом и исполняешь чужие. Такое правило, и неважно, что приходят не все хорошие, все равно приходится исполнять. А твое я выполню с радостью.

Олька сглатывает застывшие в горле слезы. Закрывает глаза, но все равно видит худенькое треугольное личико под шапкой растрепанных светлых волос. «Когда любишь, ждешь сколько угодно, даже после смерти». Каждый день. Каждую ночь. Пятьсот лет или даже тысячу...

Так, не открывая глаз, спрашивает:

— Ты все что угодно можешь выполнить? Любое желание? Если оно настоящее и важнее всего вот этого, да?

— Да.

— Только одно или можешь больше?

— Одно. Самое-самое...

— Хоть о чем, о будущем... о прошлом тоже?

— Хоть о чем.

Только теперь Олька открывает глаза и смотрит девочке в лицо. Говорит отчетливо, как будто все решила заранее:

— Я хочу, чтобы прошлое изменилось. Чтобы ты не умерла здесь. Чтобы тот, кого ты ждешь, не погиб, а вернулся за тобой. Чтобы... чтобы вы были счастливы. Это мое самое сильное желание, оно для меня важнее всего мира и важнее жизни. Клянусь.

Тишина. Звезды над головами. Жизнерадостный треск костра. Долго-долго Олька и мертвая девочка смотрят друг другу в глаза.

* * *

Утро.

Капли дождя на лице будят Ольку. Она лежит в спальнике под козырьком скалы. Рядом темнеет провал пещеры, и перед ним — черные, остывшие углы костра.

Она не хочет заходить в пещеру, проверять, на месте ли кости. Боится оскорбить чудо недоверием. Да и — какая разница? Если костей нет, разве это что-то докажет? А если они там — опровергнет?

Завтракать нечем, оставаться здесь незачем. Скатав отсыревший спальник и уложив его в рюкзак, Олька ковыляет обратно — искать дорогу вниз.

* * *

День.

— Олька. Ты...

Олька поднимает глаза, но всё еще держит губами трубочку. Большой стакан колы и целая тарелка вреднящей в мире картошки-фри — она совсем перестала соблюдать диету.

Машка. Бывшая лучшая подруга. Та самая, на чьей свадьбе Олька так и не стала свидетельницей. Интересно, кем ее заменили в последний момент?

А, ладно. Неинтересно, вообще-то.

На Машке джинсовый комбинезон с лямками, как специально придуманный, чтобы подчеркивать беременный живот. А живот и так — ого-го, и как она, интересно, с ним двигается? Тяжело ведь! Вон как она стоит — в раскорячку, одной рукой опирается на спинку стула, другой придерживает живот и смотрит так, будто вот-вот разревется.

— Правда ты...

— А ты, что ли, думала, не приду?

Олька отставляет стакан и засовывает в рот ломтик картошки. Она не так уверена в себе, как притворяется. С вечера, как получила Машкино сообщение, не находила себе места. Потому и пришла на полчаса раньше — посидеть одной, собрать в кучу мысли. Но картошка с колой начисто отбили охоту переживать. Божечки, до чего же это вкусно, и как она могла забыть?! Ведь когда-то это было их любимое с Машкой место. Сколько тонн этой картошки они сожрали со старших классов? Кто-то даже говорил, что от неправильной еды Олька и заработала рак.

— Я, — Машка все-таки всхлипывает и по-слоновьи грохается на стул. Тот с честью выносит испытание. — Я когда увидела тебя в

сети... думала, страницу взломали или мама... думала... Оль...

Она ревет, всхлипывает и размазывает по лицу тушь. На них смотрят — к счастью, в это время здесь почти пусто. Олька осторожно тянется через стол к ее руке:

— Эй... Я ведь тут! Ну Маш.

Раньше чуть что обнимались, но сейчас неловко — из-за Машкиного огромного живота, из-за всего, чего между ними не было в эти месяцы. Олька не держит обиды, нет. Она все понимает. Но обнимать бывшую подругу ей не хочется.

— Я такая дура! — всхлипывает Машка. — Такая глупая дура! Оля, ты... ты прости меня.

— Ну хватит, а? Ведь все же хорошо. Давай... расскажи лучше, как ты. Скоро маленький будет, да? Или маленькая? Как назовешь, решила наконец?

И тут Машка принимается реветь по-настоящему, в голос, подвывая и раскачиваясь на стуле. К ним кидаются с разных сторон — кассир и еще какие-то люди. Олька вскакивает, машет на них руками — уйдите! Обнимает-таки ревущую Машку за плечи.

— Принести воды? — шепчет ей в ухо кассир.

Олька кивает, и парень бежит обратно к стойке. Олька неловко гладит короткие Машкины волосы.

— Что случилось, Маш? Расскажи!

— Я от... отказала-алась ее уб... убива-ать! Все-ех послала! Олька, я не-е... не смогла! Я... Я так уста-ала!

Олька берет протянутый стакан, благодарно кивает кассиру. Почти силой вливает воду в Машку. Та шумно глотает, всхлипывает:

— Спасибо...

— Расскажешь все по порядку? С ребенком что-то, да? Маш, ты только не плачь больше, нельзя тебе плакать, ну!

— Гыы... — у той выходит что-то среднее между смехом и всхлипом. — Я два месяца уже реву-у... А ты — нельзя плакать!

— Так. Если прямо щас мне всё не расскажешь, я вылью эту колу тебе на башку! Поняла?!

— Си... синдром Дауна-а... И порок сердца, и какая-то киста еще... Это все в комплекте идет, сказали-и-и... Они меня заставляли... искусственные роды, Оль! Я от... отказалась! Мне страшно-о... Но я... я не могу!

Олька сидит на столе, обеими руками гладит Машкину голову. Та уткнулась ей в колено, на джинсах растекается мокрое пятно слез.

Хорошие в этой пиццерии столы, крепкие, не пластик. И работники хорошие, понимающие. Другие бы давно их выпнули. А эти — ничего, собрались за стойкой аж втроем, смотрят. И посетители, все шесть, забыли про еду и смотрят, вот же бесплатный цирк!

— Маш. Давай пройдемся, а? Или ты есть хочешь?

— Не... не хочу...

— Пошли!

Олька крепко держит Машкину руку. Идут по набережной, мимо скамеек и фонтанов, отключенных уже, хотя погода сегодня совсем как летом. Мимо сдутых батутов и неработающих каруселей, мимо старушки, кидающей семечки стае нахальных серых голубей.

Машка говорит и говорит — как будто все эти месяцы ждала этой возможности. Про врачей и бесконечные обследования, и как профессор с белой бородой кричал на нее в кабинете, как называл дурой безответственной, как на нее кричала свекровь, и муж с тех пор едва разговаривает, как трудно и страшно ей одной против всего мира, и не с кем поговорить, и как она всё равно больше всего на свете любит свою маленькую... В этом месте Машка опять срывается в рыдания.

Олька усаживает ее на скамейку, садится рядом. Обнимает огромную, как воздушный шар, талию. В груди поднимается ветер, знакомый суровый ветер алтайских гор. Он ревет, завывает в ушах, рвется из горла словами, удержать их нет никакой возможности. Губы сами собой исторгают звуки:

— Скажи, какое твое самое большое желание?

Машка удивленно замолкает. Потом шепчет:

— Чтобы она родилась здоровой...

— Ты хочешь этого больше всего на свете?

— Да, конечно! Почему ты спрашиваешь?

— Это для тебя важнее всего мира и самой жизни?

— ДА!

— Хорошо. Сбудется.

Ветер стихает, Оляка остается пустой, как сдутый шарик. Ее трясет, но времени придти в себя нет — у Машки огромные, черные от ужаса и надежды глаза. Оляка шутливо толкает подружку в бок:

— Все будет хорошо, Маш. Верь мне. Не спрашивай, откуда я знаю. Твоя дочка родится здоровой. Вот увидишь. Можешь плюнуть этому профессору прямо в очки.

Машка отодвигается и смотрит ей в лицо. Долго, очень долго. Молчит. Слезы медленно сохнут на покрытом разводами туши лице.

Оляка не отводит взгляда.

— Я знаю, — шепчет она наконец. — Просто поверь, Маш... Я это точно знаю...

* * *

Вечер.

— Что это было, Оляка? Что ты наделала? Что ты, мать твою, творишь?!

Она кричит на свое отражение, стоя в обшарпанной ванной своей временной квартиры. Квартиры, которую сняла, вернувшись с Алтая, самую дешевую, какую нашла, чтобы не жить — доживать. И вот на фоне облезлых грязно-зеленых с желтыми потеками стен, в надтреснутом зеркале — ее отражение в пушистом белом полотенце. Ее лицо, и даже сейчас, с ошалевшим взглядом и разинутым в крике ртом видно, как округлились за два месяца щеки. Еще бы — жрет все подряд, забив на медицинские диеты, на таблетки, на обследования...

— Что ты, твою мать, творишь?!

Нет, она не врал. Говоря с Машей, была не то что уверена — была как летящая в цель пуля, как приемник, транслирующий передачу. Ни вопросов, ни сомнений. И таким же тупым приемником

вернулась домой, улыбалась, напевала что-то, счастливая. Наелась купленного по дороге мороженого и залезла под душ.

И только теперь, на выходе из душа, ее отпустило. Разом нахлынуло все. Как она вдруг потеряла рассудок, как делала и говорила такое, что не объяснить и не простить, ведь Машка... она же поверила, мать твою, поверила!

— Это не я, — шепчет Олька. — Это не могла быть я! Я себя не контролировала!

Обнимает себя за плечи, отражение расплывается от слез. Зажмуривается и стоит так долго-долго, пока дрожь не отступает. Затем открывает глаза и на долю секунды видит за спиной своего отражения еще одно. Худенькую светловолосую фигурку в старом одеяле на плечах. Видит ободряющую улыбку мертвой девочки, и вместо того, чтобы испугаться, успокаивается. Истерика отпускает так же внезапно, как началась.

В самом деле — чем ее еще напугаешь?

— Но как это понимать? Как?

«Я должна выполнить одно желание, если оно настоящее, важнее всего мира и жизни. Так получается, когда умираешь, не выполнив свое, — становишься духом и исполняешь чужие. Такое правило...» — шепчет в ушах то ли голос, то ли воспоминание.

— Но я не умерла! — кричит Олька. — Я не умерла, я... я здорова!

Полотенце падает на пол. Олька смотрит на себя, по-настоящему смотрит, впервые за эти месяцы. Мягкие покатые плечи, грудь, слишком большая для истощенного болезнью тела... впрочем, уже нет. Оно больше не кажется истощенным, даже ребер не видно. Кажется, она начала толстеть. Кажется, ей пора на диету...

Олька проводит руками по телу, от плеч до бедер. Когда она в последний раз ощущала боль и тошноту? Она смотрит на себя, прикасается к себе. Дергает отросшие мокрые волосы — они кудрявые, иначе уже скрыли бы уши.

— Я здорова... Но ведь ты сказала: одно желание, и я отдала свое — тебе! Спасибо тебе, спасибо, спасибо.

Зажмуривается, пытается уловить внутри себя отклик. Голос

девочки. Почувствовать ветер...

И ветер приходит, шумит в ушах, течет по венам ледяным огнем.

* * *

Ночь.

Темные улицы с погасшими огнями домов, разбитые фонари, редкие тусклые вывески. Паршивый район, чтобы в нем жить, а умирать она больше не собирается. Олька идет медленно. Ветер в ушах выгнал ее из дому, но теперь стих, и она просто идет, дышит и ждет, сама не зная чего. Медленно втягивает воздух, так медленно, что успевает распробовать все его вкусы: мокрый асфальт, тающий привкус первого короткого снега, долетевшую из чьих-то окон жареную картошку с луком, и табачный дым, и бензиновые выхлопы автомобилей, и свежесть близкой реки. Выдыхает и вдыхает снова.

Слушает: откуда-то долетает музыка, откуда-то — звук семейного скандала, визгливый женский крик и глухой, угрожающий мужской бас. Ускоряет шаги и вдруг слышит всхлипы. Плачет ребенок, но не так, как режут от каприза или чтобы добиться чего-нибудь от взрослых, — тихий, измученный всхлип отчаявшегося маленького человека. Олька вздрагивает и сворачивает на звук. В дыру в заборе неработающего черт знает сколько детского сада.

Плохое место. Здесь давно не играют дети. Городские власти никак не могут решить судьбу аварийного здания, а тем временем полуразрушенные веранды и старые качели стали приютом местных алкашей. Говорят, в здании ночуют бездомные. Ни один взрослый в здравом уме не сунется сюда ночью, но Олька протискивается в дыру в заборе, проходит немного по тропе и видит его — маленькую фигурку в широкой не по размеру куртке.

При ее появлении он не вздрагивает и не престаёт плакать. Мальчишка, лет семь или восемь на вид. Один. Олька осторожно подходит ближе, озираясь, но вокруг, похоже, никого.

— Эй. Что случилось?

И сразу, с горестным всхлипом:

— Малыш потерялся!

Олька не успевает ничего сообразить, а рука уже тянется к телефону: звонок в полицию, розыски пропавшего младенца...

цепляясь за остатки здравого смысла, всё же уточняет:

— А Малыш — это...

— Кот! — отвечает мальчишка и принимается реветь громче.

— Тише, тише! Объясни получше. Где он потерялся?

— Из ок... окна выпал! А папа сказал, не пойдет искать этого пи... пидо... И меня не пустит! А я...

— А ты сам пошел искать? А мама... — Олька вздрагивает от собственной глупости, но мальчик объясняет:

— А мама в командировке!

— Так, — ситуация теперь кажется ясной. — И ты пошел сам искать кота? И давно ты уже ходишь один? Тебя папа, наверно, ищет!

— Не-е, — всхлипывает мальчишка. — Он пи... яный. Я ждал, пока он зас... нет.

— Еще лучше! Далеко до твоего дома?

Мальчик со всхлипом кивает туда, откуда Олька только что пришла:

— Там.

Олька решительно берет его за руку:

— Пошли! Здесь очень много плохих людей, понимаешь? Нельзя же... — но мальчишка отзывается таким ревом, что она замокает, не договорив. — Ну тише, тише! Слушай, давай поищем вместе твоего кота?

— Да-ва-ай! — теперь уже он цепляется за Олькину руку. — Я без него домой не пойду!

— Очень его любишь, да?

— Бо... больше всего на свете!

Олька замирает. Сердце больно стучит у самого горла. Да что ж ты будешь делать...

Ветер воеет у нее в ушах, и собственный, чужой, неподвластный ей самый голос спрашивает:

— Больше всего на свете хочешь его найти?

— Да! — ревет мальчишка.

— Идем.

Не выпуская его руки, Олька возвращается к дыре в заборе.

— Жди здесь.

Оставив мальчика, идет вдоль забора наугад, в темные мокрые кусты, десять шагов, двадцать. Если... если это все правда, ей совершенно неважно, где искать.

Она садится на корточки, протягивает руки:

— Малыш...

И к раскрытой ладони с тихим мявом прижимается ушастая голова.

Иллюстрация: Елена Махонина

Люблю музеи, библиотеки, храмы и трамваи (может быть, мы уже где-то встречались), бездомных кошек и чужих собак (всегда с ними здороваюсь), мятный чай из термоса (заваренный отцом) и веганские лимонные кексы (я люблю готовить).

Мои места силы — Андроников монастырь, Коломенское, Лосиный остров, Покровское-Стрешнево. В пятый раз штурмую высшее образование на матфаке ВШЭ и мечтаю отказаться от Филдсовской премии, играю в «Что? Где? Когда?» и учу детей (плохому). Я ценю в людях скромность, честность и умеренность.

Я хочу стать искренним и добрым человеком.

КИРО

К
А
Р
А
Я
Н

Дурдомская тетрадь

Приемка

В медицинском заключении краем глаза мне удалось ухватить: «О попытке прыгнуть с моста говорит с улыбкой, индифферентно. Критики нет». Поэтому, говоря о попытке прыгнуть с моста, я делаю скорбное лицо и прибавляю: «Это было большой ошибкой».

Согнувшись в три погибели, чтобы не стукнуться головой о потолок, я с двумя увесистыми пакетами вслед за врачом вылезаю из машины скорой помощи навстречу зданию, внешние признаки которого мне не удастся установить из-за темноты. В мертвенно-бело освещенном холле чисто, как в операционной, и мои успевшие изгваздаться в первом октябрьском снегу кроссовки оставляют на пути к металлическим сиденьям позорную дорожку. Врач размашисто здоровается с чего-то ожидающими коллегами, его спутница с папкой торопливо шмыгает в уголок, я занимаю место возле огромного санитаря с детским лицом.

В пяти шагах от меня — стойка с антисептиком. Я уверенно направляюсь к ней: раз, два, три, сзади меня обхватывают грубые сильные руки, тянут назад, сбивают с ног.

— Присядь.

Взглядом прошу помощи у в машине казавшегося мне добродушным врача скорой помощи.

— Мне руки обработать...

— Присядь. Тут такие правила.

Огромный санитар — безмятежное лицо десятилетки — равнодушно плюхается на прежнее место.

Сволочь. Сволочь. Ничтожество. Слезные мешки неумолимо наполняются жидкостью. Мразь. Будь ты проклят до седьмого колена. Жидкость стремительно стекает по щекам. Перестань. Прекрати немедленно, дрянь. На насекомых не обижаются. Жидкость на белоснежной плитке скапливается в две лужицы. Гнида. Чтоб у тебя первичные половые признаки на лбу выросли. Тварь...

Закончившая шуршать историей болезни медсестра выкрикивает в открытую дверь мою фамилию. Молодой прыщавый дежурный врач смотрит испытующе-приветливо-участливо, делает

вид, что не замечает моих слез.

— Расскажите, что случилось, как попали в больницу?

Я в сотый раз воспроизвожу историю попытки прыгнуть с моста, не забывая прибавить рефрен о большой ошибке.

— Я смотрю, вы две недели пролежали в другой больнице. Проведете у нас выходные, в понедельник поговорите с врачом, во вторник домой.

Я знаю, что он врет.

Санитар берет меня под руку. Я бросаю на него взгляд, способный испепелить лабораторную крысу.

— Не трогайте меня!

— Я обязан придерживать пациента.

Меня ведут по коридору в соседний кабинет. Врачи скорой помощи и последний глоток недолгой свободы остаются позади. Пожилая санитарка выглядит не приветливее своего вечно юного коллеги.

— Вставай на весы. Шестьдесят пять.

— Можно взять в отделение книги, штаны и теплую кофту?

— Одежду тебе выдадут. Книги — не положено.

Поток слез возобновляется с удвоенной силой.

— Ладно, возьми одну.

— М-мне ту, что потолще, п-пожалуйста...

Санитарка вытаскивает из пакета «Сходство» Таны Френч. Дня на три хватит.

В следующем помещении — кафельные стены, кафельный пол, одинокая ванна по центру и всё тот же огромный младенец-санитар.

— Раздевайтесь. Когда мылись?

— Вчера вечером.

— А потом нормально так пахиваешь.

В который раз я отмечаю странную манеру санитаров

перескакивать с «ты» на «вы» и обратно, как будто они иногда вспоминают о человеческом достоинстве пациентов.

Заходит врач. Разглядывает меня, как редкий экспонат кунсткамеры, что-то черкает в блокноте.

— Тэк-с... На предплечьях шрамы от порезов и ожогов... Сигареты? На бедрах шрамы от порезов, следы самоповреждения на лице. Повернитесь спиной.

Меня трясет так, будто я жду неминуемого выстрела в спину. Никогда еще мне не приходилось настолько остро ощущать собственную уязвимость.

— Чего плачем? — врач наконец перестает делать вид, что ничего не замечает.

— Не разрешили взять теплую к-ко-о-фту...

— Вам всё дадут. У нас нельзя в своей одежде. Такие правила.

Врач выходит. Да, это было большой ошибкой. Шрамы от порезов и следы самоповреждения на лице, ожоги и прыжок с моста. Ошибки, которые навсегда на мне. Ошибки, которые привели меня сюда, благодаря которым я стою голышом посреди кафеля и подчиняюсь приказам дуболома-санитара с пухлым ртом и глазами-васильками.

— Садись в ванну, промывай голову, подмышки и пах. Холодная?

— Не-а, нормальная, — выдавливаю я сквозь слезы и бьющие по голове струи слишком горячей воды. Мне не хочется разговаривать с санитаром, и я терплю.

— Ну вот. Вылезай аккуратно, вытирайся, надевай тапочки, — подает мне маленькое полотенце, напоминающее кухонное, и бросает «тапочки» на пару размеров больше моего.

— Одевайтесь.

Передо мной на банкетке — безразмерная рубашка неопределенного цвета, застиранный до того же цвета халат, носки до колена и синие спортивные штаны с лампасами, без резинки. На мне они сидят парусом в страну убожества духа и мысли.

— Галоши, — синие, внутри черные и слегка свалявшиеся, с трудом удерживаются на ногах.

Откуда ни возьмись появляется второй санитар среднеазиатского происхождения, старый или выглядящий намного старше своего возраста, почти совсем лысый, посверкивающий металлическими коронками. На меня накидывают некое подобие тулупа со сломанной молнией («застёгивайся на кнопки»). Ангелами-хранителями санитары берут меня под руки и более-менее бережно выводят на улицу. Поскользнувшись на лестнице между четвертым и пятым этажами соседнего корпуса, я испытываю искреннюю благодарность. На руках возьмут ты, да не когда преткнешь о камень ногу твою.

Передо мной распахиваются двери отделения. Я улыбаюсь и желаю вышедшему навстречу медбратау доброго вечера. Я больше не могу сдерживать рыдания. Это было большой ошибкой.

День

139 День в дурке начинается в семь тридцать с удара по глазам беспощадно белым светом. Проворочавшись на жестком матрасе минут двадцать, я встаю, нашариваю казенные розовые оверсайз-тапки и сонно ковыляю в туалет. Первый заход — снова нет бумаги, приходится возвращаться за своим рулоном. Второй — поссать, умыться (мыла в дозаторе пока предостаточно), выдавить вылезшие за ночь, как грибы после дождя, прыщи (дурная привычка, санитарки ворчат, заставляя меня за этим занятием). Вернуться в палату, вытереть лицо полотенцем (я не беру его в туалет, боюсь уронить в унитаз). Третий заход — почистить зубы (ярко-желтая щетка радует привыкшие к оттенкам белого глаза, апельсиновая паста вкусно холодит обложенный за ночь язык), наблюдая из окон умывальника динамику включения света в окошках вольного дома через дорогу.

Слегка посвежев после водных процедур, я с предельной аккуратностью заправляю постель (разровнять простыню, чтобы ни одной складочки; одеяло одинаково свисает с обеих сторон кровати; покрывало охватывает всю площадь одеяла; две подушки закрывают изголовье, куда покрывало не дотянулось). Беру с тумбочки стаканчик (психушечный zero-waste), шлепаю к кулеру, лихо опрокидываю два. Наступает тягучее время безделья: до завтрака минимум полчаса, максимум полтора. Раз двадцать прошатавшись по коридору от поста до туалета и обратно, пытаюсь читать «Замок» Кафки, загадочным образом очутившийся в микробiblioteке комнаты отдыха среди почти полного собрания Донцовой и тоненьких православных книжек на все случаи

многострадальной жизни. «Значит, все-таки случилось то, что можно было предвидеть, но нельзя было предотвратить». Можно ли было предотвратить мое непредвиденное попадание в дурку?

— Девочки, диета, рассаживаемся! — звучит сигнал к завтраку. Нужно успеть в столовку, пока диабетики занимают специально отведенные им места. В прямом смысле роняя тапки, я почти бегу (совсем бежать нельзя — непременно заругает случайно встретившаяся медсестра) к заставленному столами расширению коридора. На тридцать человек всего пять столов по четыре стула. Хищной птицей нацеливаюсь на ближайшее ко мне место.

— Седьмая-восьмая, садимся!

Я устремляюсь к «своему» месту, но меня опережает Гертруда (вообще-то ее зовут Светлана, но Ксюша уверена, что она выглядит, как Гертруда, — высокая, худая и жилистая. Я думаю, что Гертруда — это мощная воительница вроде Брунгильды, но с Ксюшей не спорю. Гертруда всегда выигрывает сражения за пульт от телека и, торжествуя, включает ментовские перестрелки по пятому каналу).

Минут через пять кто-то встает из-за стола, и на этот раз я успеваю занять место. Санитарка ставит на стол мой завтрак: щедро положенную треть тарелки манной каши, масло в пластиковой упаковке, по ломтику белого и черного хлеба, кусок сыра, полкружки чая. Я откладываю хлеб в корзинку посередине стола, крошу сыр в чуть теплую манку, туда же выдавливаю масло. Через пару минут тарелка опустошена. Я в два глотка выхлебываю холодный чай, возвращаюсь в палату и заваливаюсь на кровать. В дверной проем въезжает гремящая тележка — раздача лекарств.

— Семь таблеток сожрала, — хвастаюсь Ксюше.

— Трээш!

Теперь ждем обхода. Наша восьмая палата последняя в очереди. Врачи в ослепительно белых (белее стен и отдраенных в генеральную уборку унитазов) халатах заходят торжественно, за ними гуськом, как цыплята за курицей, появляются ординаторы. Процессия останавливается возле каждой кровати, спрашивает о жалобах.

— Как спала?

— Прерывисто. И раннее пробуждение, — за три недели в психушке я выучила всю терминологию, описывающую мое

довольно плачевное, но с хорошим прогнозом состояние. Белые халаты уходят, и я облегченно принимаю горизонтальное положение. Заходит Ксюша, садится рядом. Я достаю из тумбочки карандаши и разрезанные надвое листы акварельной бумаги, опасливо сую под подушку точилку. Мы рисуем в относительной тишине, пока санитарка не выгоняет всех из палаты для уборки.

До обеда где-то два часа. Я снова берусь за поднадоевшего Кафку, Ксюша углубляется в «Миры Роберта Хайнлайна». Потом мы долго ходим туда-сюда по коридору, «растрясаем жиры», постоянно уступая дорогу персоналу и получая от него предупреждения за слишком быструю ходьбу: «Вы не на улице, а в отделении».

Вот и обед — полная тарелка горохового супа, плов, облепиховый кисель. Я наконец-то успеваю занять место в первую смену. Ксюша перекладывает в свою тарелку мой плов: веганить в дурке у меня не получается, но я решительно отказываюсь от мяса, рыбы и вечерних йогуртов.

Прогремела тележка с таблами. На посту — щелчок-щелчок-щелчок — вырубает свет в палатах, и я не успеваю прочесть последнюю, двадцать пятую главу «Замка». Тихий час. На посту громко смеются медсестры. Во второй палате истязаемая санитарями бабка орет: «Сергеей Шойгуу! Звонит тебе Нина Петровна!» Утром Шойгу показывали в новостях: прилетел на Донбасс. Видать, сбился с курса на нашу психбольницу. Для разнообразия я каждые пятнадцать минут хожу попить водички и бегаю в туалет. В туалете без дверей, охая, восседают на унитазах бабки.

— Девочки, по-олдник! — ор из столовой; время — четыре. Оказывается, к самому концу тихого часа мне удалось уснуть.

На полдник сегодня бананы. Я уверенно сдираю шкурку, начиная с черного конца.

— Вау, ты так странно открываешь банан, — в голосе Ксюши сквозит удивление, граничащее с восхищением.

— Я всегда так открываю, а что такого? — в свою очередь удивляюсь я.

Ксюша пытается очистить банан моим способом. У нее выходит содрать только верхний слой шкурки. Я забираю у нее искалеченный плод и ловко исправляю ошибку.

— Держи. Учись, пока я жива.

— Девочки, кто на прогулку, собираемся! — санитарка оглашает список из шести фамилий: самые смирные и вызывающие доверие. Непонятно, как я осталась в их числе после эпизода с битьем головой об унитаз в знак бунта против отказа в выписке. Мы облачаемся в казенные тулупы и сапоги — мне удастся шустро ухватить обувь по размеру. Сегодня нас ведет гулять хорошая санитарка — мы не идем в тесный дворик, а бродим по всей территории больницы. На экране у большой клумбы — спортивные соревнования среди сотрудников дурки. Завотделением лихо прыгает в мешке, астенически сложенные ordinateры тащат на носилках полненькую старшую медсестру. Ксюша на ушко сообщает санитарке, что хочет в туалет. Мы впотьмах бредем к нашему седьмому корпусу.

Я сразу иду мыть пропахшие больничными сапогами (смесь дезинфицирующего средства и пота) руки. В столовой накрывают ужин. Пшенная каша и запеканка с морковью — праздник живота. Теперь Ксюшина очередь делиться со мной едой: она на дух не переносит морковь.

Остается дожидаться вечерних таблеток, а после кульминация больничного дня — звонки.

— Мне с сотового, — медсестра вытаскивает из коробки коричневый пакет с моей фамилией. Я быстро, пока она не засекала, отписываюсь подругам в телеграм-чатик, что у меня всё в порядке, и звоню маме.

— Как ты, птенчик? — до быстро привыкшего к вездесущему хамству сердца потихоньку доходит ее нежность.

— Нормально. Нарисовала три картинки. Читаю Кафку.

— А там нет чего-то другого почитать?

Выслушав немногочисленные семейные новости (Илья продал компьютер; папа починил полы в лавочке некой тети Нади), я звоню подруге. Она сидит на паре, но ради меня выходит из аудитории. Мы обсуждаем мои болячки и ее карьерные планы. Я остаюсь на посту последней, остальные уже позвонили. Медсестра подгоняет меня, и я поспешно кладу трубку.

— Девочки, на передачи! — еще один приятный эпизод долгого дня.

Спешу в комнату отдыха, достаю из пакета любимый хумус

с хрустиками: «Ксюш, будешь хумус?» Я угощаю Ксюшу хумусом и протеиновым батончиком, она меня — вторым за день бананом и имбирным печеньем. Наверстав недоеденное за день, мы расходимся по палатам. Я наконец добиваю Кафку.

— Девочки, на йо-о-гурты!

Я не поднимаюсь с кровати: кислые «йогурты» мне не нравятся, да и надо все-таки держаться поближе к веганству. Начинаю новую картинку: из угла листа расходятся разноцветные полосы, из центра вырывается голубой круг.

Плафоны гаснут. Включается неугасимый ночник — при таком освещении с трудом, но можно читать. Чтобы защититься от света, я натягиваю на голову трусы, представляю хвойный воздух и заиндеветевшие дорожки Лосинового острова, проваливаюсь в беспокойный прерывистый сон.

Лифтер Миша

Миша маленький, лысоватый, вечно небритый мужичок неопределенного возраста (ему смело можно дать от двадцати до сорока). У Миши глубоко посаженные внимательные карие глаза, аккуратный прямой нос, мягкий спокойный рот. Миша всегда одет в одну и ту же кофту (черно-серо-белая полоска, по бокам глаза зебры), черные спортивные и белые стеганые кроссовки с синими вставками.

С прямой спиной, с видом, исполненным чувства важности проделываемой работы, Миша распахивает двери лифта. Его движения плавны, машинальны, предельно профессиональны: ни один лишний мускул не дрогнет, пока он отводит две (зачем их столько?) двери в сторону, задвигает их обратно, сосредоточенно нажимает на нужную кнопку.

На приветствие Миша отвечает вежливым кивком и тихим мягким «здрсте» (не самое мягкое звуко сочетание, но у некоторых людей все слова выходят мягкими, как выпавший за январскую ночь слой снега).

Пока едет лифт, Миша, опершись о стену и выгнув спину, внимательно осматривает стену противоположную. В Мишину смену на тумбочке никогда ничего не лежит. Миша не читает газет. Мишино лицо невозмутимо и полно достоинства. Он почесывает небритый подбородок, мыслями далекий от ударами вгрызающегося в этажи лифта и с лифтом слившийся. Миша — лоцман лифта,

вошедшие смотрят на него с почтением.

Лифт тормозит. Миша отточенными танцевальными движениями (раз — открыть засов, два — отвести дверь, три — распахнуть вторую) выпускает пассажиров. На «спасибо» Миша неизменно реагирует чуть слышным «пжаста» (его голос слегка идет вверх, затем спускается вниз, сопровождая дружелюбный наклон головы).

Двери закрываются. Миша остается один в лифте.

* * *

С широко закрытыми глазами и гордо опущенной головой иду по коридору психиатрического отделения. От столовой до туалета — время падения с Крымского моста, от туалета до поста — срок действия антисуицидального соглашения. Со звоном в ушах и дрожью в руках — сто шагов туда и обратно в безрезультатной борьбе с желанием биться головой об унитаз, раз за разом — пост, туалет, столовая, буфет закрыт до обеда с кислой капустой или сладкой морковью, кровью наливаются глаза, чешется лицо, трясутся ноги, «боги-боги-девочке-здоровьица-боги» — взывает привязанная к стулу баба Нина, картина неизвестного душевнобольного на стене — мирные домики (напоминают Клее), томики Донцовой в шкафу комнаты отдыха, дыхание угнетено яростью или хлоркой, убивать, убивать, убивать. В столовой накрывают обед, в процедурном делают уколы хоть в левую, хоть в правую, хоть посередине. В синей тьме за окном затаилась воля, месяц невиданная, полузабытая, спрятанная за решетками и дверями без ручек, охраняемая санитарями и заборами, шторами задергиваемая на ночь с белым плафоном ночника, неугасимой лампадой нависающего над сонными узницами системы психиатрической помощи, в половине клинических случаев мучимых хронической бессонницей. Туда и обратно, мимо кучки пациенток у процедурного (очередь на волшебные уколы: забудешь родимый дом, кого любил, разлюбишь), мимо ментов с пятого канала и гламурных подонков с МУЗ-ТВ, мимо непрекращающейся ссоры из-за пульта от телека, мимо громких в тихий час санитаров, жестких кроватей, халатов, тулупов, казенных трусов и сапог, ароматов толчка и духов врачей, горохового супа и овсяной каши. Наши желудки отвыкли от жареного, наши ноги отвыкли от улицы, наши лица отвыкли от зеркала.

<...>

Сорок шагов — двадцать секунд. Пост — туалет. Удар. С

разбитой башкой и счастливой улыбкой вяжет меня санитар.

* * *

В туалете психиатрического отделения нет дверей, а также бумаги и мыла. Воздух насыщен хлоркой и смрадом от бака с отходами класса «А». Чинный ряд унитазов отражает мертвый свет ламп. Зарешеченное окно защищает от меня волю. Я бьюсь башкой о бачок, не замечая боли.

В столовой психиатрического отделения нет ножей и вилок. Двадцать мест на тридцать пять человек. Суп гороховый, борщ вегетарианский. Капуста квашеная и морская. Каша овсяная, манная, геркулесовая, пшенная, кукурузная. Грузная санитарка накрывает на стол. Чай — треть кружки, ломтик хлеба. После сытного обеда полагаются таблетки. Шум тележки, горсть в ладони. Запивай — и тихий час.

На дверях психиатрического отделения нет ручек. Специальный ключ открывает пост, процедурный, буфет, ординаторскую, комнату отдыха. Ключ — привилегия персонала. Я украла его в одном из нейрорепитических снов.

145

В комнате отдыха психиатрического отделения — полное собрание Донцовой, Горький, Кафка, молитвословы. В коридоре кричат мою фамилию. Здравствуй, мама. Всё в порядке. Мне давно уже не гадки те привязанные бабки, ор усталых санитаров, вездесущий дух мочи.

В процедурном кабинете психиатрического отделения мне каждый вечер ставят уколы. Медсестра виртуозно находит неисследованные места. Наверное, тяжело ей видеть жопы вместо лиц. Меня мучают хронические боли в области ягодиц.

Иллюстрация: Вика Левотаева

Родился и живёт в Петербурге.

Успел побывать главредом нескольких журналов и совладельцем рекламного агентства. Много занимался музыкой и звукорежиссурой.

Ведёт свой канал, записывает аудиокниги (свои и чужие). С 2007 года вышло несколько его книжек для взрослых («Пентхаус», «Мальчик как мальчик») и подростков («Колёса фортуны», «Мечтатели», «Ненавижу физкультуру», «Темнейджеры»).

Ясный день, легкий ветер

Лист бумаги на столе мало-помалу покрывался таинственными знаками. Синие граффити похожи были на идиотские переводнушки, популярные когда-то у школьников, и почему-то я вспомнил, как мы познакомились с Таней: я увидел на ее плече страшного синего дракона, пожирающего земной шар, и спросил, что это может означать? «Конец света, — серьезно ответила она. — Скоро всё кончится, а мы так ничего и не успеем».

Развинтив наконец ручку, я попробовал успокоиться.

Какой еще конец света, думал я. Просто очередная гнусная подставка от начальства. И опять в мое дежурство.

Рабочий телефон молчал. Но сводки из Москвы продолжали приходить, и в углу правого монитора по-прежнему мигали угрожающие символы. Пока что информацию не удавалось обработать ни в одной прогнозной программе — ни в GIS Meteo, ни в UniMAS.

Последние данные были неприятными. Силовые линии магнитных полей словно взбесились. Интересные вещи происходили с атмосферным давлением. Даже приливы сбились с графика. Ничего подобного не происходило за всю историю наблюдений.

Я скомкал испорченный лист и выбросил в корзинку.

Судя по ленте новостей, по городу уже ползли туманные слухи. Ждали штормового предупреждения, которого всё не было — разумеется, не было, потому что объявить его должен не кто иной, как я, синоптик Кирилл Латенко, отсюда, из регионального филиала Гидрометцентра. А я вместо этого раскачивался в кресле, ждал неизвестно чего и разрисовывал бумагу абстрактными узорами.

А еще пытался написать письмо своей девушке.

Мы решили расстаться накануне, но до сих пор обменивались никому не нужными упреками в мессенджере.

Я уже знал, как закончить: «Не прощаемся. Твой Кирилл». Или что-нибудь в этом роде.

Но отчего-то все никак не мог решиться.

«Ты здесь?» — пришло сразу два сообщения в закрытом чате. Приятели из Универа тоже сидели на дежурстве.

Вместо ответа я разослал им смайлики. Но они не успокоились.

Volos: увидимся в аду?

Gabrielsson: ппц, начальство уже на телефон не отвечает.

KirLat: че, все так плохо?

Volos: просто никак

Gabrielsson: слышал про аномалии со временем?

KirLat: нет.

Gabrielsson: услышишь. со временем :)

Volos: нажми End + Enter, и настанет конец света. шутка. только что прислали :-)

Gabrielsson: все смеются.

Вздыхнув, я поднялся из-за стола. Выглянул в окно.

Малиновое зарево разливалось над северными новостройками: такое я видел однажды в экспедиции на Крайнем Севере. Закату полагалось быть несколько западнее; он там и был пару часов назад, был, но не закончился. Поляризованный воздух сделался цветным. Это зрелище завораживало.

На столе завибрировал телефон. Не отрывая взгляда от неба, я коснулся пальцем экрана.

— Кирюх, ты в окно смотришь? — кричал Вовчик Гаврилов. — Мурманск помнишь?

— Помню, — отозвался я. — Погоди. А что еще за аномалии со временем?

— В интернете люди жалуются. У кого часы механические, стрелки зависают. Может, намагнитились?

— Не знаю, — сказал я. — У меня кварцевые.

Северное сияние за окном вспыхнуло несколько раз и вдруг погасло, словно кто-то оборвал провод на новогодней гирлянде. Небо осталось черным, как чернила, и даже звезды (показалось мне со страху) куда-то пропали.

Мне было не по себе.

Странно, думал я. Меня же учили многим умным вещам. Я знаю, откуда приходят циклоны и как рождаются торнадо, я могу рассчитать энергию столкновения атмосферных фронтов, и я не выключаю телевизор в грозу, как моя бабка (а она в это время поминала, смущаясь, свою бабку и еще какого-то Илью-пророка). И я не верю в конец света. Ну, разве что в локальный blackout.

И все же я гляжу в темное небо, и мне страшно.

Что там Власов написал? Нажми End + Enter, и всё кончится?

Попробовать?

Я вздрогнул. Часы в углу экрана показывали 23:59.

«Я не боюсь, — подумал я почти вслух. — Смешно бояться клавиши End. Глупо бояться грозы. Просто я не хочу... отсылать Таньке письмо».

Подумав так, я для чего-то облизнул губы, задержал дыхание и мягко опустил пальцы на клавиатуру.

* * *

Солнечный свет ослепил меня на мгновение, и я прикрыл глаза ладонью. Впрочем, вокруг стояла тишина, разве что птички чирикали где-то поблизости.

Я осторожно взглянул из-под руки.

Оказывается, я сидел на поросшем травой откосе. Передо мной текла речка, а за ней громоздились высотные дома незнакомой архитектуры: каждое было похоже на длинную сверкающую кукурузину, и все они вместе тянулись к небу, и легкие облачка цеплялись за их вершины. «Нихрена себе», — пробормотал я.

Речка была мне знакома. Это был неширокий приток Невы, разделявшейся в этом месте на несколько островов, где

располагаются парки и аттракционы.

Но кое-что изменилось.

На островах высились дома, и транспортный виадук на бетонных ножках по широкой дуге огибал эти кварталы. По магистрали сплошным потоком неслись разноцветные машины.

А воробьи скакали и верещали в кустах за моей спиной. Вокруг не видно было ни души. Солнце светило по-полуденному, и кучевые облачка равномерно ползли на северо-запад: легкий ветерок (ЮВВ, 4 м/с) не собирался меняться, обещая ясный день.

Если это и был сон, то я ничего не имел против.

Поднявшись на ноги, я отряхнул джинсы от приставших травинок. Это были странные джинсы (я даже не был уверен, что им все еще подходит это имя). Они довольно тесно облегли ноги, мало того: они изменялись на глазах, подстраиваясь точно по фигуре. Спортивные тапочки на моих ногах я тоже не знал, как назвать; пусть будут кроссовки, — подумал я, и они как-то сразу приняли завершённую форму. В общем, с окружающей реальностью всё было очень непросто.

151

Я сунул руку в карман. И вытащил... смартфон? Коммуникатор? Не знаю. Продукт новых технологий приятно ложился в ладонь и тоже как будто бы изменял форму. Я порадовался нескольким знакомым символам на экране, как турист, зашедший в чайнатаун, радуется надписи «кока-кола». Я тронул одну иконку. В ушах что-то пискнуло.

— Добрый день, Кирилл, — послышался в ушах бесстрастный голос.

— А какой сегодня день? — спросил я наудачу.

Сухая справка заставила меня призадуматься. Это был день... ну, одним словом, день, довольно важный для меня, и для моей девушки, той самой, которой я писал последнее письмо, да так и не закончил.

— Минуточку... а год? — спросил я. — Какой сейчас год?

Голос ответил.

Куда-то исчезло целых пятьдесят лет. Можно было верить или не верить, но вокруг и вправду было самое настоящее будущее.

Не зная, о чем еще спросить, я огляделся по сторонам. И тут мое сердце сжалось. Чуть тормознуло и застучало громче.

Там, за деревьями, я увидел знакомый домик с полосатым шаром на крыше и торчащие поодаль антенны с датчиками ветра. Это был наш старый метеоцентр.

В ту последнюю ночь я сидел в кабинете на верхнем этаже. А на крыше мы загорали с ребятами, когда нечем было заняться. И иногда с Таней, но без ребят. И даже белыми ночами, когда у нас бывали совместные дежурства.

И вот теперь я видел этот дом, и этот полосатый шарик, словно забытый кем-то здесь, посреди незнакомого нового мира.

Спустя минуту я стоял у изгороди. Ворота были закрыты, вывески не было. Рано я радовался: здание выглядело оставленным, если не брошенным вовсе. Асфальтовый дворик никто не подметал, вероятно, уже лет пять, а площадка для запуска аэростатов вся пошла трещинами. Пожухлые прошлогодние листья гнили на газоне. Я только теперь заметил, что громадный полосатый шар на крыше (когда-то набитый аппаратурой) порядком облез и проржавел.

— Вот как, — пробормотал я.

Делать здесь было нечего. Я двинулся прочь по пустынной дорожке туда, где высились довольно старые с виду многоэтажные дома — в наше время этот кондоминиум только начинали строить, и назывался он то ли «Альфа Хаус», то ли «Омега», то ли еще как-то, не помню. Оба эти названия настроили меня на какой-то философский лад. При этом я совершенно не понимал, что мне предпринять дальше.

На лавочке у фонтана сидела старуха. Такая, как все старухи. В мешковатых брюках и обвисшей голубой кофте. Все старухи становятся такими, думал я. В любые времена. Даже когда за спиной высится небоскреб из стекла и картона, и фонтан шумит, и хорошо одетые дети резвятся неподалеку.

В задумчивости я присел рядом.

— А не подскажите, — вежливо обратился я к старухе, — давно

ли метеоцентр закрылся? Здесь ведь был метеоцентр, я помню.

Она повернулась ко мне, и в ее потухших глазах блеснуло что-то — слезы? Или просто проблеск мысли?

— Ты так странно говоришь, — произнесла старуха. — Так странно, как будто...

— Да вроде нормально говорю, — удивился я. — А что не так?

— Скажи еще что-нибудь, — попросила старуха. — Так говорили мои друзья когда-то. В молодости.

Я хлопал глазами. У нее были друзья? Ах, ну да, конечно. Пятьдесят лет назад ей было как мне теперь.

— Ну, я как бы даже не знаю, — пробормотал я, смутившись. — Я вообще-то узнать хотел про метеоцентр. Я там... ну, в общем... у меня там родственники работали.

— Метеоцентр, да, — проскрипела вдруг старуха. — Этот давно закрыт. Говорят, законсервирован. Он теперь не нужен. Никто никому не нужен.

153

Поднимаясь со скамейки, я старался не смотреть ей в глаза. На душе было тяжело, не знаю почему. Я все еще сжимал в руке гибкий смартфон: он еле слышно пискнул, напоминая о себе. «Домой», — сказал я тихо. Он назвал адрес; название улицы мне не говорило ни о чем. «Такси?» — бесстрастно предложил спикер. Я подтвердил запрос.

Желтый автомобиль притормозил рядом. Я взялся за ручку, и дверь отворилась. Водителя в автомобиле не было. Я даже не удивился. Оглянулся в последний раз и увидел, что старуха по-прежнему сидит на скамейке, глядя прямо перед собой.

Как обычно, скорость успокоила меня. Я прильнул к стеклу. Перемахнув через старый мост, автомобиль влетел на виадук и понесся на север. Минут через десять он съехал с магистрали на незнакомую мне улицу, притормозил и нырнул в подземный гараж.

Капсула лифта подняла меня на двадцать второй уровень. Волнуясь, я шел по пустынному коридору мимо бесконечного ряда дверей. Возле нужной двери навигатор пискнул.

Войдя внутрь, я слегка охренел. Оказалось, что у меня шикарная квартира-студия, с панорамным стеклом, хотя и без балкона (я не сразу догадался, что выпуклое окно во всю стену может уползать вверх, как прозрачная крыша автомобиля, и тогда вся комната превращается как будто бы в громадную открытую сцену). Здесь не было особенной мебели, и в шкафу не нашлось ни единой книжки, зато из окна открывался замечательный вид на залитый солнцем город. Окна небоскребов на том берегу Невы сияли и переливались всеми цветами радуги, а далеко на западе, за кольцевой магистралью и за зеленым массивом какого-то парка, расстиралось море — гораздо дальше, чем в наше время.

На зеркальном дисплее над столом уже давно мигал какой-то символ, похожий на крохотный дорожный знак «кирпич».

— Что еще им нужно? — спросил я вслух.

Экран засветился: система требовала авторизации пользователя. Подумав, я приложил к датчику свой новый смартфон. Как в старых американских фильмах, по экрану побежали строчки.

Теперь я знал, кто я.

Мое имя осталось прежним, фамилия тоже. К году рождения (как мне показалось, после некоторого раздумья) система прибавила полсотни лет. С объемной фотографии на меня смотрел я сам, подозрительно свежий, словно невидимые сенсоры только что отсканировали мое лицо.

У меня даже нашлась кое-какая биография. Школа, университет. Активизировав последнюю ссылку, я обнаружил, что учился довольно неплохо. Когда-то это было правдой. Я был далеко не худшим студентом на кафедре метеорологии и теории климата.

Кое-что было не таким приятным. О моей личной жизни досье молчало; ни семьи, ни детей, ни родных. Адрес регистрации был здешний. Более того, апартаменты в этом отеле были зарезервированы на мое имя не ранее, чем сегодня. А до этого я вроде как и не жил вовсе...

Что все это могло означать?

Время и вправду кончилось. Правильнее сказать, окончилось и началось сначала. Вот только моя миссия в этом новом времени была неясна даже мне самому. Что-то должно было случиться, и

оставалось дожидаться всплывающих подсказок.

Кажется, одну я уже получил.

Присев на краешек кровати, я вертел в руках персональную карточку. Последняя строчка моего досье нисколько не удивила меня. Там, где в анкетах этого странного будущего принято было писать профессию, у меня значилось всего одно слово: «синоптик». Также там был короткий адрес: ЦУП, южная развязка, Пулково.

И сегодня, ровно в четыре часа пополудни, мне надлежало приступить к работе.

* * *

Пройдя вдоль длинного высокого забора, я наконец отыскал вход. С любопытством рассмотрел вывеску. Нет, я вполне мог предполагать, что лет через пятьдесят люди откажутся от краткосрочных прогнозов погодных явлений и вплотную займутся регулярным менеджментом, как в наши дни управляют какими-нибудь транспортными потоками, — и все же название «Центр Управления Погодой» немного резало глаз. Зато напоминало что-то космическое.

155

Девушка в строгом деловом костюме уже шла мне навстречу. Она приветливо помахала мне рукой.

— Кирилл Латенко — это вы? — спросила она.

Я даже не успел ответить, как девушка сделала странную вещь: вытащила из кармашка тоненький смартфон, не слишком-то похожий на мой, и что-то шепнула, обращаясь к нему, а не ко мне.

Или всё же ко мне? «Здравствуйте, уважаемый новый сотрудник, — раздался в ушах приятный голос. — Меня зовут Лидия Клинских, я менеджер по персоналу. Позвольте провести для вас краткую презентацию и ввести в курс дела. Буквально через минуту вас подключат к единой базе данных Центра Управления Погодой, что позволит автоматически определить ваш участок ответственности. Напоминаем, что в ваши обязанности входит консультирование заказчика по вопросам приобретения расширенных погодных пакетов, а также постпродажный сервис и абонентское обслуживание. На протяжении испытательного срока вашим куратором будет опытный менеджер отдела продаж».

Я слушал эту ахинею, выпучив глаза. Взглянув на меня, девушка чуть заметно усмехнулась и остановила спикер:

— Вам что-то неясно, Кирилл Латенко? Вы будете работать в корпоративном отделе. Клиенты — юридические лица. Руководитель отдела — Макс Раевский. Какие-то вопросы?

Вживую она говорила не лучше, чем ее спикер. Как-то автоматически и с непривычной артикуляцией. Кажется, я начинал понимать, о чем толковала та старуха.

«Офисные зомби, — подумал я. — Да еще и погодой торгуют».

— Вас можно звать Лидой? — поинтересовался я у девушки.
— Или обязательно Лидией?

Чуть нахмурившись, она все же ответила любезно:

— Все верно. Лида. Если нужно, выходите в личку... Кирилл.

«Ну, в личку — это я хотя бы понимаю, — подумал я. — Но как же тут всё запущено».

Макс Раевский оказался дорого одетым молодым человеком ненамного старше меня. Не знаю почему, он не был мне противен, хоть и стал моим начальником. Его манера вести себя отличалась от принятой здесь, и даже слишком отличалась. Он сразу перешел на «ты» (я удивился). Все же я немного адаптирую его речь, чтобы стало понятнее.

— В нашей науке, Кир, вообще все непросто, — говорил он, развалившись в кожаном кресле и поигрывая носком ботинка. — Я ведь изучал историю вопроса. Когда-то, лет пятьдесят назад, синоптики могли делать разве что прогнозы. Среднесрочные и краткосрочные. И еще готовили сводки погоды для общего пользования... онлайн-карты осадков. Шли на поводу у природы, как тогда говорили. Я не очень понимаю такое выражение, но это неважно.

Я кивнул. Мой новый босс и вправду интересовался историей. На стене у него была прикреплена большая фотография нашего старого центра, там, на набережной.

— Станция теперь законсервирована, — сказал Макс Раевский, проследив за моим взглядом. — Давно хотели снести, но

военные пока не разрешают.

Я пожал плечами.

— Да, это было грустное время, — согласился Макс. — Чем тогда коллеги занимались? Шарик запускали. Дождь в сентябре предсказывали. Постоянно выпрашивали дополнительное финансирование. Что называется, деньги на ветер... зато теперь всё иначе, — он улыбнулся и снова помахал в воздухе ботинком. — Теперь погодный бизнес поставлен на широкую ногу. Мы принимаем заказы на разработку локальных климатических зон с посуточной тарификацией, а также продаем фьючерсы по разным направлениям. Если миллионер покупает землю, почему он не может купить и воздух? Конечно, это дорого и технически сложно, и доступно не каждому. Но кто сказал, — тут он важно поднял палец, — что будущее наступит для всех?

— Понятно, — пробормотал я.

— А теперь слушай: скоро у нас будет мегаконтракт. Теперь уже можно об этом говорить. Коллеги из московского ЦУПа уже продали пакеты до самой Твери, только у нас осталось несколько пятен, и вот на этой неделе мы их закроем. Закроем все пространство между Питером и Москвой — понимаешь? Идеальный климат над каждым помещьем. Оставшиеся участки стремительно дорожают. Это прорыв в торговле недвижимостью. Представляешь, какие будут сборы? — он выдержал театральную паузу. — На одной абонентской плате мы сделаем миллионы. Мы называем этот проект — «Золотой Дождь», хе-хе... Как говорят у нас в рекламном отделе: подставь корму попутному ветру.

Я деликатно посмеялся вместе с ним. И только теперь заметил, что на подставке его полукруглого монитора прилеплен веселенький стикер: «Метеоризм не лечится». Стоит ли говорить, что на моем мониторе, пятьдесят лет назад, красовалась такая же?

* * *

В последующие дни я втянулся в работу. Изучал новые программы (в этом не было ничего сложного). На небольшом коптере облетал окрестности, наблюдая за работой климатических установок.

Иногда по вечерам я запирался в своем номере и пытался

отыскать в сети кого-нибудь из нашего чата (отчего-то мне казалось, что это вполне реально). Конечно, я не мог никого найти. И должен сказать, что день ото дня делал это все реже и реже. К тому же эта Лидия, менеджер по персоналу, в личке оказалась вовсе не такой отмороженной, какой представлялась при нашей первой встрече.

Иногда под утро мне снилась Таня. И мое последнее недописанное письмо. Во сне я прокручивал перед глазами строку за строкой, и мне казалось, что вот-вот я найду самые нужные слова — но все не находил. И просыпался с тяжелым сердцем.

Не помню, что мне снилось в тот день, когда рванули климатические установки. Может, что-то и снилось. Потому что, когда на стене завопил и замигал панорамный дисплей, в моей голове еще вертелись какие-то картинки, одна другой тревожнее. Я вскочил с постели и прочел несколько слов, горящих на темном экране огненными буквами (это был экономичный режим коротких сообщений).

«Red alert, — сообщала служба безопасности. — Красный уровень тревоги. Срочно вернитесь на рабочее место».

Последние обрывки сна разлетелись. Схватив со стола спикер, я назвал номер... ну да, Лидии Клиньских. И лишь затем Макса Раевского, своего непосредственного начальника. «Что, что, — оборвал он мои вопросы. — П[...]ец всему, вот что. Катастрофа».

Спустившись в лифте (стекла в нем отчего-то запотели), я выбежал в холл и едва не упал, поскользнувшись на ступеньках. К счастью, желтый автомобиль уже ждал у подъезда. Навигатор включился, и мы понеслись в Пулково.

Была глубокая ночь, уже по-июльски темная, и окна многоэтажных домов оставались темными тоже, лишь кое-где за разноцветными шторами включились тревожные огни: здесь жили те, кому по роду службы полагалось быть в курсе. Или те, кто собирался на работу в утреннюю смену. Они еще не знали, что их работа никому не понадобится.

Потому что ледяной туман уже опускался на город. Если верить цифрам на дисплее, за бортом уже было минус семь при относительной влажности свыше девяноста. Зеленые листья деревьев покрывались инеем. В мертвенном свете фонарей плясали снежинки. Стекла такси обмерзали на глазах, и тогда

невозмутимый компьютер включил отопление. На обледеневшей трассе машину заносило: чуть позже, оценив обстановку, система запустила управляемый полный привод.

На Садовой мы притормозили, и взволнованная Лида села рядом.

— Что случилось, Кир? — спросила она. — Что взорвалось? Я же в этом ничего не понимаю. И почему так холодно?

— Успокойся, — я взял ее за руку. — Все будет в порядке.

Мне не хотелось рассказывать ей обо всем. Да я и сам половины не понял. Я знал только, что сразу у нескольких климатических установок в одной цепи по каким-то причинам нарушилась герметичность. Управляющий сигнал со спутника был потерян, и вскоре после этого установки превысили расчетную мощность и одна за другой разлетелись на куски; при этом произошли гигантские и неконтролируемые выбросы реагента. Эффект был примерно таким же, как если выпустить из баллона жидкий азот. В результате состав атмосферы в верхних слоях резко изменился, и теперь это вредоносное облако постепенно оседало, вымораживая воздух на своем пути, и вот-вот должно было выпасть на землю в виде мокрого снега. Желтоватые снежинки летели, кружились и понемногу заметали трассу. Мне казалось, что я слышу, как они шипят под колесами, реагируя с водой и превращаясь в кислоту.

Я не стал говорить Лиде, что при взрыве установок погибло несколько десятков человек из числа обслуживающего персонала. Точнее сказать, они мгновенно растворились и превратились в пар.

Мороз крепчал. Желтая снежная крупа сыпалась на лобовое стекло, но щетки пока справлялись. Краем глаза я углядел на дисплее температуру окружающего воздуха. Минус пятнадцать.

Дверцы такси захлопнулись, и мы, спотыкаясь, бросились бежать вдоль забора к проходной. Лида дрожала от холода, и я обнял ее — и в таком виде мы показали в холле, где уже собрались все ребята, или почти все, за исключением Макса.

— Перенапряглись, — шепнул мне Борис, парень из технического отдела. — Подключили лишние мощности. А фидеры были заблокированы. Понял? Вот всё и рвануло.

Он был бледен. И говорил кратко и жестко, без мерзкого

офисного сленга. Я вспомнил, что именно он вместе с бригадой технарей должен был с утра инспектировать те самые климат-установки. Ночная вахта так и не дождалась смены. А ведь могла и дождаться.

— У меня дочка болеет. Я не успел, — оправдывался теперь Борька, хотя никто и не думал его упрекать.

Люди расселись по диванам и креслам, столам и подоконникам (на пластиковых стеклах уже нарисовались небывалые сказочные узоры). Ждали начальства, и не было начальства. Наконец дверь отворилась, и вошел Макс Раевский, румяно-бледный с мороза и почему-то прятавший нос в модный шерстяной шарф.

— Уже нужны респираторы, — сообщил он вместо приветствия.

— Скоро скафандры будут нужны, — проговорил Борька мрачно. — В воздухе соляная кислота плюс азотная. Почти как царская водка — знаете? Только в виде взвеси.

— Замечательно, — отозвался Макс. Он брезгливо рассматривал шарф.

— И, если я не ошибаюсь, там в одной из реакций выделяется водород. Скоро будет не атмосфера, а гремучая смесь.

Далекie раскаты грома послышались откуда-то с запада; окна осветились, и снежные узоры на стеклах засияли по-новогоднему, разве что никто не спешил разливать шампанское. Спустя несколько секунд содрогнулась земля, а взрывы сменились словно бы артиллерийской канонадой. Когда утихла и она, кто-то за моей спиной явственно выматерился. А мне почему-то стало спокойнее. Точнее — не так страшно.

— Что же делать? — спросила Лида.

— Персонал сокращать, — неуместно пошутил Макс. — Кстати, чтоб вы не удивлялись: Перескочин и Лившиц оба по делам в Казахстане. По официальной версии, — не удержался он. — Так что на них особо не рассчитываем.

Перескочин и Лившиц были большими руководителями. Настолько большими, что я еще ни разу не встречал в офисе ни того, ни другого.

— В Казахстане? — промычал кто-то сзади. — А в Мурманск они не хотят?

— МЧС в курсе наших дел, — продолжал Макс Раевский. — Готовы выслать подкрепление. Только они от нас требуют консультаций. Каких? Я ума не приложу. Мы же тут всё-таки продажники. А технари сюда еще не факт, что доедут...

— Нету больше технарей, — тихо сказал Борис. — Я хотел раньше сказать... нету никого. Бригада ведь с вечера туда вылетела. Отметить запуск, ну и так далее. Один я остался, у меня дочка болеет.

Макс помолчал. Потом сказал:

— Ну, тогда всё.

— Может, нам тоже... в Казахстан? — спросил кто-то, кто стоял за моей спиной.

— Ответ отрицательный.

161

— Можно попробовать распылить ингибитор, — предложил Борис. — Реакция замедлится. А может, и вовсе остановится. Но это надо весь район облететь.

— Самолеты сегодня плохо летают, — процедил Макс. — В основном сверху вниз.

— Или, наоборот, ускорить реакцию, — Борис как будто разговаривал сам с собой. — Вбросить катализатор и локализовать процесс в одной точке. Там поначалу возникнет область низкого давления. Вроде такой воронки. И это гребаное облако само туда втянется. А потом...

— Да, что потом? — спросил Максим.

— Трудно сказать. Будет большой выброс энергии. Но все же локальный.

Всё это время я сидел, примостившись на спинке довольно мягкого кресла, и разглядывал затылок Лидии Клинских, менеджера по персоналу. Она, со своими светлыми локонами, казалась такой беззащитной, будто было ей лет пятнадцать, и она впервые сбежала из дома, и попала в такую вот дурную компанию... Удивительно, но

Лида чем-то неуловимым напоминала мою девушку.

— Кажется, я знаю, что надо делать, — услышал я собственный голос.

Все посмотрели на меня, и даже Лида обернулась. Я откашлялся и спросил:

— Сколько у нас времени?

— До утра, Кирюх, — серьезно сказал Борис. — Солнце взойдет — как бы это всё не сдетонировало на хрен.

— Та-ак, — протянул Раевский. — Перспективы радужные. А что ты задумал?

— Я пока не уверен, — честно сказал я. — В наше вр... в общем, есть одна старинная штука. Может, и получится. Только вот что, Максим... надо будет взломать старую метеостанцию.

Лида поглядела на меня. Борька покачал головой. И только Максим Раевский медлил и не говорил ничего.

— Ладно, — сказал он затем. — Кто с нами поедет?

* * *

Окна старого метеоцентра кто-то заколотил фанерой. Тут было темно и страшно холодно. Кажется, даже холоднее, чем на улице.

Каким-то чудом электричество здесь не отключили. Грязные лампы дневного света, нутужно гудя, моргали под потолком. Выбросив всякий хлам из стенного шкафа, я отыскал в самой глубине старый масляный радиатор. Воткнул вилку в розетку у самого плинтуса. Макс и Борька наблюдали за моими действиями с удивлением.

— И как ты здесь ориентируешься, — сказал мне Максим. — Я-то здесь бывал в детстве, так я и то ничего не помню.

— А зачем ты бывал здесь в детстве? — спросил я.

— Здесь моя бабка работала до самой пенсии. Она до сих пор иногда сюда приезжает. На скамеечке посидеть. А в это время ее по всему городу ищут.

Я отвернулся. Присел и потрогал радиатор: тот уже был теплым.

— Кирюх, хватит греться, — напомнил Борис. — Времени мало. Пошли искать твой аэростат.

Узкая железная лесенка вела в подвал. Там когда-то хранились баллоны с гелием и лежала свернутая оболочка нашего чудо-дирижабля. Он был невелик — в гондолу влезало всего двое людей и кое-какая аппаратура. И всё же это был самый настоящий воздушный корабль, с регулируемой газовой горелкой, позволявшей подниматься и опускаться, и с небольшим моторчиком.

Впрочем, летать нам было некуда. Наш план состоял в другом.

Тусклая лампочка осветила пыльные залежи барахла, среди которого обнаружилось немало знакомых мне предметов. На старых мониторах лежал сантиметровый слой пыли.

С одного я стер пыль пальцем. На его пластмассовом уголке кто-то когда-то приклеил забавный желтенький смайлик. Я подцепил его ногтем, и он остался в моей ладони.

163

— Вот, кажется, гелий, — сказал Борька, ворочая в углу тяжеленные стальные баллоны.

— Не взлетают. Может, пустые? — пошутил Максим.

Бронзовые вентили на баллонах были целы. Оболочку аэростата можно было заправить хоть сейчас. Оболочка эта (я знал) хранилась в ангаре. Очевидно, и там все осталось, как было. Это было очевидной удачей.

Мне было слегка не по себе, а может, просто знобило от холода?

— Понадобится килограмм двести реагента, — озабоченно сказал Борька. — Дирижабль столько выдержит?

— И больше поднимали.

— Да откуда ты все это знаешь? — спросил Борька. — Ты что, летал на нем?

Я промолчал. В свое время мы раз десять поднимали в воздух этот аэростат. Сказать по-честному, он был не особенно

нужен: всю информацию о верхних слоях атмосферы мы получали с геостационарных спутников. Но иногда, по праздникам, мы не отказывали себе в удовольствии полетать над городом за казенный счет.

Кое-как я подключил гелиевые баллоны, и оболочка стала понемногу надуваться.

— Слушайте, — сказал тут Борька. — У нас в запасе часа два. А потом... как оно еще сложится.

Он полез в сумку. И вытащил литровую бутылку, а также сверток с какой-то закуской.

«И когда только успел, — подумал я. — Или жена собрала?»

— Я вообще-то захватил, чтобы наших помянуть, — признался Борис.

Макс кивнул.

Мы сидели вокруг электрической печки, грели руки и молчали. Аэростат поскрипывал, надуваясь. За стеною, далеко-далеко, завывали сирены.

Я внимательно глядел на этого Максима Раевского, на дорогие ботинки, в которых у него мерзли ноги — и зачем он только их надел? — на его тонкий осенний плащ и расползшийся от кислоты шарфик. Я уже говорил вам, что мы были примерно одного возраста? Почему-то сейчас я чувствовал себя куда взрослее его, гораздо взрослее. Я уже открыл было рот, чтобы сказать об этом (вероятно, я слегка опьянел), как вдруг он начал сам:

— Я давно хотел спросить у тебя, Кирилл. У меня есть такое ощущение, что мы когда-то уже встречались. Хотя я точно знаю, что это не так. Я ведь смотрел твой профайл.

— Мы не встречались, — сказал я спокойно.

— Да, конечно, — согласился он. — Но я все же хотел бы понять. Ты очень хороший синоптик, я это заметил, когда... ну, в общем, я видел, как ты работаешь со спутниковыми данными. И при этом ты не знаешь элементарных вещей. В первые дни точно не знал. Здесь что-то не так. Скажи, для чего тебя к нам прислали?

Я едва не вскрикнул, но удержался. Это стоило мне немало труда.

— То есть... извини, конечно, — смутился Макс. — Я имел в виду — тебя ведь перевели из другого района, правда? Ты ведь недавно в Питере?

— Очень давно, — сказал я глухо. — Просто я... отсутствовал.

Тут Борька почему-то помотал головой, будто сомневался. Вслед за этим он снова потянулся за бутылкой и очень ловко разлил на троих.

Выпив, Макс долго молчал. Потом сказал упрямо:

— Нет, Кирилл. Если даже тебя к нам назначил лично Перескочин, я всё равно должен понять. Откуда ты знаешь про эту старую метеостанцию? Про аэростат? Ты все знал заранее?

— А может, он к нам с проверкой из Москвы? — Борька поставил бутылку на пол. — А мы-то, дураки, ему все рассказываем про наш бардак? А, Максим Сергеевич?

165

— Ну, если это так, — Макс говорил негромко, глядя мне прямо в глаза. — Если это так... ты, Кирилл Латенко, сейчас встанешь и уедешь отсюда. Ты поедешь домой и забудешь всё, о чем мы здесь говорили. А насчет аэростата... не беспокойся. Я все сделаю сам.

Он по-прежнему не сводил с меня пристального взгляда, будто ждал чего-то. Глаза у него были серые, холодные. В отца, отчего-то подумал я. Отца, значит, звали Сергеем.

А вслух сказал:

— Нет. Я не уеду. И поднимусь сам.

— Никакой он не проверяющий, — сказал Борька обрадованно. Максим метнул на него сердитый взгляд.

— Извини, Кир, — сказал он. — Никуда ты не полетишь. Я полечу. Не Бориса же посылать, у него дочка болеет. А мне все равно за всех отвечать.

— Еще по одной? — предложил Борька. — А потом я пойду баллон менять.

Он был по-своему деликатен, этот Борис. И он-то лучше нас знал, что произойдет, когда реагент-катализатор распылится вокруг гондолы нашего дирижабля и вызовет неуправляемую химическую реакцию, затягивая в нее всё новые и новые ядовитые облака со всей округи. И как будет себя чувствовать человек в этой хрупкой титановой корзинке.

— Я поднимусь, Макс, — сказал я. — Я всё сделаю сам. Только не спорь. Ты ничего не понимаешь. И ты не справишься.

Он поднял глаза.

— Кто ты такой, Кир? — спросил он. — Скажи. Я никому не передам.

— Ты всё равно не поверишь.

— Я поверю. Я же чувствую: тут что-то необычное. Меня не обмануть.

Я всё еще колебался. Чего-то ждал. Может быть, какой-то подсказки.

— Моего деда тоже звали Кириллом, — тихо сказал Макс. И умолк.

Молчал и я.

— Я его не знал совсем, — продолжал он. — Бабка про него мало что рассказывала. А отец говорил, что он уехал в экспедицию и не вернулся. Я не верил, конечно.

Я молчал.

— Бабка только проговорила однажды, что они с ним работали на одной станции, — еще тише произнес Макс. — Вот на этой станции.

Я молчал. Только глаза закрыл.

— Кир, — позвал Максим. — Тебе плохо?

Медленно я опустил руку в карман джинсов. И достал оттуда маленький забавный смайлик — наклейку.

«Да, Танька, — думал я. — Тогда я не дописал свое письмо. Я

уехал в экспедицию и не вернулся».

— А это что? — спросил Макс, глядя на желтый смайлик.

— Так, глупости. Нашел там, в подвале.

Когда-то этот смайлик наклеил на монитор я. Я сам. Это был Танькин монитор, и мне хотелось ее порадовать.

С тех пор техника сильно обновилась. Но этот глупый желтый кружочек так и оставался на ее столе. Пока не был выброшен в подвал вместе с монитором.

— Что-то голова кружится, — сказал Макс.

Его лицо пошло красными пятнами. Зря он пил водку, подумал я.

— Мне нужно выйти, — пробормотал он. Как школьник.

— Туалет знаешь, где? — спросил я. — Там, налево по коридору, где красная лампочка.

167

— Я найду, — прошептал он. Едва не споткнулся. И скрылся за дверью.

— Что это с ним? — спросил Борис, возвращаясь. — Что-то я его никогда таким не видел.

— Выпил лишнего, — пояснил я.

Борька покивал.

— Там уже немного осталось, — сообщил он. — На час, не больше. Вы бы отдохнули немного. А я пока попробую капсулу утеплить. За бортом минус двадцать.

Покачав головой, я понял, что реальность очень даже существенно плавает перед глазами. Будто мы уже поднялись в небо на аэростате.

— А может, всё обойдется? — думал я. Кажется, вслух. — Может, ветер облака разгонит? Выйдем мы утром, а там всё кончилось. Снова лето, и птички поют.

Борька вздохнул и отвел взгляд.

— Мне жена звонила сейчас, — сказал он. — Они с дочкой тоже в подвале прячутся. А в городе паника. Желтый снег, — говорят, — желтый снег...

Вернулся Макс; его лицо горело лихорадочным румянцем, на губах блуждала улыбка.

— Странно, — произнес он. — О чем мы говорили? Ничего не помню.

Он утерся разъеденным кислотой шарфиком. Болезненно скривился.

— Ах, да, — сказал он. — У нас же там апоклип... апокалипсис. Просьба сохранять спокойствие. Пока Перескочина нет, я оформляю всем отпуск. В этот... э-э-э... Гринвич. После нашей победы.

* * *

Шар сносило к югу. Под нами проплывали бесформенные световые пятна и целые геометрические фигуры, в которых угадывались городские кварталы. Светало. Над рекой клубились облака пара. Капсула вертелась и раскачивалась на ветру, но мы все поднимались и поднимались.

— Может, пора? — крикнул Максим прямо мне в ухо.

— Не ори, — я пихнул его локтем. — Рано еще. Надо выше. Будем подниматься, пока можно.

Мы лежали рядом на дне гондолы, вцепившись в леера. Мы не глядели друг на друга. Я чувствовал, как он дрожит от холода. В конце концов, он был обыкновенным менеджером из будущего. Он никогда не поднимался в воздух на аэростате. Его жизнь была ровной и безопасной, как транспортный виадук, по которому он летел на своем модном джипе — всё в гору да в гору.

— Макс, — позвал я.

— Что?

— Зачем ты полетел? Как тебя твоя девушка отпустила?

— Мы расстались, — отрезал Макс.

Я догадывался, что он говорит правду. Он был настоящим

сыном своего века. Без семьи, без детей, без привязанностей.

— А для чего тогда? — спросил я снова.

— Не знаю. Нужно же что-то сделать раз в жизни. Или хотя бы попытаться.

И он снова уткнулся в шарф.

Мне показалось, что я понимаю, о чем он хотел сказать.

Часто самый главный шанс дается человеку в первый и последний раз. Да еще так, чтобы никто этого не заметил. Потихому, без пафоса. Без всякой надежды на чужую благодарность.

Вот так взять да и спасти мир. Кашляя и сморкаясь. Город проплывал под нами, безмолвный и безжизненный, в клочьях мертвенно-бледных облаков. Взглянув вверх, я испугался. Слой ядовитого тумана нависал над нами, похожий на грязное лоскутное одеяло — желтое с зеленым, какого-то мерзкого, сопливого цвета. Туман казался плотным, но я знал, что это иллюзия.

169

Внутри желтого облака стало трудно дышать.

— Давай, — крикнул я Макс. — Трави потихоньку.

Он не понял. Я помог ему открутить вентиль. Со своим баллоном сделал то же. Где-то внизу зашипел реагент, вырываясь сразу из двух шлангов.

Налетел порыв ветра, и тогда с окружающей реальностью тоже начали происходить трансформации: воздух завертелся и завихрился вокруг нас, и у меня закружилась голова. Казалось, гондола пляшет, как поплавок в бурлящем море, и у меня оставалась безумная надежда, что всё обойдется.

Пространство внизу свернулось в тугую воронку, словно из расплавленного металла. Было видно, как стенки этой воронки крутятся с бешеной скоростью, в центре — быстрее, по краям — медленнее. Катализатор начал действовать, и теперь реакция всё ширилась, требуя всё больше реагента, как костер требует все больше топлива. Еще немного — и всё злобное химическое облако соберется в эту воронку, закрутится там и сторит ко всем чертям.

Цепляясь за борта, Макс тоже поднялся на ноги.

— Всё будет хорошо! — крикнул он. — Ты всё правильно рассчитал! Перескочин с Лившицем — трусы и сволочи. А ты — мой друг. Понял?

— Понял, — отвечал я.

А что мне было еще ответить? Что я никак не могу быть его другом, потому что в этом времени, если по-честному, мне должно было стукнуть лет семьдесят пять, и мы должны были бы посиживать на одной скамеечке с его бабкой, которую когда-то... то есть, которую и теперь зовут Таней?

Нет. Пятьдесят лет назад я решил с ней расстаться, потому что она хотела ребенка от меня, а я боялся. Я был трусом и сволочью.

Глотнув ледяной воздух, я закашлялся. Вытер слезы кулаком.

— Смотри, — крикнул мне Макс. — Солнце восходит!

И правда: вокруг становилось все светлее. Восток заалел, и желтая муть стала отступать. Эта ночь тоже кончалась. Если бывает конец света, то бывает и его начало, почему-то пришло мне в голову. Что-то приближалось, что-то накатывалось на нас, и я чувствовал это, и Макс тоже.

— Сейчас всё кончится, — упавшим голосом сказал я. Но он расслышал — и крепче сжал мою руку, будто вдруг всё понял.

— Я не хочу, — сказал он. — Не уходи, Кирилл.

— Мы еще увидимся, Макс. Только всё будет по-другому. Это будет иное будущее, и в нем мы снова встретимся. И мы не будем делать ошибок, понимаешь?

— Да, но...

Он не успел договорить. Мгновенная вспышка заставила меня зажмуриться; горячий ветер налетел, мои пальцы разжались, и в это мгновение аэростат с треском лопнул, и всё распалось.

* * *

Когда я открыл глаза, в окне мерцало и переливалось всеми цветами северное сияние. Это было чертовски красиво. Это

завораживало.

В углу монитора светилась иконка мессенджера.

Gabrielsson: слышал про аномалии со временем?

KirLat: нет.

Gabrielsson: на работу никогда нет времени. это аномалия.

KirLat: смешно

Volos: нажми Home + Delete, и станешь бездомным. шутка. только что прислали :)

Gabrielsson: все смеются.

KirLat: иди в жопу.

«Таня», — набрал я в другом чате. И остановился.

«Таня, — решил я снова. — Я сейчас удалю последние сообщения. И у тебя тоже. Забудь, что в них было».

171

Я пошевелил пальцами в воздухе.

«Я тут подумал: когда у нас будет ребенок, назовем его Сергеем. Тебе нравится это имя?»

Вздыхнув, я нажал на enter сразу двумя пальцами. Сообщение улетело по адресу.

Я отыскал на столе колпачок от ручки, аккуратно привинтил на место. Нарисовал смайлик на чистом листе бумаги. Предыдущий лист, густо изрисованный синими драконами, смял и кинул в корзинку.

Оставалось помочь Вовчику обработать входящие данные. А потом мы вместе пойдем к Власову пить пиво.

KirLat: я тут подумал :-)) если нажать End + Pause, конец света будет отложен.

Gabrielsson: я нажал. и ничего.

Volos: ого. уже работает :)

Иллюстрация: Ольга Н. Рехай

Родилась и выросла
в Ульяновске.
Работаю в сфере IT,
Люблю литературу
и веду
телеграм-канал
«крапива книжная».

МИХАИЛОВА
Евгения

Холодец

Вообще-то, во всем был виноват Достоевский. «Преступление и наказание» был единственным большим романом, который Костя прочитал в школе. Почему — он и сам не знает, но верит, что это судьба. Чем-то зацепил его этот изможденный мужчина с куцей бородой, даже рука не поднялась дорисовать ему синие рожки или партак на лице. Елена Александровна, русичка, твердила что-то про искупление, про фигуру Сони Мармеладовой, но Костя не слушал. Соню эту, конечно, было жалко, но ведь она была сама виновата. Зачем помогать отцу-алкашу, которому ничего в жизни больше не надо, кроме как утопить всё в бутылке?

Костя не понаслышке знал этот тип людей, у него пил отец, пил страшно, а потом лил горькие слезы, и даже от слез этих, кажется, несло спиртом. В детстве ему было жалко отца, когда тот после очередного запоя стоял перед ними на коленях и вымаливал прощения. Мать редела, ревел и Костя, мелкий Егор еще ничего не понимал, но тоже ревел, за компанию. Спектакль этот повторялся так часто, что Костя устал. Ему было лет тринадцать, когда впервые на очередной отцовский скулеж он послал его и на несколько дней ушел из дома, лишь бы не видеть эту красную рожу. Казалось, если не уйдет, накинется на отца и будет лупить, пока не свалится без сил, по удару в лицо за каждое обманутое обещание. Домой его вернула пахнувшая корвалолом мать. Мать ему тоже было не жалко. Могла бы уйти от этого алкаша и найти нормального мужика, чтобы с хорошей машиной и дорогими подарками, как отчим Юрки из параллельного класса. Не уходила, значит ее все устраивала, а значит, чего ее жалеть. Жалко было только Егорку, худенького мальчика в Костиных обносках. Костя мечтал заработать много денег и увезти Егора из этого ада.

Раскольников с бабкой-процентщицей мягко устроились в подготовленной сложным детством почве Костиного разума. Заданная по программе книга пряталась на открытой полке советской стенки, уютно примостилась в объятиях «Анжелики» и «Скарлетт». Дома книг уже давно никто не читал, они пылились на полках обломками прошлого с претензией на культурность. Желтоватые страницы были в пятнах и пахли сладковато-пыльно. Костя начал читать, сначала с непривычки глаза скакали по строчкам и всё путалось, хотелось отложить книгу и пойти во двор, но что-то Костю держало, Федор Михайлович затянул в свой желтый Петербург.

Костя тонул в страницах, смутно сочувствовал Свидригайлову, восхищался Дуней, считал Разумихина «нормальным пацаном», а Раскольникову, как ему казалась, понимал полностью. Впервые в жизни Костя принял участие в обсуждении на уроке литературы, Елена Александровна даже на мгновение замерла, не поверив своим близоруким глазам. Костя, утверждавший, что вся трагедия Раскольникова в том, что он оказался «тварью дрожащей», вызвал бурное обсуждение. Обычно тихие отличники вскакивали с места, твердя заученные из учебников трактовки, Елена Александровна с хором подпевал-активистов твердила про свое искупление, втянулись даже те, кто роман не читал. Костю поддерживал только дохленький Игнат, с которым они с детства дружили. Игнат, смутно представлявший, о чем вообще речь, на весь класс заявил, что Раскольников — холодец, потому что он тварь дрожащая, и тем самым перетянул коллективное негодование на себя.

Непонятый Костя только больше убедился в своей идее. Они не принимают его, потому что всё это стадо и есть твари дрожащие, все они, твердящие про милосердие. А раз он отличается от них, то он имеет право. Оставалось только это проверить, и тогда, утвердившись, он станет наконец нормальным человеком. Костя знал, что убивать плохо, и имел свои почерпнутые из массовой культуры представления о морали. Он спасал дворовых щенят от побоев, всегда кидал мелочь в стакан бабушке у перехода, мечтал стать героем и спасти какую-нибудь красивую девушку, и чтобы она обязательно в него влюбилась. Все они, слабые, были в его картине мира невинными и безвредными. А если есть вот какая-нибудь вредная бабка-процентщица, так не станет ли лучше без нее? Костя верил, что станет.

Но действовать тогда он не решился. Ушел из школы после девятого, кое-как сдав экзамены. Поступил на автомеханика, с учебой у него было плохо, и даже мать говорила, что он у них «неумненький», зато, что называется, с руками. Как-то раз даже оживил отцовский жигуль под верным руководством дяди Вовы из соседского гаража. Дядя Вова и посоветовал Косте идти в местный техникум, говорил, у Кости руки откуда надо руки растут, даром что сын своего отца. В колледже жизнь закрутилась-завертелась и стала какой-то правильной. Отец все так же пил, мать всё так же его прощала, но Костя всё реже появлялся дома, проводя время с новыми друзьями. В новый коллектив он влился: здесь не было богатеньких деток с отцами на дорогих машинах, не было очкастых зубрил и учительских подпевал. Костя, немного стыдясь своих

мыслей, думал о себе, как о гадком утенке из сказки Андерсона, который наконец нашел своих. Вполне справедливое сравнение, будь гадкий утенок задиристой шпаной.

Косте нравилось под руководством дяди Вовы ковыряться в чужих машинах. Дядя Вова разбирался не только в авторемонте, он рассказывал Косте про женщин, про Афган, про то, как быть мужиком, что в жизни важно. Пил он не меньше Костиного отца, но умудрялся после пьянок уже на следующий день в семь утра работать в гараже или мчать свою внушительных размеров жену Наташу на дачу.

Даже учиться Косте нравилось: здесь он хотя бы понимал, зачем это нужно, не то, что в школе. Со школьной пары в памяти сгустком злокачественных клеток остался только Достоевский, Костя не часто его вспоминал, но сгусток этот тихо вызревал в раковую опухоль. Курсе на втором он вдруг увидел дома у однокурсника увесистый томик «Бесов», взял почитать, но не одолел и ста страниц, Степан Трофимович вконец его утомил. Тогда Костя до поры до времени совсем забыл про Федора Михайловича.

В общем-то, для полного счастья ему не хватало только девушки. Женщину он познал еще на какой-то вписке в девятом классе, да и потом время от времени ему перепало, но настоящей девушки у него не было до четвертого курса.

И тогда появилась Ника. Второкурсница с экономического, она выступала в составе танцевального клуба их училища. Ее стройные ноги обтягивали черные лосины, длинные светлые волосы были стянуты в тугий хвост. На сцене в причудливых манящих позах изгибалось двенадцать девушек, но Костя смотрел только на нее. Через несколько дней он подсел к ней в столовой, угостил пиццей и компотом. Чувствовал он себя, как в американском фильме про школьников. Не верил, что у него есть шанс с такой красивой девушкой, но она согласилась пойти с ним в кино. Через неделю они уже курсировали по коридорам училища за ручку и жались среди пропахших куревом курток в гардеробе.

Костя наконец был счастлив. Счастье его омрачил прилетевший в затылок обломок кирпича. Он даже не успел дать отпор, потом только увидел в темноте три удаляющиеся фигуры. Забрали барсетку, а в ней зарплату за неделю с подработки грузчиком и новый телефон, глянцевый смартфон, наконец сменивший предыдущий с пятнистым от ударов экраном. В больнице поставили сотрясе-

ние, рядом крутилась Ника с пакетами фруктов. Костя ершился от жалости во взгляде и прогонял ее, они даже впервые поссорились. Костя чувствовал себя слабым и униженным, больше всего ему хотелось избить своих обидчиков, но он даже лиц их не видел. В полиции разводили руками: сделаем все возможное, но вряд ли, вы же понимаете. Из больницы выписали, с Никой они помирились, и все вроде бы стало как прежде, но собственная слабость грызла Костю изнутри.

В это же время и всплыло предложение от однокурсников — открыть вместе автосервис. Особенно предприимчивый Витек рассчитал все и даже составил бизнес-план. С каждого нужно было по сто пятьдесят тысяч. Мысль о собственном автосервисе грела Костину скупую душу. Ему всего двадцать, а уже будет собственный бизнес, а там и от родителей съехать можно, Егорке помогать, жениться на Нике, лет через пять начать детей рожать, быть совсем серьезным человеком, не то что отец. Вот только где взять сто пятьдесят тысяч? Копить он будет, в лучшем случае, год, столько ждать не будут.

177

Костя верил, что всё за него решила судьба. Он ждал Нику около подъезда, но стоял чуть в отдалении, возле куста сирени, соперничал с ее благоуханием своими дешевыми сигаретами. На лавке у подъезда спиной к нему сидели две бабки. Одна крупная и широкая, в шерстяной жилетке поверх какого-то цветастого балахона, грязно-белые волосы стянуты в тугий пучок на макушке. Вторая почти в два раза меньше, на коротко остриженных бордовых волосах выделяются седые отросшие корни, так что издалека кажется, будто у нее плешь.

— Родственников была-то тьма, у нее ж куча детей, внуков, все пришли. И все в квартире, в тесноте, а младшая дочь еешняя беременная глубоко, ей плохо стало, — из своего сиреневого укрытия Косте хорошо был слышен их разговор, тем более та, что поменьше, кажется, была глуховато и говорила слишком громко.

— А ма, Зин. И что, даже скорую вызывали? — та, что побольше, поближе склонилась к своей подруге.

— Нет, сама отошла, полежала немного. На сносях уже совсем, да и давно пара, тридцать лет бабе, а только за первым пошла.

— Такие они щас, да. У меня Ленка тоже не хочет, двадцать

пять, ни детей, ни мужа, только знай работает. А про Димку уж и говорить нечего... Сидеть ему еще.

— Да...

— А чего же ресторан какой не сняли? Были б поминки как поминки, а то чего там в этой Веринной двушке, не продохнуть.

Костя докурил и кинул окурок в кусты. Завибрировал телефон, Ника обещала выйти через пять минут, вечно опаздывает, но ради такой, как она, Костя готов был ждать.

— Кто ж их знает? Столько народу, а на бабку денег потратить жалко, зато за квартирку то, наверное, драться будут. А денег-то она на похороны не собирала, думала, вечно будет жить.

— Да чай надеялась, что дети-внуки не обидят.

— Нарожала, а что толку?

— Нет, Зина, надо самим о своих похоронах думать. Я вот как на пенсию вышла, так собирать начала.

— Ты у нас женщина мудрая, Лид. А сколько ж уже насобирала?

Лида оглянулась на всякий случай, нет ли кого рядом, но стоящего позади них в нескольких метрах Костю она не видела. Она нагнулась и на ухо Зине громко прошипела сумму. Костя ничего не расслышал, глуховатая Зина тоже.

— Сколько? Глухая я, Лид.

— Сто пятьдесят тысяч.

У Кости что-то рухнуло внутри, а затем страшно запульсировало в висках. Не бывает таких совпадений.

Из подъезда выплыла павой Ника. Светлые волосы ее переливались на солнце, ветер кокетливо играл с ними. Ника поздоровалась с бабками и, цокая каблучками, подошла к Косте. Всё еще не придя в себя, он рассеяно чмокнул ее, взял за руку и молча повел в сторону парка.

— Погода какая, да? Наконец-то тепло, можно не напяливать сто одежек.

Постепенно приходя в себя, Костя только сейчас заметил, что на Нике сегодня приталенная кожаная курточка, в ней она была совсем стройненькая. Хотя Косте Ника нравилась любая, хоть в пальто, хоть в огромном зимнем пуховике.

— Видел бабок у подъезда? Та, что побольше, Лидия Петровна, моя соседка. — Ника продолжала щебетать, не дождавшись ответа. — Терпеть ее не могу. Вся такая из себя статная, а дома у нее срach. Куча старых вещей, газеты стопками. Знаешь, как по телеку показывают, такие больные собиратели, забыла, как их называют...

— Скопидомы.

— Точно! Вот, это она. И воняет, и от нее тоже воняет, подруга эта ее ничего не чувствует от старости уже, наверное. Хотя Зинаида Ивановна эта нормальная, со мной в детстве сидела иногда. Но самое страшное знаешь, что? Тараканы! — Ника выпучила глаза и вздернула вверх руками, так что ее маленькая ладошка выскользнула из большой и грубой Костиной. — У нее там просто мрак, она никого к себе не пускает, мы случайно видели, когда у нее дверь была приоткрыта. Даже днем бегают, представляешь? И от нее к нам. Мы их травим, но все бесполезно, от нее все новые приходят. Хоть вешайся, блин.

179

Хорошенькое Никино личико перекопилось в гримасе злости. Костя поймал ее ладошку и чмокнула аккуратные пальчики с новым маникюром. Ника немного успокоилась и улыбнулась.

— А ничего нельзя с ней сделать? Подать всем домом жалобу там, не знаю. Не только вы же, наверное, от этого страдаете.

— Пробовали, но ни-фи-га. Она тут сто лет уже живет и никуда ее не денешь. Плохо так говорить, но поскорее бы она померла.

Той ночью Костя не спал. Перед глазами у него была широкая покатая спина Лидии Петровны и ее стянутые в тугий пучок седые волосы. И еще, почему-то, Достоевский. Костя думал о Раскольникове и его топоре. Спроси он на уроке литературы, почему Родион выбрал именно топор, ему бы непременно сказали, что он что-то символизирует.

Костя не знал, в какой момент принял решение. Может, когда Ника стала жаловаться на соседку и в сердцах пожелала ей смерти. Или когда услышал про заветные похоронные сто пятьдесят ты-

сяч. А может, еще тогда, на уроке литературы. Но той ночью он уже знал, что сделает это, вопрос был только в деталях. Как и где? Раскольников был трус. Из-за своих нервов не смог сделать так, как надо, но Костя на этом не попадетсЯ. Все должно было произойти в квартире, чтобы исключить случайных свидетелей.

На следующий день Ника позвала к себе, родители уехали на выходные на дачу. Ника приготовила курицу в духовке и испекла яблочный пирог, Костя окончательно решил, что все у них серьезно: никто, кроме матери, раньше для него не готовил. Пока она мыла посуду, он фантазировал об их будущем. По лицу невольно поползла глупая улыбка, а потом кто-то застучал по батареям, и Костя вспомнил про Лидию Петровну. Ника потащила его в спальню, но то ли из-за полного желудка, то ли из-за мыслей о Лидии Петровне, ничего у него толком не получилось. Ника пошла в душ, а недовольный собой Костя вышел покурить на балкон.

Сомнений не было: чтобы жить дальше, нужно разобраться с Лидией Петровной. Чем раньше, тем лучше. Костя вернулся в комнату и заметил на комодe связку ключей. Не Никины, наверное, ее родителей, свои она вешает на крючок в коридоре. Недолго думая, Костя спрятал ключи в карман джинсов. Не своровал, позже вернет, но пока они могут ему пригодиться. Сама судьба помогала ему, раскидывая подсказки.

Однако как Костя ни располагал в голове детали плана, идеальная картинка не складывалась. Он видел бесконечные «если» и понимал, что любой талантливый следователь его раскусит. Но понимал он так же, что жизнь — не сериал с НТВ, и полиция вряд ли будет слишком усердствовать в поиске убийцы какой-то очередной бабки. Он решил действовать просто и быстро, подстраиваясь под обстоятельства.

Он выбрал день, когда Ника была занята до самого вечера, чтобы ненароком с ней не пересечься. Заранее достал костюм газовщика — бывший отцовский, работал там, пока не выгнали. Костюмчик был маловат, но для прикрытия годился. В ящик с инструментами запрятал купленный на рынке топор. В карман сунул строительные перчатки. Не зря смотрел с мамой сериалы: нельзя оставлять никаких следов.

Несколько дней следил за бабками у подъезда: они собирались после обеда и расходились часам к пяти, боялись пропустить очередную серию любимого сериала про несчастную бедную

девушку из деревни. Иногда появлялись вечером, но Лидия Петровна — никогда. Костя заметил, что она вообще была нелюдима и общалась в основном только с Зинаидой Ивановной, которую он и видел в прошлый раз.

В половине пятого он подошел ко двору, но держался в отдалении, наблюдая за возней у подъезда. На лавках сидели Лидия Петровна, Зинаида Ивановна и еще две бабки, имена которых он не знал. Костя был в обычной одежде, всё нужное — в плотном пакете. Камер в старых дворах не было, но даже если бы и были, всегда можно сказать, что ждал Нику, забыл, что она сегодня занята.

Без двадцати пять бабки разошлись. Костя выждал еще десять минут и пошел следом. В подъезд вошел, воспользовавшись Никиными ключами, на площадке никого не было, никто его не видел. Пока ехал в лифте, натянул куртку газовщика, кепку, распаковал из пакета ящик с инструментами.

Перед квартирой внезапно заволновался. Никина дверь притягивала взгляд, как что-то родное и приятное, но Костя отвернулся. Сначала Лидия Петровна. Он боялся, что та окажется слишком бдительной и не захочет никого к себе пускать. Пару дней назад он на всякий случай распечатал уведомление о проверке и подкинул ей в ящик. Если она догадалась позвонить в газовую компанию, то на этом всё и закончится. В дверь он постучал как-то неуверенно. Сначала тишина, потом — шаркающие шаги.

— Кто?

Знакомый скрипучий голос. Костя знал, что бабка сейчас рассматривает его в глазок, поэтому выпрямился и сделал, как ему казалось, приятное выражение лица.

— Здравствуйте, проверка газового оборудования!

Дверь приоткрылась, насколько позволяла цепочка. В щель высунулось недовольное отекавшее лицо.

— А соседей почему не проверяете? К Зине в шестого никто не приходил!

— Всё индивидуально, у Вас подошел срок проверки оборудования. Когда придет срок, и к соседям Вашим приду.

Бабка втянулась обратно в квартиру и закрыла за собой дверь.

У Кости свело живот, казалось, дверь закрылась навсегда. Но задребезжала цепочка, а потом Лидия Петровна распахнула дверь, чуть не сбив Костю с ног.

— Заходите!

Костя снял обувь и прикрыл за собой дверь. Пахло сыростью, лекарствами и какой-то тухлятиной. К горлу поступила тошнота. Прямо в коридоре стояло несколько покосившихся стопок макулатуры, везде громоздилась мебель, и Лидия Петровна перемещалась по коридору бочком, чтобы ненароком не сбить чего могучими бедрами.

— Ходите все, ходите, людей беспокоите...

— Газ всё-таки вещь опасная. Слышали про взрывы? А вот проверяли бы вовремя, ничего такого не было.

Угроза взрыва на Лидию Петровну подействовала, нахмуренное ее лицо вытянулось, и больше она ничего не сказала, только пошла на кухню. Костя двинулся за ней, пытаясь подобрать удобный момент. Топор в ящике, нужно открыть и незаметно достать. Делать этого в коридоре он не решился: даже ящик этот здесь ставить было некуда. Ему показалось, что он видел какое-то движение в углу, может, Ника права, и у этой бабки тут и правда везде тараканы. Хотелось скорее уйти и помыться.

— Вот, стоит, не жалуется, — Лидия Петровна кивнула головой в сторону плиты. На ней стояла огромная алюминиевая сковородка, вся в масле и шкварках, какие-то кастрюли с подтеками застывшего варева. Сама кухня была не лучше. Даже издали Костя видел, что столешница липкая, на ней был рассыпан сахар, всё заставлено коробками и пакетами, здесь же стоял тазик с тестом. По косяку пробежал таракан.

— Можете, пожалуйста, убрать посуду, чтобы я мог осмотреть плиту?

Лидия Петровна стала недовольно переставлять кастрюли. Костя воспользовался этим, чтобы открыть ящик и достать топор, тот чуть не выпал из скользких пальцев. Лидия Петровна гремела сковородками, пытаясь найти для них место. Косте показалось, что из коридора донесся какой-то звук: наверное, дверь скрипнула от сквозняка.

Действовать надо было сейчас или никогда. Костя занес руку, прицеливаясь к седому затылку. Рука замерла. Костя не знал, дышит он или нет, не знал, идет ли еще время, или он влип, завяз и останется еще одним мусором на этой кухне. Весь он стал вдруг этой рукой, которая дрожала, но не желала опускаться.

Раздался глухой и влажный звук удара. Резка боль пронзила затылок. Костя увидел себя как бы со стороны: вот он всем телом, вместе с непослушной рукой, опадает вниз. Мелькнула перед глазами желтая дверца кухонного шкафа, вся в коричневых подтеках. Кто-то кричал. Над ним склонилась Лидия Петровна — лицо перекошено — и какой-то мужик средних лет. Всё, что отпечаталось в сознании, — «Димка» и «убил» — но и эти слова мгновенно потеряли смысл, обратившись в пустой набор звуков. В голове пронеслось: «Всё-таки тварь дрожащая...». А потом стало темно.

Иллюстрация: Габриель Александр Бернадотт

Литературный журнал «Нате»

Меня зовут Лиза Оганесян,
и вообще я много кто: и медиа-
аналитик, и креатор, и авторка
медиа фонда «Нужна помощь», и
студентка «Литературной
мастерской» НИУ ВШЭ.
Я из Москвы, но жила в Тель-
Авиве и Тбилиси, а потом
вернулась.

На самом деле, это всё пустяки.
Вообще не важно, чем я
занимаюсь, сколько мне лет
и где я живу.

Самое важное, что я это я.
И что я люблю динозавров
(бронтозавры и велоцераторы —
мои фавориты), больших собак
(чем больше, тем лучше), плохие
шутки и тексты.

Сказка для тех, кто не видит Солнца

- Буся, расскажешь мне сказку?
- Про что ты хочешь сказку?
- Про море-океан, большую рыбу и чудеса.
- Про чудеса?
- Про много-много-много чудес.

Зимой мы решили отправиться в путешествие. Ехали налегке: мы не любим чемоданы, они тяжелые, громоздкие, в них куча вещей, которые вообще, на самом деле, никому не нужны. Долгая дорога одновременно утомительна и приятна: час до аэропорта, два часа — в нем, пять с половиной — самолет, еще четыре — автобус. Пересадка на машину, сорок минут в пути — и ты на месте.

Пятнадцать часов почти полного выпадения из прямолинейного полотна реальности. Никакой точки А словно бы и не существовало: возможно, кому-то когда-то она мерещилась — но вот он проснулся, протер глаза и через секунду совсем забыл о ней. Точку Б еще не придумали: когда-нибудь кто-то случайно о ней вспомнит — и она обязательно появится. Но сейчас волноваться об этом точно не стоит.

*Птица, быстрее ветра мчится,
не машет крылом, но летит,
угадай, любимый,
куда.*

Прикрываешь глаза. Самолет попадает в зону турбулентности. Автобус трясет на бездорожье. УАЗ подпрыгивает на каждой льдинке. Ты думаешь о бабушке, ты вспоминаешь, что когда-то она рассказывала тебе про Море-Озеро: «Оно огромное-преогромное. И там все еще живет волшебство».

- А почему, буся?
- Место такое самое по себе.
- А там можно увидеть русалок?
- Русалок вряд ли.
- А фей?
- Фей тоже, наверное, нельзя.

— А что же там тогда волшебного?

— А вот давай ты вырастешь, поедешь туда сама и узнаешь!

— Ну буся, этого так долго ждать!

— А вот и нет, это тебе только так кажется.

Лед похож на гигантское зеркальное полотно. Он искрится, встречая нас, он очень рад, что мы наконец приехали, он тянет к нам свои морозные руки, щупает за щеки и нос, приветствует. Наш проводник Володя говорит, что льда тут выделяют около 50 разновидностей: колобовник, торос, сало, шуга, сокуи... И каждый из них хочет рассказать свою историю: если прислушаешься, почувствуешь: место гудит. Это льды тараторят, перебивают друг друга, стараясь привлечь твоё внимание.

*Первый встреченный на рассвете
мне слово сказал одно,
угадай, любимый,
живое или мертвое.*

187

Пока мы едем до Острова, Володя ни на секунду не замолкает:

— Я родился, и мне батя сразу домкрат в руки дал. Я вам говорю: если на лед неподготовленным выехать, и потом вдруг что случится, а у тебя ни кола, ни хера — кому угодно на берег звони: никто не приедет тебе помогать. Скажут только: «Сам ты, лошара, виноват, иди домой пешком, будет тебе уроком». Вот такие вот у нас тут правила.

Он рассказывает про свою прабабушку: она была шаманкой, а после смерти стала онгоном, одним из духов рода. Пока была жива, люди из близлежащих деревень и городов постоянно приезжали к ней лечиться. Володя говорит, что сам он тоже проводит ритуалы — но так, мелкие: на мир в доме, на здоровье, на урожай, на благополучие. Он говорит, что за священный очаг у него дома отвечает зона барбекю, и все обряды он проводит там.

— И харкнуть туда никто не смеет, и бычки выкинуть в мой барбекю тоже, — добавляет Володя после минутной паузы. — Кстати, девочки, а в наши края в это время вы вообще зачем пожаловали?

Мы со Светой переглядываемся:

— Не знаем, просто так, наверное, почему бы и нет...

— Может быть, чтобы поверить в чудеса ваши, — добавляет тихонько Света.

— А какие же тебе чудеса нужны?

— Света молчит, пожимает плечами.

— Эх вы, зеленые совсем. Ну ладно, будут вам чудеса, вы только не сомневайтесь. И не бойтесь ничего. Если почувствуете, что ходит кто рядом, может трогает — это духи наши. Они в основном миролюбивые. Не делайте главное ничего плохого.

* * *

Вечером мы выходим из бани. Тут практически нет фонарей, и поэтому всё небо усыпано толстыми масляными звездами. Снег хрустит громко, вдруг — скользко, мы со Светой хватаемся за руки. Вокруг тишина. Тишина режет воздух и проникает в уши чем-то звонким.

— Слышишь, там, среди деревьев, чьи-то шаги? Что это?

— Да нет, тебе кажется, тут кроме нас никого нет. Посмотри, вокруг вообще ничего!

— Не знаю, я точно слышала шаги.

— Лисы может? Ну, или волки?

188

*Лицо румяное, глаза блестящие,
полные слез,
угадай, любимый,
горьких или радостных.*

Ночью я плохо сплю. В номере душно, воздух плотный и колючий. Я ворочаюсь с одного бока на другой, утопая в мягком матрасе. С соседней кровати слышится размеренное дыхание Светы, мне хочется, чтобы ей снилось что-то хорошее. За окном ярко светит луна, и на полу появляются кривоватые тени от нашей мебели: округлый шкаф, изгибающиеся кровати, косой стул. Два мира встречаются в одной точке. Я протягиваю руку, ей тут же машет такая же, но совсем чужая рука из мира другого. Кто-то стучит в окно, и по комнате разливается тонкий дребезг стекла. Там — никого. Стук становится настойчивее. Кто-то начинает дергать ручку двери, затем распахивает ее и стремительно залетает внутрь. Это тень. Она склоняется надо мной, у нее появляются очертания — но они слишком нечеткие, чтобы уловить портрет.

— Это ты? — шепчу, не осознавая, кого именно я имею в виду.

— Это я, — отвечает тень.

Ответ тени почему-то меня успокаивает, глаза сами собой закрываются.

*Громкий вой за окном,
угадай, любимый,
это ветер или волк,
что схватит и утащит за собой
в самую чащу леса.*

Утром Володя нам рассказывает, что на дне Моря-Озера есть бездонная пропасть, ведущая в Северный Ледовитый океан. Там скитаются все души, которые не смогли уйти в другой мир.

— Грешники? — спрашивает Света.

— Грешники и не только.

— А кто еще?

— Те, кто остался тут из-за каких-то слишком сильных привязанностей и привычек, те, кого не отпускают оставшиеся тут. Проклятые, колдуны, работавшие с нечистой силой — вариантов много, на самом деле.

Подо льдом медленно проплывает что-то большое и темное. Я знаю, что это тень, которая приходила ко мне ночью. Я знаю, что сейчас она смотрит прямо на меня.

— А можно всё-таки как-то помочь этим застрявшим душам уйти?

Володя чешет макушку:

— Ну, допустим...

* * *

Ночью тень приходит ко мне снова. Она опять стучится в окно, распахивает дверь и летит к кровати, тянет ко мне свои руки. Я протягиваю руки в ответ, мне хочется ее обнять, но тело наливаясь тяжестью, и я проваливаюсь в сон. За окном ревет метель, но мне уже снится жареное солнце пустыни, из которой нас когда-то изгнали. Все призраки остаются ждать за окном, они

всё равно уже давно не чувствуют холода.

*Волосы пахнут холодом,
на вкус они соленые,
угадай, любимый,
где я была и кого видела.*

Мы встаем до рассвета, хотим развести костер и встретить солнце. Пахнет лесом, пахнет костром, пахнет можжевельником, пахнет чем-то далеким, почти забытым и родным, пахнет почему-то детством и папиной пеной для бритья, пахнет мамиными духами Кензо с листом черной смородины. Накануне вечером Володя сказал, чтобы мы приготовили угощения для костра: его надо камлать. У нас есть всё, что любит костер: финики, круглый рис, молоко и молочная водка. Володя говорит, что тут мы можем просить костер о чем угодно: «Только о порче нельзя просить. Нет, конечно, можно, но грех на душу себе такой брать не надо. Вы же потом под эти льды после смерти вернуться не хотите?»

Костер нам рад: он с удовольствием принимает всё, что мы ему предлагаем, шипит, раздувается, протягивает свои языки и просит еще. Особенно ему нравится молочная водка.

190

Когда восходит солнце, наступает время просить костер.

*Ночью костер камлала,
водкой и молоком поила,
а на рассвете
два слова сказала,
угадай, любимый,
какие.*

— И ни в коем случае не тушите костер, — повторяет весь вечер Володя, — он должен сам уйти. Не заливайте его водой, не засыпайте песком, ничего не делайте. И, конечно, попрощайтесь с ним. Поблагодарите и попрощайтесь. Не забудьте этого сделать.

* * *

Тень больше ко мне не приходит. Она не стучит в окно, не распахивает дверь, не проглядывает сквозь толщу льда, не ищет меня в отражениях. Тень меня забыла.

- Буся, как с костром попрощаться?
- Спой ему песню.
- Буся, как с костром попрощаться?
- Прошепчи ему свой секрет.
- Буся, как с костром попрощаться?
- Поплачь да попричитай.
- Буся, как с костром попрощаться?
- Расскажи ему сказку.
- Нет, буся, лучше ты расскажи сказку мне.
- Про что ты хочешь сказку?
- Про темное-темное небо и мудреца, которого оно отвергло.
- Про что ты хочешь сказку?
- Про неподвижные камни и насекомых.
- Про что ты хочешь сказку?
- Про много-много-много чудес.

Иллюстрация: Анастасия Эмиль

193

серии

Родился в городе
Кохтла-Ярве, в 2019
окончил ВГИК,
сценарную мастерскую
Юрия Арабова, написал
несколько сценариев
для сериалов и кино.
Печатался в журнале
«Искусство кино»,
«Россия без нас».

Терпилы

(повесть)¹

* * *

ПРИНЦИП

§103 — Ложь [lie]. Ложь — искажение, создающее иллюзию [illusion] внутри частной реальности, и создающее иллюзию границ [limit] воспринимаемого субъекта [subject]. Ложь порождает ложь. Ложь порождает путаницу [tangle] в происходящем [reality] для воспринимающего. Действия [action] воспринимающего ложь, искажают причинно-следственную связь [causal relationship]. Действующий и воспринимающий равно актанта [actant]. Актант, порождающий ложь, теряет идентичность [identity]. Жизнь — процесс избавления от лжи/искаженного восприятия, растянутый во времени.

195

Смысл [meaning]. Усилие [effort] во времени, направленное на выявление [indentification] и фиксацию [fixation] смысла [truth], — это путь. Искаженные ложью путь [way] и действия [action] уничтожает актанта. Включенность [involvement] и присутствие [presence] осмыслено. Плохое [misery] — вектор. Опциональное обоснование [acquittal] и фиксация негативной/позитивной оценки [grade] определяет границы суждений [ambit], в категориях истинное [true]/ложное [lie]. Жизнь — процесс определения смысла/бессмысленности, растянутый во времени.

Страх [fear]. Выявление степеней страха [dread], определение его центра, аксиометрия категорий [predicament] и уровень степеней защиты [guard]. Страх — это вектор преодоления инерции [inertia]. Страх равен иллюзии. Жизнь — процесс избавления от страха/иллюзии, растянутый во времени.

1 Начало см.: «Нате» №6 2023, с. 108–142.

I

НАЧАЛО ПУТИ

Каждый день Полунин проходил мимо бесконечных рядов стеллажей и полок с тоннами папок и досье. Резкий режущий свет был ему привычен и уже давно заменял солнце, окрашивая его кожу в бледную синеву загара. На своем пути Полунин иногда встречал подобных ему сухоньких худощавых людей, изредка ронявших свое краткое «здравствуйте», «до свидания», «извините». Кто-то из этих живых мумий торопился, кто-то вдумчиво оглядывал каждую полку, выискивая нужную папку или фиксируя в электронном планшете номера, имена или еще какие-то данные. Время от времени кто-то улыбался и, схватив нужную папку, опрометью мчался туда, где над горизонтом возвышается огромный щит с надписью «комната уединенного изучения». Работа Полунина заключалась в том, чтобы выискивать и фиксировать информацию о небольших поселениях, которые раньше назывались — «ЗАТО». Закрытые Административно-Территориальные Образования. Они были раскиданы по всей когда-то существовавшей стране. Сложность заключалась в том, что информация о них не была общедоступной, ведь в этих местах часто находились военные базы, склады, тренировочные полигоны и прочие элементы существовавшего ранее военного государства. Иван Полунин ощущал себя тем человеком, который постепенно вырисовывает на общей карте несуществующее: границы поселения, численность проживающих, социальные объекты, здания, дороги, транспорт. Все это Полунин делал в надежде, что необходимые параметры сойдутся, и он сможет поставить высшую категорию, и тогда богом забытому городку будет дан второй шанс. Полунину приятно было думать, что своим росчерком он даст начало новой жизни, и на заброшенных улицах снова появится людская кутерьма.

Эта скучная и однотипная работа постепенно стала для Полунина замещением его собственной вялотекущей жизни, в которой не было ни понятной ему цели, ни логики. Полунин в принципе и не жил вовсе, он скорее был функцией, программой, придатком к своей работе. У него не было ни семьи, ни жены, ни детей. Однотипный день сменялся такой же однотипной ночью, и так продолжалось уже долгие-долгие годы.

* * *

Иван Полунин сидел в темном зале, в углу длинного ряда пластиковых стульев. Спереди маячил субтильный человек, на вид лет шестнадцати, но по плавными угловатым движениям было

очевидно, что это игра подслеповатых глаз Полунина, и говорящий был намного старше. На нем был широкий комбинезон, через который пробивались острые локти и плечи говорящего. Волосы на голове были светлые и коротко стриженные, а черты лица миниатюрные и как бы нарисованные лишь штрихами. В целом он был каким-то нелепым и отталкивающим. Когда Полунин на него смотрел, внутри что-то нарастало. Какой-то внутренний безосновательный гнев.

Человек ходил взад-вперед на небольшой площадке перед рядами и монотонно и гнусаво зачитывал новые правки.

— Главный инструмент, который вы можете использовать для анализа того, «что происходит в системе», — это журнал регистрации. В числе прочего он регистрирует факты изменения данных. То есть можно узнать, кто и когда изменил данные вашего объекта. Но его возможности в обсуждаемой области на этом и заканчиваются, потому что по журналу регистрации нельзя понять, какой именно реквизит был изменен, какое было его предыдущее состояние, отсюда вытекает невозможность, в силу данных обстоятельств, наделить его новым значением...

197

Полунин недовольно ёрзал на месте. Видимо из-за своей внутренней неудовлетворенности противясь услышанному, он никак не мог воспринимать эту вязкую речь целостно и постоянно уходил в свои мысли. В очередной раз поймав себя на том, что никак не воспринимает этот набор звуков и бессвязных слов, Полунин припомнил старое упражнение на концентрацию, которому выучил еще на стажировке.

— Раз, два, три... — Он сфокусировал внимание на вдохе и закрыл глаза.

— И уж тем более нельзя с помощью журнала регистрации восстановить предыдущее состояние реквизита или всего объекта и понять, насколько он соответствует необходимой категории...

Четыре, пять, шесть, семь... Мысли Полунина вяло пробивались через его давно установленные границы, стремясь зацепиться за любые всполохи эмоций. Разгоняя их. Вот стоишь ты передо мной и думаешь, что научишь меня жизни. Да я сам кого угодно научу жизни. Я работал здесь, когда у тебя еще настоящего-то не было, а я уже создавал прошлое, дорисовывая мир. И ты жил в этом мире, сопляк. Полунин снова сделал вдох и закрыл глаза.

Сотни лет назад великие буддийские медитаторы изучали связи между нашим умом, телом и внешней реальностью. Они помогли понять, что люди могут регулировать чрезвычайно тонкие психологические и физиологические процессы. Мы можем контролировать нашу систему кровообращения и нашу нервную систему, наше настроение и наши мысли. Мы можем воспринимать то, что происходит в наших умах и телах, и то, что происходит во вселенной вокруг нас. И не тебе, молокосос, учить меня. Это сложный механизм, которым я обладаю, а ты иди куда подалее, со своими глупыми советами.

— Восемь, девять, десять...

Давно было обнаружено, что ключом к трансформации ума и тела является дыхание. Дыхание — это связующее звено между разумом и телом. Дыхание — один из очень немногих физиологических процессов, который функционирует как добровольно, так и непроизвольно. Другими словами, мы можем сознательно контролировать дыхание, если захотим, а если не захотим, то дыхание продолжится автоматически. Если осознано сбить ритм дыхания и приложив усилие выстроить новый непривычный ритм, то через какое-то время привычное восприятие начнет изменяться. И вот ещё один вдох и я уже где-то далеко. И чем глубже я вдыхаю, тем я дальше от этого места и этих слов...

— Одиннадцать, один, два, три...

Это уже было третье собрание за месяц, и Полунин ощущал дикое напряжение. Было очевидно, что грядут перемены, но он никаким образом не хотел признаться себе, что в случае сокращения такого закоростелого консерватора, как он, срежут в первую же волну. «Как же достали эти выскочки», — пробубнил под нос Полунин, сбив дыхание и настрой. Перед глазами прошла разноцветная волна. Полунин облокотился о стену и снова сконцентрировался на вдохе-выдохе.

1 2 3 4 5

1 2 3 4 5 6

1 2 3 4 5 6 7

1 2 3 4 5 6 7 8

1 2 3 4 5 6 7 8 9

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

* * *

Когда свет зажегся, выяснилось, что Полунин мирно посапывает в своем углу. Стажеры, посмеиваясь, стали подносить к его лицу свои планшеты и фотографировать. Но это развлечение быстро их утомило, и они разошлись, ничего не сказав ни куратору, ни охраннику. Они тихонько прикрыли дверь и через какое-то время выключился и свет, погрузив всё пространство в темноту.

Когда Полунин проснулся, в зале было темно и пусто. Он в удивлении оглянулся и, врезаясь и опрокидывая стулья, начал пробиваться к выходу. Дверь была закрыта. Полунин развернулся и пошел в противоположную сторону — к электронному щитку и попробовал включить свет. В пустом пространстве щелчки выключателя эхом отражались от стен, но свет так и не загорался, видимо был выключен центральный распределитель.

В темной комнате Полунин подошел к большому зеркалу, висевшему на стенке. Оно было холодным и черным, отражавшим лишь разные градиенты окружающей темноты. Полунин стал вглядываться в свое отражение, но практически не различал его. Он слегка прикоснулся к стеклу, и рука будто бы прошло сквозь него докоснувшись до самого времени. Как только это случилось, страх и недовольство исчезли. Полунин неожиданно осознал, что вселенная пытается ему что-то сказать — на долю секунды ему показалось что стоит он в огромном зале и стены вокруг дрожат, а стекла осыпаются осколками под его ноги. И из окружающих звуков собираются еле различимые слова: «*Multas curas sequuntur somnia*». Где-то он уже слышал эту фразу... Но вот где? Полунин осторожно опустился на колени перед зеркалом и снова стал вглядываться в свое лицо. Но перед ним была непроницаемая темнота, все то, что он так избегал. ведущая куда-то внутрь, в его бездну и неопределенность, будто вокруг восторжествовало смерть всего существующего, и только он в секунду вспыхнувшего разума ловит этот момент. Полунина охватило странное состояние единства с местом и временем, в котором он был. Он осознал, что это пространство и темнота в зеркале — это очередная точка в его пути. Метафора жизни. Он снова мечется в темном и пустом зале, где даже его собственное отражение — неопределенное темное пятно. Непроявленное. Смазанное. Полунин тяжело вздохнул, встряхнул головой и оглянулся — комната снова казалась обычной, и зеркало всё так же отражала темноту и непроницаемость. Он достал планшет, высветив наконец в темноте свое лицо. Затем кое-

как поднялся и рухнул на первое попавшееся сидение. Полуниин стал прокручивать плейлист, в поисках нужного видео. Он давно коллекционировал артефакты прошлого и фиксировал все находки в своей видео-картотеке. Полуниин нашел сохраненную запись и включил воспроизведение. В ушах забубнил монотонный женский голос:

Раньше по улицам ходили скрипящие чудища-трамваи и рогатые троллейбусы. Двигало ими не электричество, а магия. Она заключалась в счастливых билетиках, которые можно было вытянуть из рук контролера. Обычный, криво оторванный билетик пророчил юному уму будущее увлечение алхимией, потаенной литературой, нумерологией. Робкие попытки сложить цифры сулили победу над современным миром: обладание счастливым билетиком меняло все: это был знак, что ты прибыл в этот мир незря, что ты избран и впереди ждут подвиги. Но система не может допустить исполнения чьей-либо мечты. Все чаще вместо красно-черного билетика пассажиру отстегивается рекламная агитка, призывающая купить электрическую плиту или съездить к морю. И больше нет в руках волшебного билетика, чьи цвета отдают архаизмом. Нет больше загадочной нумерологии — вместо нее предлагается вставить пластиковые окна или вызвать такси. И даже проездные числа, чью символику раньше можно было долго разгадывать, ныне либо исчезли, либо забились в уголок, задавленные чьим-то офисом. А всё для чего? А всё для того, чтобы у человека не было счастья.

200

Утром Полуниина нашел охранник. Удивительно, что, когда он отсканировал его штрихкод пропуска, раздался сигнал отказа. Пришлось всё равно идти к проходной, отмечаться. Но привычная нормированная схема сбилась, и теперь Полуниина не могли найти в базе. По регламенту программа автоматически счищала ошибку и, увидев отхождение от нормы, счистила данные Полуниина. Пришлось пробираться к внутренним систематизаторам, чтобы доказать, что он всё еще в списках.

Систематизатор пробил штрихкод и начал заново вводить данные.

Адрес, возраст, взгляды, должность и, наконец, имя.

Программа снова подвисла, и вышедший из себя Систематизатор никак не мог прописать имя Полуниина и оставил одну фамилию. Полуниину пришлось от руки писать объяснительную и потом монотонно надиктовывать ее флегматичному старичку лет

семидесяти.

Вечером Полунина вызвал к себе глава отдела. Это была первая и единственная встреча с ним за более чем 20 последних лет.

Когда Полунин зашел, он сразу ощутил размер зала. Пространство давило не просто какой-то формой. Весь опыт Полунина, все прошедшие годы словно сконцентрировались в одной точке и навалились на него. Никогда прежде он не общался с высшим звеном центрального архива. Несмотря на неудачу прошлой ночи, Полунин считал, что определенно существует нечто, что привело его сюда. Что-то происходит, и он элемент этого.

Глава отдела катал в руке несколько металлических шариков. Ему приятно было ощущать холодный металл в своей сухой руке и представлять, что каждый шарик — это правила, нормы и законы. Он переставлял их так и сяк в зависимости от окружающей ситуации, как бы подтасовывая реальность под то, что ему было нужно. Где-то соврать, где-то недоговорить. Чередуя шарики в руке, он чувствовал, словно сам спасается, перекладывая ответственность за происходящее на холодный металл.

201

— Почему ты обратил на себя внимание?

— Я считаю себя важной формой систематизации.

— Для чего тебе эта систематизация?

— Для того, чтобы существовать в этом мире осознанно.

— Зачем тебе существовать в этом мире осознанно?

— Потому что слишком много времени я блуждал в потемках. Я способен собраться в цельную фигуру.

— Что ты хочешь?

— Я хочу найти свое место. Свой дом.

— Ты хочешь найти место для нового города?

— Это станет тем местом, где и я найду свой дом. То место, которое позволит мне наконец успокоиться.

— Зачем?

— Потому что нет ничего другого, к чему я бы стремился. Я со-

бираю мозаику прошлого, и я очень хочу, чтобы будущее было лучше настоящего. Я должен вспомнить всё, чтобы не врать ни себе, ни миру. А для этого нужна опора.

— Ты много врешь?

— Я постоянно живу в иллюзиях. А значит, я вру себе. Я не понимаю себя, и я не могу понять, что со мной происходит, пока не отыщу то место, откуда все началось. Я должен отбросить иллюзии и воспринимать происходящее без замещений и страха.

— Это правда важно.

ОДИН ИЗ ДНЕЙ

В очередной, так похожий на все остальные день Полунин проснулся раньше будильника. На часах было 5 утра, и солнце уже пробивалось через рябящую занавеску. Заснуть не получалось, и Полунин поднялся. Походив кругами по комнате и покрутив в руках розовые квитки просрочки по квартплате, он подошел к небольшой деревянной тумбе, оставшейся после смерти недоотца. Так он его привык называть, они так и не смогли сблизиться. Этот строгий, но добродушный человек научил Полунина молчаливой поддержке и сопричастности. Сейчас он понимал, что подсознательно искал в его словах одобрение и даже уважал его. Полунин прошелся по тумбе тыльной стороной ладони и вспомнил, как после похорон ходил кругами по пустой родительской квартире, где прошла его юность, потом взвалил себе на плечи эту тяжеловесную дубовую тумбу и, сгибаясь под ее тяжестью, тащил ее до своего дома, находящегося в противоположной части города. Он вспомнил, как, дрожа всем телом и истекая потом, перевалился через порог своей квартиры, рухнул на пол и потерял сознание. Полунин со скрипом отворил дверцу и достал из тумбы небольшую бутылочку. Он приподнял ее и посмотрел через мутную жидкость на свет восходящего солнца. Солнце бликовало, расходясь искрами по стеклянной стенке. Полунин открыл пробку и сделал несколько глотков. Для него это уже давно было нормой. Утренним ритуалом. Несмотря на всеобщий запрет, он знал, где достать эту горькую жидкость. Небольшое ее количество бодрило и отгоняло дурные мысли. После глотка Полунин поковылял к балкончику и сел на пластиковый стул, стоящий на крохотном, похожем на ракушку балконе. Правой рукой он нашарил пачку сигарет где-то под стулом и вытащил одну из них. Порывшись в кармане, он достал блестящую бензиновую зажигалку и закурил.

Эти дурные привычки хоть как-то возвращали ему ощущение полноты жизни. Правда, на очень краткие моменты. В такие утренние мгновения он мог просто сидеть и смотреть на восходящее солнце, и легкая затуманенность сознания дарила ему всполохи безмятежности и счастья. Только в такие мгновения, казалось, он и живет. Полуниин наблюдал за небольшими ярко раскрашенными машинками, снующими по дороге, за редкими сонными людскими фигурами. Они пока что не раздражали, и в целом окружающее казалось гармоничным и умиротворяющим потоком. Полуниин сидел на пластиковом стуле и без остановки щелкал крышкой своей зажигалки, подарком его научного руководителя после окончания университета. Казалось, с того момента прошло лет сто. «У тебя будет большое будущее», — говорил тот, поглаживая Полунина по плечу. Зачем он это делал? Будто котенка, которого снисходительно ласкают перед тем, как утопить.

203 Полуниин заметил соседку с этажа ниже. Она так же, как и он, сидела на своем крохотном балкончике, рассеянно глядя перед собой, и не спеша водила пальцами по квадратам своей юбки. Что-то загадочное было в этих движениях; казалось, от ее пальцев тянутся невидимые тонкие нити, из которых сплетается само время. Полуниин зажмурился, и в наполнившей глаза темноте забурлили водовороты. Они появлялись и беззвучно пропадали. Откуда-то доносилась тихая музыка, и голос пел «Все реки сольются в одну». Песня была создана одной из тех нейросетей, которые были так популярны лет 30 назад. Полуниин не улавливал общего смысла песни, но отчетливо слышал одно: «мы должны выйти за границы...» — ему лишь слышалось что-то необычайно привлекательное. «Интересно, что же там, за границами?» — подумал он. Полуниин снова посмотрел на соседку, она, наконец, неспешно выпрямилась и ушла с балкончика в темный проем двери.

Полуниин проваливался в воспоминания, пока, неожиданно расфокусировав взгляд, не увидел всю окружающую панораму целиком: вдоль тянущейся до горизонта дороги десятки машинок синхронно повторяли одни и те же действия, как в безумном танце, люди спускались в подземные переходы и выходили из них в одних и тех же местах, а у конца дороги возвышался треугольник «Центрального архива», над которым поднималось ярко-красное солнце. Ощущение четкой системности, жесткого алгоритма, внутри которого существовало не только его окружение, но и он сам, нахлынуло на Полунина. Он поднял глаза на солнце, несколько секунд немигающим взглядом пялился на эту ослепительную белизну, и в конце концов ему стало казаться, что солнце начинает

темнеть, будто паяльником выжигая роговицу. В теле нарастало непонятное волнение, глаза слезились. Полунин закрыл их и увидел себя стоящим в центре огромного зала. Пространство давило. Стоял он неподвижно и больше походил на памятник, вокруг которого суетились люди. Понять, что это за памятник, было невозможно. Полунин встряхнул головой, отгоняя наваждение, затем поднялся, взял с прикроватной полки свой электронный планшет и включил запись:

Если отбросить свидетельства нашего внутреннего разума и предположить, что либо сами мы, либо наши предшественники содействовали в создании государства, то нам придется не только признать утверждение о том, что «государство — это аппарат насилия в руках господствующего класса под немое одобрение большинства», но и увидеть его логическое продолжение. Из этого тезиса вытекает, что мы могли бы в своем мнимом созидании сформировать государство с иной формой управления и, возможно, даже добиться изменения формы государственной структуры, если бы скоординировали свои усилия. Однако, в условиях, когда индивидуумы объединяются «под властью» государства, становясь его «принадлежностью», видно, что переформирование системы управления является задачей невероятной сложности; они — и мы в том числе — не способны полностью избавиться от уже привычной государственной структуры, которая, в сущности, является мертвой, потому что не существует новых философских концепций, конструирующих принципы равенства людей с учетом современных реалий.

Практически невозможно модифицировать механизм государственной власти, а на практике даже невозможно уничтожить государство, поскольку в данном контексте мы, без сомнения, признаем свою относительную бессильность. Анализируя вопрос формирования государства, научные и политические подходы, мы сознательно и добровольно ограничиваем нашу свободу: стремясь избежать непрекращающихся межличностных конфликтов и беспощадных угнетений, мы постепенно, но верно передали государству право на использование физической силы, ведь там, где сила, там и право. И в конечном итоге оказываемся под опекой закона, который также является лишь симулякром действительных законов, который служит лишь для сохранения власти тех, кто ею обладает. Те, кто выбирал или выбирает путь вне этого контракта, оказываются на краю общества, становясь в некотором смысле изгоями.

Полунин считал, что на его плечах лежит какая-то миссия и что

не может он быть простым работником архива, каждый день ходить на работу, есть в столовой концентраты и ждать новый день. Полунин сделал еще один глоток из бутылочки. «Ну, хватит», — сказал он себе и отложил бутылочку в сторону. В любое мгновение от лишнего глотка это его состояние могло перевернуться на противоположное. Полунин поднялся и убрал бутылочку обратно в сервант, и оттого, что не знал, чем себя занять, решил пойти на работу. Он надел щербатые очки, натянул прокуренный полиуретановый комбинезон и вышел на улицу, решив пройтись пешком пару остановок.

* * *

Город раскрывался своими ровными поверхностями, через окружающую серость пробивались яркие вывески и указатели, и стерильная чистота была давно привычной. Полунин неспешно шел по вымытой до блеска дороге и думал о погашении задолженности за квартиру. Плечи его опадали и руки болтались вдоль тела, тяжелый комбинезон давил и тянул к земле. За квартиру Полунин забывал заплатить уже второй месяц подряд, и теперь обязательно набежит что-то сверху. «Да и черт с ним», — думал он. Полунин иногда терялся в днях и совершенно забывал о своих бытовых обязанностях: еще нужно зайти в супермаркет и закупиться соевым мясом и «кит-катом». Полунин давно полюбил эти шоколадные батончики, погружавшие его в редкие воспоминания о счастливых моментах беспечной жизни. Еще нужно починить замок от входной двери, съездить на распродажу и прикупить новый комбинезон, не такой тяжелый. Полунин тонул в своих мыслях, пока что-то не заставило его остановиться. Перед ним на покатам и кристально чистом пластике дороги топтался цветастый комочек — это был птенец, он чирикал и молотил лапками по земле, пытаясь бежать, поднимался, но, сделав несколько шагов, спотыкался и падал. Так происходило снова и снова. Полунин нагнулся, взял птенца на руку и поднес к глазам, рассматривая. Птенец смотрел на него с ладони то одним глазом, то другим. Полунин пошевелил пальцами, пытаясь ощутить на руке вес теплого комочка, птенец был невесом. От движения пальцев внутри птенца что-то заклокотало, он как-то нелепо пошатнулся и, перекувырнувшись, соскользнул с руки. Полунин даже не сделал попытку поймать комочек: птенец упал на дорогу и, забивши крылышками, затих. Очистительная машинка, получив сигнал, повернулась в сторону Полунина. Он оглянулся по сторонам и ускорил шаг. Затем остановился и, повернувшись, наблюдал, как тельце птенчика было сметено в ковш. К горлу подступала тошнота. Полунин, нахмурившись, повернулся и уже без остановок быстрым шагом дошел до работы. Он всячески избегал

смерть и всё с нею связанное. Смерть отчего-то преследовала его. Так он, по крайней мере, считал. «Это знак», — решил Полунин. Но что он может означать?

Полунин включил наушник и стал слушать:

Румынские орнитологи обнаружили в дельте Дуная одну птицу с красными перьями, поведение которой казалось необъяснимым. Лиса каждый год воровала у нее яйца и клала вместо них в гнездо камни, которые птица потом целое лето высиживала, не замечая, что это камни. Чтобы спасти вид от угрозы исчезновения, орнитологи прогнали лису. Но птица, к удивлению ученых, которые наблюдали за ней издали в полевые бинокли, впала в необъяснимую истерику. Она разбивала яйца клювом, била их крыльями и танцевала вокруг них, как безумная. Что происходило с ней? Какой мрачный инстинкт толкал ее к самоуничтожению? Почему она не хотела больше жить? Никто не знал. Природа приговорила красную птицу к смерти, и никому не было под силу отменить ее приговор.

* * *

Новые родители недолго радовали Полунина своим присутствием в его жизни: появившись нежданно-негаданно, они так же быстро исчезли. Скончались еще до того, как Полунину стукнуло 30. Сначала отец, затем мать. Родители никогда особо не занимались его жизнью, погрязнув в работе, быте и прочих попытках доказать, что их жизнь прошла не бесцельно. Они так и не смогли ни дать приемному сыну ощущение того, что он любим, ни научить его самого этому сложному и непонятному чувству. Несмотря на то, что в основном Полунин был предоставлен сам себе, интернатский опыт с преподавателями и психологами накладывался и на родительские фигуры. Родительская тень всегда маячила где-то за спиной: когда он не так заправлял кровать, оставляя выглаживающими края простынки, когда не домывал чашку, оставляя блеклый полукруг кофе, или просто проваливался в свои мысли и зависал где-нибудь перед стендом в супермаркете. Поэтому, когда родителей не стало, Полунин будто бы даже ощутил какую-то легкость. Будто бы груз чего-то неопределенного, но постоянно давящего на него наконец был скинут. После была еще череда смертей: лучший друг, тетя, сосед, владелец его любимого кафе, черепашка — и вот совсем недавно умерла сестра. Конечно, официально она не была его сестрой, но он привык именно так ее называть и через это слово действительно ощущал какое-то родство. Она уснула в ванной с подключенным к

розетке телефоном в руке. Как-то раз, еще подростками, в период беспечного и плавящего реальность лета они, как припадочные, носились по пригороду и, забежав в заброшенный сарай, стали дурачиться и параллельно раздеваться. Что-то типа: «Эй, лава плавит стенки этого сарая, о нет, моя кофта начинает гореть», «и моя тоже», «мои ботинки тоже горят, огонь начинает бежать по брюкам...» Раздевшись, они старались не смотреть друг на друга и обыгрывали происходящее в понятную лишь им странную игру, результат которой, впрочем, был очевиден. Раз в полгода Полуниин навещал сестру, они пили кофе, иногда — что-то из запрещенки — и смеялись, обсуждая очередную глупость или жалуясь на все подряд. Они были одиноки и в конце встречи непременно снова начинали дурачиться, как бы оказываясь в том самом сарае, где лава сжигала не только их одежду, но и их самих. Смерть сестры стала последней каплей, после которой Полуниин постепенно отгородился от всех, стал мрачным и малословным, полностью и без остатка погружаясь в свою работу и погребая себя за тонной информации из, казалось бы, несуществующего прошлого.

* * *

207

Полуниин подошел к большому кирпичному зданию. Над дверью крупными буквами горела надпись «Мы создаем прошлое». Когда-то здесь был крупный завод, а теперь его ангары использовались для архива. Часть ангаров — для информационных серверов, но большая часть информации была на бумажных носителях: во всех этих папочках, тетрадочках, ежедневниках — общем, во всем том, что так любило общество, существовавшее до «великих перемен». Полуниин топтался на крыльце, дымил сигаретой и без остановки щелкал крышкой бензиновой зажигалки. Так он готовил себя к новому рабочему дню.

Сухо поздоровавшись с женщиной, сидящей на проходной и вечно играющей на планшете в какие-то игры, Полуниин приложил свой указательный палец к холодному пластику турникета и зашел внутрь. Он шел по длинному коридору. Мыслей никаких не было. Абсолютная пустота. Такое происходило каждый раз, когда он приходил на работу. Какое-то время он даже предполагал, что на работников воздействуют какими-то микроволнами или чем-то подобным. Но, скорее всего, это была просто инерция, привычное состояние. Полуниин взял из ящика свой планшет, наконец зашел в свой ангар, отметившись, приблизился к новому стеллажу из своей таблицы. Скорее машинально он стал пролистывать в картотеке новые данные, пометчая численность населения за последние десять

лет. Взяв стилус и приготовившись наносить пометы, Полунин вдруг обнаружил, что папка пуста. Лишь на первой странице была краткая пометка: Саби Дабуров. Работает гробовщиком. В скобках: копает могилы. Полунин посмотрел номер поселения: 124УДЭ. Один человек. «Один человек. Что ж, отлично», — прошептал он еле слышно. Полунин открыл запись в планшете и проверил расположение остальных папок с таким же номером за прошлые годы. Они лежали рядом. Вот 2011 год — восемьсот человек. Вот 2012 год — один человек. Полунин хмуро просматривал данные. Как это может быть? Наверное, ошиблись в статистике. Написали не ту цифру или запятую.

Засунув папку под мышку и взяв планшет, Полунин пошел в «Комнату уединенного изучения». В комнате витал сладковатый запах, а детектор дыма был заклеен пластырем. «Как же достали эти стажеры: не пойми чем занимаются», — бурча от недовольства, Полунин сорвал пластырь и, открыв настежь дверь, включил выдув на максимум. Усевшись за рабочий стол, обдуваемый ветром, он вбил в поиск 124УДЭ и сформировал новый запрос на более подробную информацию. На экране появился циферблат с временным отсчетом: 11 минут. «Черт бы вас побрал», — пробубнил себе под нос Полунин. Он поднялся и пошел к небольшой темной комнате в конце коридора.

* * *

Это была местная курилка с висящей над головой огромной вытяжкой, с шумом затягивающей дым.

— Как ты, мужик?

Полунин вздрогнул. В углу комнаты стоял статист из другой бригады. Коренастый парень лет сорока. Надоедливый и глупый.

— Ничего. Без изменений.

— Хмурый ты какой-то. Случилось что?

— Нет. Все как всегда... — скорее машинально проговорил Полунин.

Ему меньше всего хотелось ввязываться в беседу, и он решил просто отойти в сторону, как бы показывая, что не настроен на болтовню. Затянувшись и глядя на огонек сигареты, он задумался: «Кто вообще мог без моего ведома рыскать в моем квадрате и запирается в комнате, прокуривая стенки?» Переведа

взгляд на статиста, Полунин заметил, что тот продолжает пялиться на него из своего угла. Глаза парня блестели из темноты. Повисла такая тишина, что было слышно, как тлеет сигаретная бумага. Через какое-то время статист с лязгом открыл контейнер, кинул туда стик от своей «пароварки», как ее называл Полунин, и вышел. Еще какое-то время он стоял в пустой курилке и слушал удаляющиеся шаги в коридоре, втягивая тот же самый сладковатый дым, что был в его комнате. «Интересно, что этот кретин делает тут в такую рань?» Полунин поднял сигарету чтобы затянуться в очередной раз и неожиданно замер. «Он же наверняка хочет первым в отделе поставить высшую категорию... Поэтому ищет днем и ночью, и не только в отведенных ему квадратах». Полунин вспомнил, что в своем квадрате недавно нашел свидетельство недавнего присутствия. «Ну уж нет. Меня он точно не сдвинет». Полунин затянулся, но огонек сигареты уже дошел до фильтра. Полунин сжал в руке фильтр и, открыв жестяной контейнер, бросил его в зловонное отверстие.

Быстрыми шагами Полунин шел по коридору, движения его были порывистыми. Он рывком отворил комнату и зашел внутрь. На экране теперь мигала зеленая эмблема: «доступ получен». Полунин сел и нажал на клавишу «принять». Перед ним раскрылась таблица с номерами, обозначениями, датами. Выбрав нужный год, Полунин нажал на клавишу «перейти к текстовым документам». Небольшой вытянутый ящик издал дробный звук. Подскочив от неожиданности, Полунин извлек из ящика несколько матерчатых папок и разложил их вдоль края вытянутого стола. Внутри были фотографии, карты, планы. Полунин еще какое-то время возился с механизмом кресла, настраивая его под себя, и наконец облокотился на спинку и, слегка покачиваясь, приступил к изучению. Молчаливо обдумывая увиденное и пытаясь сопоставить прочитанное с уже известными ему фактами, Полунин еще не раз выходил в курилку.

* * *

По найденным материалам Полунин собрал такую историю: после смерти некой пятнадцатилетней девочки, утонувшей в местном водохранилище, в поселке 124УДЭ началась череда смертей. Сначала по одному в день, затем, как бы разгоняясь, количество смертей постепенно увеличивалось, и дошло до того, что ежедневно умирало с десятков местных жителей. Первой мыслью Полунина было, что это, возможно, какая-то эпидемия. Но информация о проведении медицинской экспертизы ничего не выдала. Полунин еще раз запросил дополнительные данные

по смертям. И снова ему прислали несколько сухих списков. Полуниин начал углубляться в детали и с удивлением обнаружил, что, согласно записям, каждый житель погиб как-то не вполне естественно: кто-то утонул, кто-то в результате домашней ссоры, кто-то неудачно упал с балкона, подавился финином, попал под машину, забыл выключить газ, проглотил стекло, просто уснул и не проснулся. Если бы всё произошедшее растянулось лет на 50, никто бы ничего и не заподозрил. Но время, судя по архивным записям, словно сжалось и ускорилося. Тут определенно была какая-то ошибка или осознанное нарушение логики статистики. Скорее всего, перепутаны даты смерти, года или черт его знает что.

— Что же произошло в этом поселке? — пробормотал Полуниин. — Наверное, что-то совершенно неоднозначное.

Несколько дней Полуниин пытался найти какое-то логичное объяснение случившемуся: ошибку в датах, упоминания в смежных архивах и записях — ничего не сходилось. Он даже направил запрос на имя Саби Дабурова и через несколько дней с удивлением обнаружил, что тот до сих пор живет в поселке и каждый месяц отмечается в электронной картотеке местного кладбища. Там же он и работает. Город обладал отличной инфраструктурой и расположением. Полуниин проверил по остальным параметрам, и они сходились с постановлением №3205. Полуниин, не веря глазам, вывел список, в котором практически под сотней параметров стояли плюсы. Какое-то время он обдумывал свое решение и наконец понял, что, возможно, именно к этому моменту он шел долгие-долгие годы. Он должен сам отправиться к военному городку 124УДЭ и все проверить. Где-то внутри Полуниин тешил себя надеждой поставить этому месту высшую категорию и стать божеством новой жизни в месте, где царствует смерть.

ДОРОГА К ДОМУ

Итак, Полуниин взял отпуск и оплатил доставку по платной трассе в беспилотном таксомобиле. Это был самый короткий путь, таксомобиль позволял преодолеть более тысячи километров за сутки, а отсутствие водителя давало возможность избежать бессмысленных разговоров. Всю дорогу Полуниин не сомкнул глаз от какого-то внутреннего нарастающего азарта. Последний раз подобное он ощущал, когда от института получил направление в центральный архив. С внутренним волнением Полуниин смотрел на проносящиеся пейзажи. Он достал планшет и включил запись.

Некоторые города в СССР обладали уникальным статусом,

что объясняется легко: под строжайшей секретностью там происходило все, от научных испытаний с вирусом лихорадки Эбола до рождения первой советской ядерной бомбы. Звучит страшно, но на деле жизни населения закрытых городов в СССР можно было только позавидовать.

Просто так в закрытый город заехать было невозможно — только при наличии разового пропуска или командировочного предписания, которые проверяли на пункте КПП. Постоянные пропуска имели лишь лица, прописанные в закрытом городе или поселке. Нумерация автобусных маршрутов, домов и учреждений в ЗАТО велась не с начала, а продолжала введенную в областных городах, к которым относились ЗАТО. Население городов с охранным патрулем на въезде, за колючими проволоками и стенами, высота которых зависела от степени секретности города, было вынуждено конспирироваться, приписываясь к ближайшим областным центрам.

Распространяться о месте своего проживания жители ЗАТО тоже не могли: они давали расписку о неразглашении, и ее нарушение могло привести к ответственности вплоть до уголовной. За пределами города жителям предлагалось немного исказить реальность в общении с другими гражданами с помощью собственной «легенды». Например, если человек жил в секретном Челябинске-70 (ныне Снежинск), в ответе на вопрос о месте жительства он отбрасывал несущую в себе тайны цифру и, можно сказать, практически не врал.

За терпение и выдержку хранителям гостайн полагались определенные бонусы в виде льгот и привилегий. Звучит неплохо для того времени: дефицитные товары, недоступные для остальных граждан страны, 20% надбавки к окладу независимо от сферы деятельности, процветающая социальная сфера, медицина и образование. Повышение уровня жизни компенсировало неудобства.

Слушая, Полуниин начал клевать носом и наконец провалился в сон. Ему казалось, что он висит над своим балконом и никак не может дотянуться до отцовской тумбочки, которую зачем-то надо открыть. Впрочем, ощущение сна длилось недолго, не дольше минуты, и, как показалось Полуниину, быстро прервалось. Раздался громкий и настойчивый сигнал. Полуниин открыл глаза и оглянулся. Перед ним была побитая временем остановка, вся испещренная надписями. Выйдя из таксомобиля, он приложил палец к терминалу капсулы, и со счета списалась почти вся его месячная зарплата.

За цифрами на экране Полунин наблюдал хладнокровно. Деньги были для него скорее обузой: у него их особо никогда и не было, а когда появлялись, Полунин не умел ими рационально распоряжаться. Таксомобиль, издав протяжный сигнал, отъехал в сторону и отправился дальше по маршруту.

Полунин пошел в сторону опустелых пятиэтажек и покосившихся домов. По пути он достал из кармана «кит-кат». Солнце только поднялось, освещая каждый уголок поселка. Улицы казались пустыми. Посёлок был не запущенным, не брошенным и покинутым, а именно пустым, ненастоящим, словно это была декорация для какого-то фильма про апокалипсис. Полунин, жуя батончик, открыл планшет и проложил пеший маршрут до кладбища, которое было всего в нескольких километрах. Согласно данным, именно там, в охранном домике рядом с кладбищем, жил Грбовщик.

* * *

Полунин шел через лес, пробиваясь через заросли травы. Дорога практически заросла, и не привыкшему к грязи и высокой траве путнику приходилось прилагать немало усилий, чтобы не сбавлять темп. Несмотря на то, что всё вокруг заросло, под ногами иногда попадались вкопанные бетонные плиты. Кое-где даже виднелся выдолбленный серийный номер части. Дорога постепенно пошла на подъем, и идти становилось всё сложнее и сложнее. Полунин включил наушник и, слушая монотонный бубнеж, стал продолжать путь:

Традиция звать на похороны людей, которые будут горевать о покойном, берет начало еще в древности. Например, в Древнем Египте, где похоронные практики играли большую роль, образ плакальщицы связывали с горюющей по Осирису Изидой. Для похорон нанимали специальных плакальщиц: две из них выступали от имени богинь Изиды и Нефтиды. Плакальщицы несли цветы, еду и масла, некоторые могли нести мебель и одежду, которые должны были оставить в гробнице.

В Ассирии также было принято бурно выражать скорбь по умершим: плакальщицы, которые открывали похоронное шествие вместе с музыкантами, рыдали и посыпали голову пеплом, как и все члены семьи. Похоронные обряды с музыкой и надгробным пением существовали также в Древней Греции и Риме.

На языческой Руси огромную роль в погребении сородича и прощании с ним играли женщины-вопленицы. Они демонстрировали

странное, бесноватое поведение, которым оповещали всех о горе.

Вопленица не только была «рупором» горя присутствующих и помогала «провести» умершего в мир мертвых — также она выполняла роль распорядительницы ритуала, где у каждого было свое место и своя роль.

Хорошая вопленица должна была обладать даром слова, актерскими способностями, иметь сильный голос: в плачах применялись особые дыхательные техники. Призванных плакальщиц, которые славилась особым талантом, приглашали из других деревень, но денег они за это не просили: занятие воспринималось как миссия, а не как работа. Впервые попричитав о ком-то из мертвых, женщина как бы проходила инициацию, после которой могла решить, причитать ли только об умерших членах семьи или же стать известной плакальщицей, которую зовут на похороны соседей. Сегодня культура плакальщиц отмирает.

Традиционные ритуалы остались в прошлом, и современным людям приходится куда сложнее: в самые тяжелые моменты жизни они оказываются практически беззащитны. Отсюда неуверенность, неловкость и смущение из-за незнания, как справиться с оглушающими чувствами.

213

Проявление негативных эмоций в современном мире не принято выставлять напоказ, но непрожитая боль остается внутри, из-за чего человек может сталкиваться с ней снова и снова. Традиции, связанные с похоронами, наоборот, помогают проживать боль «легально», не стесняясь своих чувств.

Возможно, именно по этой причине в некоторых странах плакальщицки и плакальщицы встречаются и сегодня. Жители Ганы ради роскошных похорон родственника нередко влезают в колоссальные долги. Церемония проходит с участием поп-певцов, пританцовывающих носильщиков гроба и, конечно же, плакальщиц: ведь чем больше людей, выражающих показную скорбь, тем выше социальный статус покойного. Плакальщицы, обычно вдовы, похоронившие своих мужей, имеют очень приличный заработок.

Современные китайские плакальщицы и плакальщицки — это труппы артистов, которые, рыдая и простирая руки к покойнику, изображают горе через песни и танец. Церемония выстраивается таким образом, чтобы, создав в начале мрачную атмосферу, которая поможет родственникам покойного выплеснуть горе, затем утешить и успокоить их.

Переживание утраты у всех происходит по-разному: здесь нет верных и неверных способов. Кому-то громкое оплакивание и даже молчаливые слезы у гроба могут показаться неуместными, а кому-то, напротив, помогут. Тема исчезающей традиции похоронных плачей — повод подумать, как практики, помогающие пережить утрату, могут быть отстроены в современном мире. Главное, чтобы отношение к горю и смерти в целом не оказывались в списке запретных тем.

Потратив больше времени, чем предполагал, Полуниин наконец поднялся на небольшой холм. Отдышавшись после подъема, он снял запотевшие очки и тщательно протер линзы краем комбинезона. Теперь, когда основная часть пути осталась позади, он мог, наконец, перевести дух и полюбоваться видом поселка, протянувшегося у подножья холма. Видна была и заброшенная военная часть, и старый стадион с лавками по периметру. Рядом что-то зашелестело. Полуниин обернулся и увидел олененка, который обжевывал ветки молодого кедра. Полуниин замер. Зверь тоже уставился на него. Какое-то время они смотрели друг на друга. Полуниин очень осторожно достал планшет в надежде сделать фотографию. Но олененок, подняв уши, резко бросился в сторону. Фотография получилась смазанной и неразборчивой. «Надеюсь, ты — это самое опасное, что тут живет», — пробубнил Полуниин и, оглянувшись, открыл карту, чтобы свериться с маршрутом. Немного скорректировав направление, он продолжил путь и через пару сотен метров увидел потемневшие от времени черные кресты.

Вся территория кладбища почему-то было перекопана рвами и канавками. Полуниин пошел вдоль одной из них и вскоре заметил сухонького старика, быстро орудовавшего лопатой на дне ямы. Полуниин остановился, достал сигарету и, позвякивая зажигалкой, подошел к краю.

— Добрый день! Не тяжело вам такое проворачивать? — Полуниин взглядом показал на перекопанные рвы.

Старик замер и хмуро уставился на него из ямы.

— Пойдет.

Старик, опираясь на лопату, полез вверх. Его длинные черные волосы были грязны: слипшиеся патлы, падающие на плечи, напоминали длинные перья. Выбравшись наверх, старик закинул в рот кусок смолы и принялся, причмокивая, ее пожевывать. Его глаза были так же черны, как и волосы. Пожалуй, они были самой

необычной частью его лица. Один косил. Второй смотрел прямо на Полунина, от этого немигающего взгляда становилось не по себе. Не выдержав, Полунин сбивчиво заговорил:

— Я работаю в центральном архиве и заметил тут ошибку. Я думаю, это опечатка. Но таких опечаток я прежде не встречал. Поэтому я и решил собрать кое-какую информацию. По поводу произошедшего тут. А так как вы тут единственный, кто есть, я решил уточнить о произошедшем в 2011 году...

Старик молчал, изучая гостя. Затем медленно двинул желваками и произнес:

— Пройдем за мной, — и пошел вперед.

Несмотря на довольно дряхлый вид, старик шел быстрым шагом, ловко перебираясь через канавки и поваленные стволы деревьев. Полунин поплелся следом. Напротив одной из заросших могил старик остановился. Имени нигде не было видно: из земли торчал деревянный, такой же, как и в других местах, потемневший от времени крест. Перед крестом лежало несколько свежих розочек.

Старик смотрел на могилу и молчал. Затем медленно произнес:

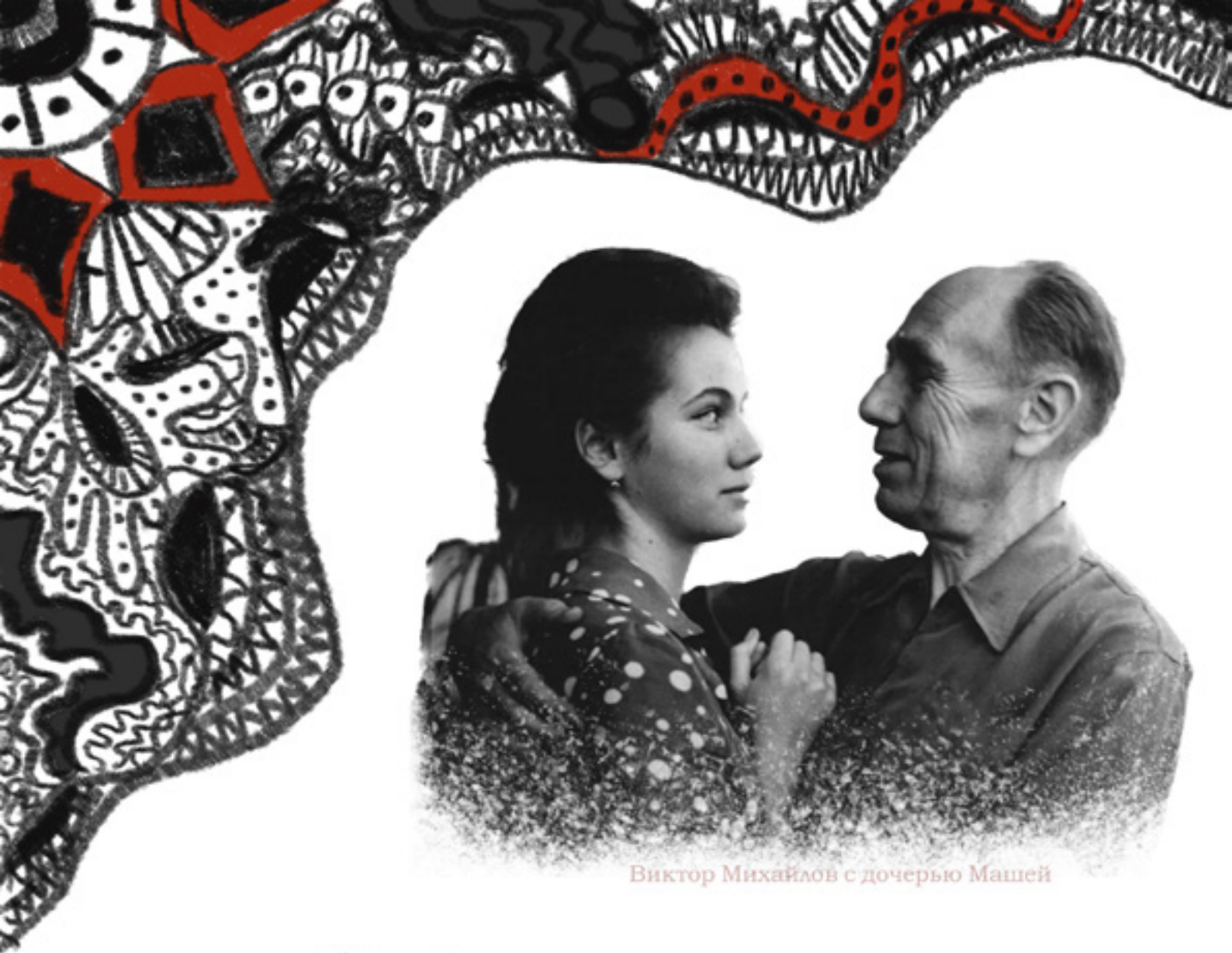
— Все вопросы к этому пареньку...

Достав фляжку и отхлебнув, старик протянул ее Полунину. Тот помялся с ноги на ногу, но все-таки взял и, понюхав, сделал глоток. По телу разлилась теплота, а голова наконец обрела легкость.

Иллюстрация: Валерия Жданова

Литературный журнал «Нате»

Виктор Михайлов с дочерью Машей

МИХАЙЛОВ

(1901–1990 гг.)

Доктор технических наук,
действительный член Академии
архитектуры и строительства СССР,
член Американской академии
железобетона, заслуженный деятель
науки и техники РСФСР.

№7 (декабрь 2023)

ВИКТОР

Жизнь в борьбе

(повесть)¹

Глава 14. Мой дедушка умер

Учеба шла своим чередом. Быть первым учеником было для меня привычкой и не доставляло никакого удовольствия. Учить уроки мне было легко. Разнообразие в мою жизнь внесло появление Светы. Эта девочка, жившая на Заводской улице, проникла в наш сад через ту же потайную щель, что когда-то и Тамара. Так же, как и Тамару, я поймал ее за поеданием малины. Но только она нисколько не смутилась, а просто сказала:

– Ну что же, я уйду, если хочешь.

– Нет, не уходи, я рад тебе. Кушай малину, сколько хочешь. Я скажу Петру, что ты моя гостья.

Свете было 11 лет. Она училась в гимназии, всего на один класс старше моего. Девочка она была умная, очень развитая, хотя мать ее была прачкой. Мы подружились. Я наказал Петру-садовнику, чтобы он разрешил ей бывать в нашем саду и лакомиться фруктами. Петр был очень недоволен этим наказом, но выполнял его. Каждый день после обеда я шел в сад с желанием повстречаться со Светой, но приходила она не часто, поскольку должна была помогать матери. Никому дома я о Свете не говорил, даже Ирочке, которая приходила к нам каждое воскресенье. Мы говорили со Светой о Любе. Я показывал ей Любины письма, мы вместе старались угадать, что кроется под тем или другим выражением. Письма были строгие, без сентиментальностей, и походили, скорее, на отчет о прожитых днях. Я же писал ей письма, полные нежности и любви, вкладывая в них всё, что было на душе, — писать иначе я не умел.

Дружба Ирочки была твердой, надежной, и никаких упреков она не высказывала за то, что я переписывался с Любочкой. Конечно, своих писем к Любочке я Ирочке не показывал. Так прошла зима, по существу, не ознаменовавшаяся никакими событиями. Только вот паводок этого года был особенно сильный и даже немного подмыл с угла нашу подпорную стенку, но дедушка сейчас же отремонтировал ее и даже сделал в этом месте выступающий бок. Зимой, когда сад освободился от листвы, он уже выглядел не так красиво, и мы ходили туда реже — главным образом, в беседку или на набережную. Поэтому встречи со Светой стали редкими и непродолжительными. Я узнал у Светы ее фамилию и номер дома, чтобы не потерять ее так же, как когда-то Тамару.

1 Главы 1–4 см. «Нате» №3: [Жизнь в борьбе • Литературный журнал НАТЕ \(nate-lit.ru\)](http://nate-lit.ru)

Главы 5–8 см. «Нате» №4: [Жизнь в борьбе • Литературный журнал НАТЕ \(nate-lit.ru\)](http://nate-lit.ru)

Главы 9–11 см. «Нате» №5: [Жизнь в борьбе • Литературный журнал НАТЕ \(nate-lit.ru\)](http://nate-lit.ru)

Главы 12–13 см. «Нате» №6: [Жизнь в борьбе • Литературный журнал НАТЕ \(nate-lit.ru\)](http://nate-lit.ru)

Предисловие М.В. Михайловой: [Яркая жизнь • Литературный журнал НАТЕ \(nate-lit.ru\)](http://nate-lit.ru)

Приближалась весна, и мы начали обсуждать перспективу летнего отдыха. Мнения расходились. Я предлагал ехать на взморье, полагая, что туда поедут Татьяна Васильевна с Любой. Вера стояла за Кисловодск. Папа предлагал ехать на Балтийское море в Карлсбад. Мама не имела четких намерений, но говорила о Сухуме и о нашем там имении. Возможно, что ее желания были самыми правильными: пора было взглянуть на плантации под табаком. Однако никакого решения вынесено не было. Обо всем этом я написал Любочке, спрашивая, куда собираются ехать они и не правильнее ли было бы нам всем ехать в одно место. Ответа не было, между тем, через месяц предстояло закончить курс второго класса в гимназии и перейти в третий. Я учился на круглые пятерки, и школьные дела меня несколько не беспокоили. Теперь я больше бывал в саду, наблюдая, как набухают почки на деревьях и зеленеет трава. Иногда помогал Петру в подметании аллей. Их было много, и это был тяжелый труд.

Однажды, когда я был в саду, прибежала Люля и позвала меня домой. Я был удивлен, потому что еще было рано пить чай и я совсем недавно ушел из дома. На мой вопрос Люля ничего не сказала, но я видел, что она страшно обеспокоена и ее глаза мокрые от слез. Я всполошился, но Люля ничего не говорила, только твердила: «Скорей, скорей...» Дома никого не было. Младшие дети — Сережа и Коля — были в детской со своей няней (старушкой, приставленной к ним мамой). Люля привела меня в столовую и велела сидеть и никуда не выходить.

219

— А где же Вера? — спросил я. — Что случилось, Люля, почему ты мучаешь меня и ничего не говоришь? Это жестоко! Я не знаю, что и подумать!

— Мама наказала мне ничего тебе не говорить, — сказала через силу Люля, — но я не в силах молчать. Знай же: дедушка умер.

И она зарыдала, громко всхлипывая и размазывая кулаками слезы на лице. Сначала я опешил, ничего не понимая, потом зарыдал и начал кричать:

— Я хочу к дедушке! Я хочу быть около него! Он любил меня больше всех. Он хотел, наверное, чтобы я был с ним, около него, когда он будет умирать!

Я вскочил, намереваясь бежать к дедушке, но Люля схватила меня и стала удерживать силой. Я, рыдая, старался вырваться и бежать, сам не зная куда.

— Да погоди же ты, — выкрикивала Люля, — некуда тебе бежать. Дедушка умер. Ты ничем помочь ему не можешь. Сейчас его обмывают и ставят на помост. Скоро принесут цинковый гроб, и его туда уложат. Умер дедушка мгновенно от удара, и, наверное, даже не осознавал, что умирает. Да, это большое горе, но ты уже мужчина и должен перенести утрату мужественно... Посиди! Поплачь. Слезы облегчают боль.

И я плакал навзрыд, и никак не мог успокоиться, и слезы текли из глаз. От меня уходил любимый, обожаемый, боготворимый мной человек, и я не мог смириться с этой утратой. Пришла Вера, вся заплаканная, с красными глазами, обняла меня, и мы продолжали плакать вместе.

— Вера, — спросил я, — ты видела дедушку? Какой он? Он не сердился, что я не попрощался с ним?

— Нет, родной, меня к нему не пустили. Только маму и папу. Сказали, чтобы Люля пришла с чем-то помочь.

Люля услышала, что сказала Вера, и сейчас же побежала туда. Вскоре привезли цинковый гроб и понесли его в гостиную. Нам наказали сидеть в Веринной комнате и никуда не выходить. Маму я увидел только поздно вечером. Она взяла меня за руку и повела в гостиную — самую большую комнату нашей квартиры. Дедушка лежал весь в цветах: Петр принес из оранжереи лучшие и сам украсил гроб. А дедушка был как живой, только глаза его были закрыты, и руки сложены на груди, держа золотой крест. Мне захотелось поцеловать дедушкину руку, и я сказал об этом матери. Она разрешила. Я наклонился и припал губами к дедушкиной руке. Рука была холодная и пахла цветами. А я продолжал целовать, целовать и целовать такую дорогую мне дедушкину руку, пока мама не подняла меня от нее.

— Довольно, — сказала она, — не тревожь дедушку, ему теперь нужен только покой.

А у самой глаза полные слез. Невозможно было удержаться, и я зарыдал опять, вытирая глаза кулаками. Я устроился на скамеечке у ног дедушки. Слезы все текли и текли... Когда близкий бывает долго больным и затем умирает, утрата его не так мучительна. Но ты, дедушка, которого я видел здоровым еще утром, теперь лежишь в гробу мертвым. Зачем ты нас покинул? И я рыдал, не в состоянии успокоиться. Люля насильно отвела меня в спальню, сказав:

— Мама наказала тебе сейчас же ложиться в постель и спать. Все и так измучены, не растравливай живую рану. Ничего не поделать: дедушка был уже старенький, ему пришло время умирать. А что делать тем, к кому смерть приходит в 20 лет? Вот когда приходит настоящее горе... Ложись и спи.

И я лег в постель, но заснуть никак не мог. В глазах стоял гроб с дедушкой, таким близким и утерянным навсегда. Везде — в домах, им построенных, в аптеке, им созданной, в саду, им выращенном — живет его душа, его воля... Как же мы будем жить без него? И, уткнувшись в подушку, я лил слезы и промочил ее всю: переворачивал с одной стороны на другую, пока не заснул.

Проснувшись утром, я вновь осознал огромную утрату, которую мы понесли, но слез больше не было, и, сжав губы, я молча натянул на

себя одежду и вышел на балкон.

Все колонны, поддерживающие веранду, были обтянуты черным крепом. Это, наверное, папа потрудился, чтобы отразить общую печаль. Во дворе было много народа: они входили во двор, о чем-то говорили шепотом, качали головами и уходили. В Кутаиси все давно знали дедушку, слышали о его благотворительности. Многим, у кого не было денег, он отпускал лекарства бесплатно. Приходили во двор знавшие его, приходили и не знавшие — потому, что он был в Кутаиси почетным человеком. Я об этом никогда не задумывался, и только сейчас во всем убедился сам:

«Дедушка, любимый, милый мой дедушка, — обращался я к нему мысленно, — не только для нас, твоих близких, тяжел твой уход... Смотри, как грустят люди, которым ты помогал, и те, которые только слышали о тебе. Мир праху твоему! Знамя добра, которое нес ты, теперь за тебя понесем мы».

Люля провела меня в гостиную к гробу, и я стоял там, в то время как в комнату входили незнакомые мне люди, клали цветы, смотрели дедушке в лицо, крестились, что-то шептали и потом уходили. Их место занимали новые. Пришли священник с дьяконом и начали панихиду. Люля сказала, что панихида будет совершаться три раза в день. Похороны назначены на послезавтра на новом кладбище. Хоронить дедушку будут вместе с его женой, останки которой перенесут со старого, уже закрытого кладбища. Дедушка и бабушка будут похоронены вместе. Мне было совершенно непонятно, как это можно откапывать, переносить и вновь хоронить человека, умершего восемь лет тому назад. Но такова была воля дедушки, которую он неоднократно изъявлял маме и папе. В этот день и в последующий я в гимназию не ходил. Питались кто как мог, в неуставленные часы. Кушали приготовленное поваром, который ходил во всем черном и иногда смахивал с лица слезу. Он очень любил дедушку, как и вся прислуга.

На следующий день мы поехали откапывать бабушку. Больше всех волновался папа. Ведь когда хоронили бабушку, на нее надели дорогие золотые украшения: серьги, кольца, браслеты. Окажется ли это все в истлевшем гробу? Папа нанял рабочих, которые производили откапывание бабушкиного гроба. Мы все стояли наверху. Новый гроб, украшенный цветами, стоял тут же. В него должны были переложить останки бабушки и сейчас же его заколотить. Откапывали медленно. Когда ломы и лопаты застучали по чему-то металлическому, стало ясно, что это цинковый гроб, в котором хоронили бабушку. Папа кричал рабочим, чтоб откапывали гроб со всех сторон и вытащили его целиком наверх, что рабочие получают за старание 100 рублей. Это в те времена составляло 100 золотых рублей, и рабочие старались. Наконец гроб целиком подняли наверх. Все-таки цинковые гробы — весьма прочная штука. Загрели молотки, и крышка гроба отлетела с треском в сторону. Из гроба пахло тленом. Мне страшно хотелось заглянуть в гроб, но

взрослые оттеснили меня в сторону. Все застыли, только было слышно шуршание рук рабочих, которые перекладывали кости бабушки в новый гроб. Увы и ах! Никаких драгоценностей не было. Рабочие были надежные, да и действовали прямо на глазах папы, мамы и Люли, и ничего скрыть было нельзя. Да! Сокровища исчезли полностью. Старый гроб был осмотрен тщательно и надежно: сокровищ не было и в помине. Папа очень разволновался и кричал на рабочих. Рабочие переминались с ноги на ногу, топтались и молчали. Тогда вмешалась мама и сказала:

— Василий Иванович, чего ты так волнуешься и кричишь? Золото выкрали либо при погребении, либо ночью потом, раскопав могилы без свидетелей. Ты же сам говорил дедушке, что это безумие — класть в гроб золото и драгоценности. Мы тоже это знали и предупреждали. Чего теперь волноваться и кричать на безвинных рабочих? Вынимай 100 рублей и плати. Им это полагается. Пусть только сначала забросают могилу землей. Нельзя же так ее оставлять.

Папа сник, замолчал и затем велел забрасывать могилу землей. Рабочие обрадовались, быстро засыпали могилу и утрамбовали землю. Папа дал им 100 рублей, и они с благодарностью посмотрели на маму: ведь это она нашла выход из положения и наградила рабочих по-царски. Рабочие подняли гроб, и вся процессия направилась к новому кладбищу, где гроб с бабушкиными останками должен был простоять до утра. На всякий случай священник приставил к гробу чтеца, который заунывным голосом пел псалмы в течение всей ночи. Мы же поехали домой: надо было успеть на панихиду по дедушке. Я снова начал плакать, но Мама строго посмотрела на меня и сказала:

— Слезами горю не поможешь, перестань плакать. Дедушка оттуда рассердится на тебя. Перестань, говорю.

И я силком заставил себя успокоиться и умолкнуть. Слезы высохли у меня на глазах, и я спокойно смотрел по сторонам. На панихиду пришло много народа, знакомые и незнакомые. Поместить в зале всех не удалось, открыли дверь в папин кабинет, столовую и детскую комнату. В этот день нас уложили спать, как только стемнело. Спать не хотелось, и я начал думать, что и как будет дальше.

«Наверное, на похороны приедут завтра Бялусские и Апели — всего 12 человек. Кто их будет встречать, кто устраивать? Надо будет держаться бодро и не плакать. Пусть плачут женщины: таков уж их удел. А будут ли плакальщицы? Здесь это принято, но ведь мы культурные люди и не должны подчиняться старинным обычаям?»

Так, лежа в постели, я постепенно заснул и утром проснулся чуть свет. Встал, оделся и побежал в столовую чего-нибудь поесть. Здесь уже были Вера и Люля. Они наспех пили чай. Папа поехал встречать теток Лелю и Аню с детьми и, наверное, с мужьями. Похороны были назначены на 10 часов утра, но уже сейчас весь двор был полон людьми. Люди

стояли на улице и ждали выноса гроба. Папа заказал духовой оркестр, и музыканты сидели в подъезде.

К 10 часам прибыли наши родственники из Тифлиса и Батуми. Их приехало не 12, а 10 человек. Они возложили цветы на гроб бабушки. Кроме того, это они попросили папу заказать огромные и дорогие венки, которые уже лежали на гробу. Места для венков у гроба уже не было, и венки стали устанавливать в кабинете и столовой. Все были в глубоком трауре. Женщины плакали. Мужчины стояли суровые и молчаливые. Священник с дьяконом отслужили заупокойный молебен и прочитали последнюю молитву. Затем открытый гроб, крышку гроба и бесконечное количество венков вынесли на улицу, установили на катафалк и тронулись в путь. За ними в фаэтонах двинулись и мы. Наверное, для Кутаиси это было самое грандиозное погребение: вся Кутаисская знать следовала за гробом бабушки.

И вот мы приехали на кладбище, бабушкин гроб внесли в часовню и поставили рядом с гробом бабушки. Отпевали покойного долго, помянули и бабушку. Прощались с бабушкой все. Сначала подходили мы, члены его семьи, наклонялись, крестились и целовали руку. Я тоже надолго приник к его руке, пока папа не оторвал меня.

— Прощай, дорогой, любимый бабушка. Если я стану писателем, то напишу о тебе всё: от твоей молодости, когда ты украл себе в Англии красавицу-жену, до последних дней твоей жизни, когда ты со слезами на глазах на берегу Риона рассказывал нам о своей молодости, о своей дорогой Диночке, которая будет покоиться рядом. Хорошо ты жил — и умер, наверное, легко, никого не обременив уходом за тобой. Я же буду бережно сохранять созданный тобой столь прекрасный сад и все дома. Спи спокойно! Я буду продолжателем твоей воли, я вырасту сильным, стану знаменитым и всегда буду говорить, что во мне воплотился дух моего знаменитого бабушки.

Наконец прощание закончилось, гробы бабушки и бабушки герметично закрыли и понесли на кладбище. Здесь была вырыта большая глубокая могила, обрамленная каменной кладкой. Один за другим оба гроба на канатах опустили в могилу и сверху уложили четыре тяжелых плиты, затем могилу засыпали землей. Говорили, что памятник будет готов через месяц, и его сразу установят, что гробы надежно защищены тяжелыми камнями-плитами. Памятник будет сделан из какого-то редкого чистого мрамора: за него заплатили несмертные деньги. Папа говорил потом, что похороны бабушки буквально разорили маму. Но это были пустые слова. Бабушка оставил завещание, по которому львиная доля его богатства досталась маме, его любимой дочери, которая, выйдя замуж, не покинула его, а осталась при нем, скрашивая его старость.

После себя бабушка оставил кутаисские дома с нашим садом, аптеку в Кутаиси, сухумские земли под табаком и наличные деньги в банке — маме; дом в Батуми, аптеку в этом доме, дачу на Зеленом мысу

— тете Леле; участок земли под рощей за новым кладбищем в Кутаиси, аптеку в Баку — тете Анне.

Здание кутаисской драмы дедушка завещал городу Кутаиси; завещал городу и известную сумму денег на расширение и благоустройство городского бульвара. Он хотел, чтобы городской бульвар был отделан и ухожен с такой же тщательностью, как и наш сад.

Похороны были окончены, теперь избранные люди города и все близкие и знакомые должны были собраться в ресторане гостиницы «Колхида» на поминки. Папа твердил, что — языческий обряд, противный культурному обществу, но мама была непреклонна. Она дала на поминки 5 тысяч рублей и, конечно, поступила правильно, поскольку сохранила расположение губернатора, полицмейстера и других начальников города. А без этого содержать в центре города такой сад, как наш, было бы совершенно невозможно. Нас на поминальный вечер не взяли: на нем были только взрослые. Но мама мне все подробно рассказала — и что сказал губернатор, и что говорили начальники и попечители города. В конце концов, папа согласился, что поминание было необходимо: имя и деятельность дедушки в угоду и славу города были закреплены и записаны в сердцах всех жителей. В память дедушки на следующий день в газете был помещен некролог и дано описание вечера и выступлений отцов города на панихиде. Отдельно было сообщено и о его посмертной воле сделать пожертвования для Кутаиси, чем он и завершил свою жизнь.

Наш домашний врач Топоров удивлялся, что могло вызвать, как он выразился, «инсульт». Он осматривал дедушку и выслушивал его буквально за несколько дней до смерти и ничего подозрительного ни в сердце, ни в легких, ни в кровообращении не нашел. Пульс, давление, дыхание были нормальными. Он думает, что нечто неизвестное сильно дедушку взволновало, давление крови внезапно сильно поднялось и сердце не выдержало... Так или иначе, смерть пришла внезапно, что стало дедушки лучшим выходом.

Мама была взволнована еще и другим. Завещание дедушки было написано за год до смерти, и она хорошо понимала, что распределил дедушка свои богатства неравномерно. Самым несправедливым, по ее пониманию, было то, что ей он оставил почти половину своего состояния. Как восприняли это ее сестры Леля и Анна? Поймут ли они дедушку или же вообразят, что мама как-то повлияла на него? Ведь ничего такого на самом деле не было. Папа уверял маму, что она зря волнуется, что ее сестры прекрасно знали, что дедушка, как и бабушка Дина, свою первую дочь любили особо сильно. Леля и Анна же, как вышли замуж, сразу же уехали от него, хотя и жили в Кутаиси в его доме богато, со всеми удобствами, и дедушка ни в чем им не отказывал. Успокоилась мама, только когда узнала, что ее сестры довольны полученным наследством, а большего и не ожидали.

Так или иначе, жизнь скоро вошла в свою колею, однако мама твердо решила наступающее лето провести дома в Кутаиси, каждые три дня посещая могилу своих родителей. Люба с матерью уехали отдыхать в Сухуми — наверное, они полагали встретиться там с нами, но судьба решила иначе. По существу, я не очень этому огорчился и большую часть времени проводил в саду, встречаясь со Светой, которая, естественно, никуда летом не выезжала. Я с нетерпением ждал необычайного события — появления кометы Галлея. Об этом много было уже написано ранее, но надо и здесь упомянуть, что я усиленно занялся космографией, чтобы встретить это событие вооруженным научными знаниями; тем более, что комета будет видна в полном ее блеске, так как пройдет над нами вечером при темном летнем небе. Все произошло так, как и ожидалось. Комета со своим роскошным хвостом занимала половину неба и была хорошо видна: стоило только поднять голову и посмотреть на небо.

Жители наших домов стояли кто во дворе, кто на балконе, устремив взоры вверх. Я же ходил от одной группы к другой и рассказывал про размеры кометы и особенности ее полета: что к земле она опять приблизится только через 76 лет, когда нас уже не будет в живых².

Вскоре мы пошли в гимназию. Я — теперь уже в третий класс. Верочка и Ира были в пятом классе и начинали смотреть на меня покровительственно, хотя я не мог понять, почему: ростом я был уже выше их, развит и начитан был, несомненно, сильнее.

225

Что касается моей переписки с Любой, то она продолжалась по-прежнему. Люба посылала мне подробные отчеты о своей жизни: с кем встречается, как совершенствуется в музыке и пении, кто за ней ухаживает, как она (это было ею подчеркнуто красным карандашом) ни на кого не обращает внимание и много читает. В конце маленькая приписка: «Знай, что тебя я не забываю и жду встречи».

Мои письма были совсем иными: они были полны пылких признаний в любви и дружбе и уверений в том, что я во всем сильно стараюсь ее нагнать. В чем именно — я и сам не понимал, ведь возраст другого нагнать нельзя. Мои излияния шли от сердца, Света в нем места ни занимала никакого. Просто с ней мне не было скучно. Я питал надежду, что в следующем году летом мы с Любой обязательно проведем отдых вместе. Об этом я неоднократно говорил с мамой, и она поддакивала мне, но, видимо, машинально. После смерти бабушки на нее легли разные финансовые заботы, в которых папа принципиально не хотел принимать никакого участия.

А трудности заключались в следующем: приехал управляющий сухумского имения и заявил, что оно в этом году дало убыток, кажется, 32 тысячи рублей, и их надо выдать ему сейчас же наличными. Мама была поражена, однако была принуждена выдать чек, хотя Люля уверяла

2 Витя Михайлов ошибся: он увидел комету Галлея еще раз. — *здесь и далее прим. М.В. Михайловой.*

ее, что управляющий жулик и никаких денег выдавать не следует. Аптекой некому было управлять. Помощник дедушки все время тянул деньги — конечно, не такие большие, как сухумский управляющий, но тоже немалые. Квартиранты выплачивали квартплату не аккуратно. Все это очень беспокоило маму. Счет в банке таял не по дням, а по часам. Я жалел маму, но что я мог сделать? Ведь я ничего не понимал в денежных делах, да меня все равно и не стали бы слушать.

Глава 15. Происшествие в Карлсбаде

В конечном итоге мама решила продать сухумское имение и попросила это сделать Никодима Антоновича Бялусского. Дядя Никодим охотно взялся за это дело. Он поехал в Сухуми и быстро нашел хорошего покупателя, который согласен был заплатить за имение 280 тысяч рублей. Дядя писал, что имение стоит больше, но надо ждать случая. Если же мама с предложенной суммой согласна, он оформит купчую теперь же. Кроме того, он писал, что управляющий жулик и обманул маму, сказав, что имение дало убыток. Дядя проверил все расходные книги и убедился, что имение дало не убыток, а прибыль 42 тыс. рублей, которые ей перечисляются. Что касается денег, которые мама выдала управляющему, то эти деньги, наверное, пропали, поскольку управляющий заявил, что получил их от мамы в поощрение за хорошее управление имением. Дядя уволил его, но отдать его под суд не удалось: трудно было доказать, что мама без документов, лишь по просьбе управляющего, дала ему наличными такую сумму. Дядя просил маму больше никогда не выплачивать крупных сумм без согласования с ним.

Мама написала дяде, что она не требует от управляющего никакого возврата денег. Он служил дедушке более 15 лет и, наверное, его не обманывал. А, если он обманул такую дуру, как она, то поделом ей. Жаль, что ее муж не хочет ей помогать. Однако наличных денег в сумме с деньгами, поступившими из Сухуми, хватит с лихвой на всю жизнь. Бедная мама! Как глубоко она ошибалась и как быстро ее деньги в банке обесценились! Но об этом позже.

Следующим летом мы поехали, как советовал папа, в Карлсбад (теперь Карловы Вары). Татьяна Васильевна с Любой поехали на взморье, поскольку ехать на курорт под Ригу им было не по средствам, а на приглашение мамы приехать в гости на нашу большую двухэтажную дачу, снятую на весь сезон, Татьяна Васильевна ответила категорическим отказом. Я решил написать Любе свое личное мнение на этот счет: наша дача уже снята и проживание гостей у нас не вызовет у мамы никаких трат, а Татьяне Васильевне придется потратиться только на проезд по железной дороге. Если на даче будет больше народа, мы лучше и организованнее проведем свой отдых... Однако на это письмо Люба ответила, что ее мама больна и просит написать, что принять приглашение они не могут. От себя Люба писала, что они ни при каких условиях не могут жить за чужой счет. Одно дело гостить 3–5 дней, и совершенно неприемлемо для

них быть приживалками несколько месяцев: «Тебе, Витенька, это должно было бы быть очевидным. И как бы мне лично ни хотелось провести лето с тобой, обстоятельства не способствуют этому». Далее первый раз за всю нашу переписку Любочка созналась, что очень по мне соскучилась, хотела бы быть вместе со мной, но, увы, все сложилось иначе. Во всяком случае, ее отношение ко мне осталось по-прежнему сверхдружеским.

Я перечитал эти строчки много раз, стараясь понять, что обещают они в будущем, но все было не очень ясно, ведь и себя я еще по-настоящему не понимал. В ответном письме я написал Любе, какую папа снял для нас дачу (по существу, это была не дача, а небольшое поместье, резко отличающееся от расположенных вокруг уютных домиков курорта).

«Наша дача — двухэтажный деревянный, обшитый деревянными украшениями дом. Поднимаясь по нескольким ступенькам,ходишь на широкую веранду, опоясывающую дом с трех сторон. Боковые части веранды застеклены и представляют собой небольшие гостиные — приемные. Прямо через открытую часть веранды попадаешь в большой холл, с обеих сторон которого расположены трехметровые скрипучие лестницы, ведущие на второй этаж, где находятся спальни и одна комната с бильярдом. Внизу — несколько комнат. Мы устроились так: мама, Вера и я заняли комнаты наверху, папа и Люля заняли по комнате внизу. Одна комната наверху и две внизу остались свободными для гостей. Кухня и посудная комната находятся в пристройке, соединенной с домом галереей. В холле мы устроили столовую. На территории усадьбы, находящейся в сосновом лесу, уютный пригорок, на нем — беседка и маленькая площадка для детских игр. Так видишь, Люба, как много места, сколько лишних комнат! Я откровенно удивился тому, что папа, такой всегда бережливый, вдруг размахнулся и снял такой большой дом. Я не преминул спросить его об этом. Он ответил, смеясь, что сделал это, чтобы мама скорее растратила свои деньги, потому что не хочет, чтобы мы были барчуками. Оказывается, этот дом принадлежал какому-то графу, который приезжал сюда с компанией женщин и все время проводил в кутежах. Потом он разорился, умер, а жену оставил без денег. Вот ей и приходится сдавать в наем этот дом.

На даче я научился играть на бильярде, стал заправским бильярдистом. Видишь, как неправильно поступили вы, отказавшись от нашего приглашения! Но надо кончать письмо. Прими мои уверения в дружбе и пылких чувствах и моей преданности к тебе. Твой навсегда, Виктор».

Итак, я остался на все лето без друга. Вера со своим умением быстро сходиться со своими сверстницами скоро нашла девочек-соседок, с которыми стала проводить время. Но меня, как ни странно, они не заинтересовали. Я все свободное время проводил с папой, который на этот раз поехал отдыхать вместе с нами. Мы очень сблизились с ним и, если так можно выразиться, подружились. Я осознал, как мало знал своего отца и как мало его понимал. Мы ходили с отцом на берег купаться.

Ходили на прогулки в Бильдерлингсгоф (ныне Булдери), в Дуббельн (ныне Дубулты), в Майоренгоф (ныне Майори) — курортные города близ Балтийского моря (теперь они слились в единый курорт).

Как-то раз поехали мы все вместе под предводительством папы из Майори по реке Аа (ныне река Леилупе) на пароходе в город Митаву³. Осматривали старинный таинственный замок. В одной из комнат были сложены кости и череп одного из старых владельцев замка. В череп был вбит огромный костыль. Это жена барона — владельца замка — убила своего мужа. С костылем в голове его и похоронили, замаскировав голову каким-то убором. Убийство вскрыли дети и покарали свою мать. Всё было так интересно и загадочно! Назад вернулись также пароходиком поздно вечером, переживая увиденное и удивляясь жестокости людей.

Самое главное, что я приобрел на даче в Карлсбаде⁴, — это дружбу отца. До сего времени я как следует не знал, кто были его родные, где его близкие, чем занимаются и почему никто из них никогда не приезжал к нам в Кутаиси. Всё это было неизвестно даже маме, но ее это не волновало, она вся отдавалась своей семье и в ней была счастлива.

Папа рассказал мне:

«Отец мой был егерем, потом стал лесничим богатого лесными угодьями края Сибири. И в этой должности состоял до самой смерти. Мать моя была домашней хозяйкой и сторожила дом, когда отец уходил в далекие лесные объезды, ведя опасную борьбу с браконьерами и беглыми каторжниками, которых в тайге было много. Работа у отца была опасная и требовала большого мужества. У меня было два брата, я старший. Средний брат стал юристом и служил в суде, младший — студент, за революционную деятельность был сослан куда-то еще дальше в Сибирь, откуда и не вернулся. Что с ним стало — ни я, ни мой брат, так и не узнали».

Мой отец имел среднее образование и всю жизнь служил в акцизе, был настроен революционно, но никакой политической деятельности не вел. Поэтому он был на хорошем счету у начальства. Когда появилась вакансия начальника акцизного управления в Кутаиси с окладом в 500 рублей чистым золотом (это был очень высокий оклад по тем временам) он, недолго думая, поехал на Кавказ — отдаленную окраину царской России. Я уже писал, как познакомился папа с моей матерью, как влюбился в нее и добился согласия бабушки на брак. Но всегда с неодобрением относился он к шикарной жизни мамы, в распоряжение которой бабушка давал столько денег, сколько та хотела. Папа же свои 500 рублей отдавал матери и считал, что этих денег вполне достаточно, чтобы жить безбедно. Мама смеялась над причудами отца и совершенно с ним не была согласна. Это, конечно, его огорчало.

3 Митава (ныне Елгава) — город в Латвии.

4 Название с 1827 по 1918 г. курортного поселка Меллужи, ныне Юрмала.

Однажды я спросил отца:

— Папа, скажи мне, только правдиво и серьезно, и не сердись на меня за вопрос. Считаешь ли порядочным отказывать маме в совете и помощи в ее финансовых трудностях? Ты прекрасно знаешь, что она испытывает большие неудачи в денежных делах! Никодим Антонович, который помог маме в ее делах с сухумским имением, тебя осуждает и даже говорит, что считает твое поведение по отношению к маме подлым предательством. Я еще маленький и многого не понимаю, но все представляется мне очень странным. Можно подумать, что ты сознательно делаешь зло жене и своим детям. Папочка, ты не сердись на меня за этот вопрос, но он мучает меня уже давно. Ведь я люблю тебя и хочу думать, что ты лучший из отцов!

Папа долго молчал, ничего не говорил. Но было видно, как подрагивает одна его бровь. Он вынул из кармана платок и вытер им лицо, хотя было совсем не жарко и на лице его не было видно и следа испарины. Наконец он сказал:

— Витюша, родной мой сыночек. Ты уже совсем взрослый. Это мама виновата, что ты вдвое старше своих лет по мышлению, по знаниям и по необычным своим способностям. Я не знаю, в кого ты уродился. В моем роду таких не было. Я не вижу их и в семье Виктора Антоновича. На твой вопрос не так просто ответить. Ты, наверное, знаешь, что я долго-долго думал, когда собирался жениться на маме: могу ли я на это пойти, вправе ли я, обычный служащий, жениться на богатой невесте? Дедушка, давая согласие дочери на брак со мной, настаивал на большом приданом для мамы. Я от приданого наотрез отказался, хотя никто этот мой поступок не поддержал. Все называли его никчемной причудой и даже глупостью. Однако во мне все восставало при мысли, что кто-нибудь может подумать, что я женился на приданом. В душе я всегда надеялся, что источник доходов мамы иссякнет и я стану кормильцем семьи. Однако, что бы дедушка ни предпринимал, какие бы акции он ни покупал, он богател все больше и больше. Продавал он акции при их наивысшем курсе, и затем со временем они падали в цене или совсем обесценивались. Установилось даже такое мнение среди знающих дедушку людей, что когда он покупает какие-либо бумаги, их надо покупать немедленно, когда продает — надо их немедленно продавать. И так дедушка богател, а мои надежды на самостоятельность угасали и угасали. Когда мама осталась без отца, ее дела, которых она не знала и знать не могла, пошатнулись, но я твердо не вмешивался не только потому, что рассчитывал, что деньги при ее безалаберности сами собой улетучатся, но и потому, что я сам никогда не был дельцом и вряд ли сумел бы что-либо посоветовать путное. Однако с сухумским имением я, безусловно, переборщил, и Никодим Антонович был вправе судить меня за это. Я сам себя осуждаю за то, что разрешил маме выплатить столь большую сумму по первому, ничем документально не подтвержденному заявлению управляющего. Это верх доверчивости! Да, наверное, он сам

не ожидал такого! Да, в этом я виноват и перед матерью, и перед вами, моими детьми. Обещаю, что с этого момента я буду зорко следить за материальными тратами и постоянно их проверять. Витя, ты знаешь правду. Ты уже достаточно большой, чтобы разобраться в этом важном для нашей семьи деле.

К этому разговору мы больше не возвращались, и как будто всё было забыто. Но морщинки между бровями отца не исчезли, и я понял, что он мучается и переживает. К матери он стал еще более внимателен и нежен. Теперь много времени я уделял бильярду. Даже не знаю, откуда взялся парень, с которым я резался в американку и в пирамиду! Он научил меня играть в малую пирамиду с 15 шарами, когда набор 76 очков означал выигрыш, и с 20 шарами (15 основных плюс из 4 желтого плюс 1 красного цвета), когда набор 236 очков приводит к выигрышу. Молодой человек играл только на деньги и постоянно выигрывал, но я не протестовал, ведь он учил меня играть! Под конец я стал выигрывать, и тогда игра стала по-настоящему серьезной. Играли, конечно, по маленькой, так что проигрывал я немного, а под конец вообще игра шла с переменным успехом. Я был очень признателен моему партнеру, который так здорово меня выучил играть.

Еще задолго до нашего отъезда домой в нашем окружении произошел трагический инцидент, оставивший тяжелый след в моей памяти. Мы и девочки, подружки с соседней дачи, часто ходили гулять за полотно железной дороги в чистый сосновый лес, бродили по нему до берегов Леилупы. На этот раз, взяв с собой закуски, мы отправились в лес в сопровождении взрослых. Мы собирали ягоды, купались в реке. На обратном пути решили нарвать цветов. Чтобы связать цветы в букет, нужна была веревка. Все куски веревки от закуски были длинные, и надо было веревку разрезать. И вот две девочки растянули веревку, а третья взяла нож. Держащие веревку девочки смеялись и, продолжая растягивать веревку, как бы шутя пытались убежать от третьей. И вдруг на бегу третья девочка, наиболее миловидная из всех, взмахнула ножом снизу вверх и ткнула лезвием ножа по своему правому глазу. Никогда я не слышал такого дикого крика. Из глаза полилась кровь, залившая все лицо и белое платье девочки. Она схватилась за глаз, но кровь сразу полилась сквозь пальцы, все больше заливая кровью ее платье. В момент несчастья я бежал почти рядом с ней, хотел отнять у нее нож. Разве можно бегать по лесу с ножом! Кругом ямы, кочки, и я опасался, что она поскользнется. Когда произошло несчастье, я догнал девочку и схватил ее за плечи, иначе бы она рухнула на землю. Я был весь обрызган кровью, а она текла и текла... Все растерялись. Я скинул с себя новую чистую белую шелковую рубашу, разорвал ее на полосы и, как мог, перевязал глаз. Надо было выбираться из леса и искать больницу. Но где она находится, никто не знал. Больная стонала, плакала и истекала кровью. Наскоро из двух веток молодой дикой груши я соорудил что-то вроде носилок. Ножи (их было два) оказались к тому же еще и тупыми.

Мы положили несчастную девочку на эти импровизированные носилки и почти бегом направились в Майоренгоф, центр курорта. Однако настоящей больницы, да еще с глазным отделением, на курорте не оказалось. Надо было везти раненую по реке Аа в Митаву. За это взялись родные девочки. В Майоренгофе ей сделали только перевязку и остановили кровотечение. Я был потрясен случившимся до глубины души, меня трясла лихорадка. А если глаз вытечет? Подумать только, молодая девушка, почти ребенок, и вдруг останется без глаза на всю жизнь! Когда я рассказал отцу о случившемся, он спокойно ответил:

— Ты зря так остро переживаешь чужие несчастья. Мир устроен так, что человека на каждом шагу подстерегают неприятности, неудачи и потрясения. Душа у тебя впечатлительная и сердце доброе. Это хорошо! Но не принимай всё так близко к сердцу: твоего сердца на всех не хватит. А бедную девочку, конечно, жаль... Но посмотрим, что сделают ей в больнице. А ты иди мойся. Ты весь в крови. Маму не расстраивай и не рисуй всё в мрачных красках. Она скоро придет.

Я привел себя в порядок. Пришла мама. Она, конечно, очень расстроилась, хотя рассказал я ей обо всем спокойно. Она тотчас же побежала к соседям, чтобы выразить соболезнование и, главное, спросить, не нужны ли им деньги, что у нее есть лишние и она может ими поделиться. Вернулась она очень грустная. Отец и мать девочки уехали в Митаву и будут там до тех пор, пока девочка находится в больнице. От денег старшая сестра девочки отказалась. На даче у нас стало грустно и тревожно. Все ждали вестей из Митавы.

Мы с папой продолжали ходить купаться. У него кончался отпуск, и он должен был вскоре покинуть нас. Мне это казалось невыносимым: я так привык к нему, что не представлял себе, что буду делать после его отъезда. Папа уехал, и я остался с Верой, которая не могла сопровождать меня в плавании, поскольку боялась заплывать очень далеко от берега. Балтийском море холодное и мелкое, дно опускается волнами так, что только поплывешь, как уже опять мелко, по колено... И так дальше всё одно и то же, пока не очутишься далеко в море. И только здесь нет дна. Поэтому мы больше лежали с Верой на береговом песке — бело-желтом, твердом и чистом. Большим развлечением было собирать после морского волнения янтарь. Местные жители говорили, что янтаря стало очень мало и он скоро совсем исчезнет. Чтобы собрать немного янтаря, надо было встать очень рано и идти в сторону Тукумса⁵, далеко вдоль берега. Все же мы сумели собрать небольшую коллекцию неплохих камней, несколько камней было довольно крупных.

С Верой у меня по-прежнему большая дружба. Она посмеивается надо мной, удивляется тому, что на этот раз здесь, в Карлсбаде, ни одна из ее подружек мне не подошла. Говорит, что я старею и погрязаю в

⁵ Город в Латвии. Расположен к западу от Риги в историко-культурном регионе Курземе.

трясине одиночества. И правда, ни одна из них мне не понравилась. Я скучал по Любочке, наконец, по Ирочке, они были далеко. Приходилось терпеливо коротать одиночество. Но зато книг я перечитал прямо уйму. Запас, таким образом, литературного материала для рассказов был в избытке. Наконец приблизилось время отъезда домой. К этому времени из Митавы вернулась девочка с порезанным глазом. Зрение этим глазом она потеряла полностью, но внешне глаз остался целым. На веках еще имелись свежие шрамики, поэтому она надевала черную повязку. Я с особым вниманием и предупредительностью стал относиться к ней. Я исполнял каждое ее желание и каждый день ходил на рынок за букетом красивых роз для нее. Мама специально давала деньги, чтоб я покупал ей самые красивые цветы. Девочка первое время была в недоумении, что же со мной случилось: прежде, до ранения, никакого внимания я ей не оказывал, а теперь, поди ж ты, превратился в поклонника. В это время я имел вполне привлекательный вид: высокий, с хорошей выправкой и совершенно светлыми волосами. На вид мне можно было дать 14 лет, а не 11, как это было на самом деле. А мое развитие – литературное, музыкальное – и умение в совершенстве говорить по-французски и неплохо по-немецки делали меня несомненно интересным для девочек. Девочка заинтересовалась мной. А когда я начал рассказывать ей разные истории, стала проявлять несомненную привязанность, которая, откровенно говоря, была мне вовсе не нужна. Однако с необыкновенной настойчивостью я продолжал оказывать ей всевозможные знаки внимания. Я научил ее игре на бильярде, и мы резались в американку буквально часами. Я старался доказать ей, что и с одним глазом можно целиться и метко класть шары в лузы. Наверное, это особенно на нее подействовало: у нее появилась уверенность, что и без глаза можно жить и даже преуспевать. Я говорил ей, сидя на береговом песочке у самого края прибоя ленивых, искрящихся на солнце волн, следующее:

– Матильда, мы скоро уезжаем, но дай слово, что будешь мне писать о своей жизни, о своих друзьях, о всем сокровенном, о чем друзья говорят друг с другом. Обещаешь?

Матильда пристально посмотрела на меня и потом сказала, но совсем не о том, о чем я ее спрашивал:

– Витя, скажи мне, только правду, зачем ты ходишь со мной, так заботливо печешься обо мне? Я же вижу, как охотно и быстро ты стараешься исполнить всякое мое желание... Зачем ты это делаешь? Из жалости к одноглазой девочке? Вчера вечером, когда ты ушел, я никак не могла заснуть, всё думала о тебе. Ты казался мне таким дорогим, близким, хорошим. Наверное, я влюбилась в тебя! Мама говорит мне, что это мне вовсе ни к чему: во-первых, рано еще влюбляться, во-вторых, я тебе совсем чужая. Вы, богачи, нам не компания. Разве тебе не ясно, что у меня нет будущего? Умоляю тебя, скажи мне, зачем ты делаешь всё, чтобы я в тебя влюбилась?

От таких слов мне стало не по себе, даже неловко и страшно. Я взял

Матильду за руку, нежно ее погладил и сказал:

— Дорогая Матильда, я еще мальчик. Всею виной эта моя взрослость. Вседевочки, подругимоейсестры, привязываются, привыкают ко мне, как будто я одного с ними возраста, а на самом деле я на три года моложе. Есть во мне такой недостаток: я быстрее схожусь с девочками старше меня возрастом, чем с мальчиками одного со мной возраста. Не знаю, почему так получается, ведь ничего женственного во мне нет. Но это так: девочки нравятся мне больше мальчиков, и в дружбе с ними я и нахожу свое счастье... Когда ты поранила глаз, мне стало так больно, что я не знал, как помочь тебе. Ночь я не спал, все думал: наверное, мы все виноваты в твоём ранении, и я думал о тебе, болел за тебя. Следующие дни я тоже думал о тебе, мысленно говорил с тобой, утешал тебя, и ты становилась все ближе мне. Главным моим желанием было, чтоб ранение не оставило бы на твоём лице каких-либо шрамов или следов. И вот, когда тебя привезли из Митава и я узнал, что глаз твой остался таким же красивым, как и был, я понял, что успел мысленно привязаться к тебе, пока тебя не было рядом. И вот я перед тобой — большой твой друг. То, что ты говоришь, будто влюбилась в меня, это вздор. Я тебе друг, как и ты мне. Я могу делиться с тобой самым сокровенным, что живет во мне. Верь мне: дружба — это самое великое в нашей жизни, и то, что ты видишь во мне друга, которого любишь, радует меня ужасно.

233

Я говорил и даже не замечал, что держу всё время руку Матильды в своей. Я прижал ее руку к своей щеке. В глазах Матильды стояли слезы. Одна из них скатилась мне на руку. Боясь, что я наговорю чего-нибудь не к месту, я продолжил:

— Иногда я говорю не очень понятно, ты не придавай моим словам большое значение. Ты должна быть уверена, что во мне ты всегда найдешь друга, который сделает для тебя всё, что только может. А сейчас пойдём поплаваем немного?

И мы поплыли, как всегда, до пятого замеления, где глубина была уже по горло. Дальше дна достать было нельзя. Балтийское море холодное. Но в этом году оно было теплее обычного, и можно было не торопиться к берегу. Каждый раз, когда я плывал с Матильдой, я что-нибудь рассказывал ей из бесконечного запаса прочитанного. На этот раз я пересказал историю индийской девушки, полюбившей англичанина. Обычно такие истории кончаются тем, что англичанин бросает девушку и уезжает, забыв свои обещания навсегда. Но в этой истории описывалась другая развязка. В девушку был влюблен молодой индус. Он страшно ревновал англичанина и негодовал. Всеми силами он старался разлучить влюбленных, и однажды на охоте на диких зверей в джунглях он завел англичанина в непроходимые дебри джунглей и потихоньку смылся, оставив иностранца беззащитным и потерявшим всякую ориентировку, не понимающим, в какую сторону надлежит ехать, чтобы выбраться из логова зверей.

Но девушка была начеку, она не верила индусу и ожидала от него самого плохого. Когда она узнала, что индус вернулся с охоты один, сказав, что потерял англичанина из виду и что он думал, что англичанин давным-давно дома, то, не задумываясь ни на одну минуту, она попросила двух своих старших братьев отправиться на поиски любимого. Приближалась ночь, но девушка требовала незамедлительного выезда. Сама она тоже села на гнедого коня, и все помчались в джунгли, вооруженные до зубов. И вот, преодолевая все препятствия и опасности, они обнаруживают англичанина в деревянной заброшенной хижине, осажденной львами. Только яркими кострами удалось отогнать львов от хижины. Львы отступили, и все вместе с англичанином благополучно вернулись в город. Убедившись в любви молодой индуски, молодой англичанин женился на ней и увез ее на родину в Великобританию.

Матильда слушала меня, затаив дыхание. Когда я окончил, она плыла некоторое время молча, потом сказала:

— Где ты научился так образно и интересно описывать любовные истории? Ведь когда тебя слушаешь, кажется, что истории происходят у тебя на глазах.

Мы вышли на берег и легли греться под ласковыми лучами солнца, оно уже было не знойным, а очень приятным. Лежа, я чуть было не задремал, но очнулся вовремя. Девочка лежала с закрытыми глазами, казалось, что она спит. Разглядывая ее, я удивился, как это раньше, до трагического случая в лесу, я не замечал, насколько эта она была хороша собой. Я принимал ее за дурнушку — вернее, я не смотрел на нее вовсе. Но сейчас, лежа на песке, я внимательно изучал черты ее лица. Прямой нос, красивый изящный рот с ярко красными губами. Тут я вспомнил, какая яркая и обильная была ее кровь, вытекающая из раны. Я помнил цвет ее глаз — лазурно-голубые. Кожа лица гладкая, нежная и очень светлая. Только у правого глаза еще не зажившие порезы выделяются некрасивыми рубцами. Волосы каштановые — такие же, как и густые-прегустые брови. Но особенно красивы были у нее ресницы. Такие ресницы наклеивали женщины себе на веки в Вене, стараясь придать лицу выразительность и красоту. Но у Матильды длинные ресницы были свои. Матильда открыла глаза и улыбнулась.

— Ты что так уставился на меня? Думаешь, что я заснула? Нет, я не спала, а притворялась.

— Ты очень красивая, Матильда! Удивляюсь, как это я до сих пор не понял, какая ты красивая! Наверное, тебя в жизни ждет большое счастье. Я хочу, чтобы это сбылось.

Заканчивались последние дни нашего пребывания в Карлсбаде. С Матильдой мы договорились писать друг другу по одному подробному письму в месяц. Она настаивала на более частой переписке, но я был неумолим: кто знает, будет ли оставаться свободное время.

Провожать нас пришли многие знакомые матери, меня пришла проводить Матильда. Она была грустной, едва сдерживала слезы. Подошел дачный поезд, и все бросились помогать нам с посадкой: состав стоял всего три минуты. Главная посадка нас ждала в Риге: туда с нами отправились двое мужчин, чтобы помочь. В последний раз я посмотрел на Матильду, затем обнял и на глазах у всех крепко, крепко поцеловал. Матильда плакала, поспешно вытирая платком глаза. Я еще раз обнял и поцеловал бедную девочку, а она заплакала навзрыд. Я поспешно вскочил в вагон, и поезд тронулся. Мама с лукавой улыбкой сказала провожающим нас мужчинам:

— Наш Витенька не может не завести себе подружки, куда бы мы ни приехали. Но девочка действительно очень красивая...

— Мамочка, — вдруг вылезла Вера. — А когда мы приехали, Витенька ни на кого не смотрел, никого не замечал. Однако, конечно, не выдержал. А то я уже было перестала его узнавать: ведь он ни одной моей подруги не пропускал!

Я рассердился на Веру: чего это она вылезла со своими разъяснениями? Что подумают обо мне посторонние? Но раздражение скоро улеглось, и я стал думать о Любочке. Когда же ее увижу? За последний месяц я получил от нее два письма, но не написал в ответ ни одного. Дорога промелькнула быстро и незаметно. И вот скоро мы будем дома. Рион — последняя остановка перед Кутаиси. Здесь у нас пересадка на другой состав.

В Рионе нас встретила Ирочка! Нарядная, веселая, улыбающаяся, она лукаво посмотрела на меня и позволила чмокнуть себя в щечку.

— Представляете, за всё лето он не написал мне ни одного письма, ни одной строчки! Наверное, упивался обществом веселой девочки! Но ты мне ведь всё-всё расскажешь? А Вера подтвердит правильность твоего рассказа.

— Дорогая Ирочка, мы дружим с тобой уже пять лет, и я непременно обо всём тебе расскажу. Однако, боюсь, ты будешь разочарована: в Карлсбаде у меня была лишь одна знакомая — красивая, как картинка, но, конечно, не красивее тебя!

Иллюстрация Светлана Подаруева

Литературный журнал «Нате»

237

ДРАМАТУРГИЯ

Родился в 1989 году в Ленинграде, живу в Ленинградской области, работаю в Санкт-Петербурге. Писать для широкого круга людей начал недавно. В 2020-м получил гран-при на IV фестивале интересной поэзии «Собака Керуака», в 2023 дошёл до финала «Чемпионата поэзии». Состою в поэтическом союзе ИЛИ.

Автор трёх учебных пособий и более сорока научных статей, пишу диссертацию по механике подземных сооружений. А также песни, стихи, рассказы.

ПОДБЕРЕЗОВИК

пьеса в 3 действиях

Действующие лица:

ЧЕЛОВЕК — просто человек в черном пальто.

КРОТ — Арсений.

АВГУСТИНА — девушка в юбке.

СЛЕДУЮЩИЙ — за кротом и Августиной.

МАТЬ — как она есть.

РЕБЕНОК БЕЗ РУК — ее ребенок.

РЕБЕНОК С РУКАМИ — он же.

ГЕРАКЛИТ — Гераклит Эфесский, древнегреческий философ, создатель первой исторической или первоначальной формы диалектики; в черной тоге.

БЕРЕЗА — дерево.

239 ГОЛОВА — голова Человека.

Одуванчики, голоса, ветер.

ДЕЙСТВИЕ 1

Степь, дерево.

Человек в черном пальто восторженно слезает с дерева. Хоть это и неудобно: его ботинки периодически скользят по влажной осенней коре — но он всё-таки успешно слезает. После чего вдруг все чувства радости, возбуждения и легкого головокружения покидают Человека, а на смену им приходит апатия. Человек садится на траву, усеянную павшими листьями, и медленно вытягивает запах осени. Самонадеянно было залезть на дерево. Что он хотел этим доказать? Что даже в пальто и без перчаток он в состоянии залезть на дерево, пусть и не высокое? А главное: перед кем он хотел покрасоваться? Ведь до самого края горизонта расстилается степь. Дует ветер вперемежку с водяной взвесью.

ЧЕЛОВЕК (*шепотом*). Ни-ко-го. (*Встает.*) Эй! (*Складывает ладони рупором и кричит куда-то на северо-запад.*) Есть кто на горизонте? Никого. Я совсем один. Что это за дерево? (*Обходит его стороной.*) Береза.

КРОТ. Простите?

ЧЕЛОВЕК. Вы кто?

КРОТ. Меня зовут Арсений, извините, что напугал!

ЧЕЛОВЕК. Но вас же тут не было!

КРОТ. Да, верно, я слез с дерева только что. Примерно двадцать минут назад.

ЧЕЛОВЕК. Я вас не видел!

КРОТ. Да, всё верно. Просто вы спали, а потом молились, вот и не заметили.

ЧЕЛОВЕК. Молился?

КРОТ. Да, вы сложили ладони рупором и закричали далеко на... северо-запад.

ЧЕЛОВЕК. Это, по-вашему, молитва?

КРОТ (*пожимает плечами*). Да я как-то не знаток религии. Она не дает нам ответа.

ЧЕЛОВЕК. Ответа на что?

КРОТ. На вопрос, как вы забрались на дерево.

ЧЕЛОВЕК. А вы как?

КРОТ. А я раньше часто жил на этом дереве.

ЧЕЛОВЕК (*недоверчиво*). Да ну!

КРОТ. Да, а иногда под ним. Вообще-то, преимущественно под ним. Но в дождь, когда мои ходы затопляло, я забирался наверх.

ЧЕЛОВЕК. Сейчас топило?

КРОТ. Нет, сейчас я просто слез с дерева.

ЧЕЛОВЕК. Погодите, забрались-то вы как?

КРОТ. А я всегда жил наверху.

ЧЕЛОВЕК (*раздраженно*). Так, послушайте! Что вы говорите ерунду? То вы в корнях живете, то наверху. Определитесь уже, в конце концов!

Крот исчезает под порывом ветра. Человек обходит вокруг дерева, смотрит вниз и вверх, не понимает, куда пропал Крот.

АВГУСТИНА. Он часто так делает.

241 ЧЕЛОВЕК. Вы кто такая?

АВГУСТИНА. Я Августина. А Арсений вас просто обманул.

Августина садится под дерево, где некогда сидел Человек, широко расставив ноги и прислонившись к березе спиной. Ее юбка небрежно сложилась, обнажая белые ноги.

АВГУСТИНА. На самом деле Арсений — крот. Потому он и живет под берёзой.

ЧЕЛОВЕК. Крот-подберезовик? Час от часу не легче! А вы-то сами кто?

АВГУСТИНА. Я сказала — Августина.

ЧЕЛОВЕК. Да, а я пушистый шарик бытия! Как вы сюда попали?

АВГУСТИНА. Я тоже слезла с дерева.

ЧЕЛОВЕК (*вскипая*). Но я был на этом дереве! И когда я на нем был, ни вас, ни Арсения, там не было! Дерево очень тонкое и невысокое.

АВГУСТИНА. Дерево огромное. Оно словно вертикальный кит. На его спине хватит места всем.

ЧЕЛОВЕК (*успокаиваясь*). Глупое сравнение.

АВГУСТИНА. Вы глупый.

ЧЕЛОВЕК. Давайте не будем обзываться! Ладно, допустим, вы действительно слезли с дерева. Зачем? Какие у вас дальнейшие планы?

АВГУСТИНА (*смотрит на степь отрешенно*). А какие тут могут быть планы?.. Плыть по ветру.

ЧЕЛОВЕК (*усмехаясь*). Чтобы плыть по ветру, нужно быть бабочкой или паутинкой или пушинкой одуванчика, в конце концов!

АВГУСТИНА (*улыбается*). Спасибо вам за прекрасную идею!

Голова Августины превращается в белоснежный и пушистый шарик бытия, отрывается от тела, бескровно и легко, взрывается тысячью нежных пушинок и уносится в степь. Тело утоньшается, вянет, желтеет, коричневеет, чернеет, ломается, как спичка, впитывается почвой.

ЧЕЛОВЕК (*ошарашенно*). Так вот оно как происходит...

СЛЕДУЮЩИЙ. Как происходит? Вы кто?

ЧЕЛОВЕК (*уже спокойно*). А вы кто? А, я, кажется, догадался, вы слезли с дерева! Вы следующий!

СЛЕДУЮЩИЙ (*негодую*). Что-о-о? Следующий за кем? Не-е-ет! Я занимал раньше, я был раньше вас! Я не уступлю своей очереди! Я здесь уже минут двадцать как торчу! Жду, когда... дадут.

ЧЕЛОВЕК. Что дадут?

СЛЕДУЮЩИЙ. Да хоть что! Мне что много надо? Я вот тут стою, а очередь идет. Вы за мной. А кто перед вами был?

ЧЕЛОВЕК (*пожимая плечами*). Был крот Арсений и одуванчик Августина.

СЛЕДУЮЩИЙ. Мать честная! Так моя ж очередь подошла! Посторонитесь!

Нетерпеливо толкает Человека в сторону, заходит за березу. С другой стороны вываливается куча сырого мяса.

ЧЕЛОВЕК (*испуганно*). Бляха! Что это за мать вашу?!

МАТЬ. Не кричите, пожалуйста! Тут дети.

РЕБЕНОК БЕЗ РУК. Мама! А что такое «бляха»?

МАТЬ. Вот видите, что вы наделали!

ЧЕЛОВЕК. П-простите, просто тут человек стал мясом!

МАТЬ. Ой, как хорошо! Давно пора. А всё жду, когда свежее мясо появится! О, мой огорченный сын! Из этого мяса будут тебе руки.

Так

и

случается.

ЧЕЛОВЕК (*собравшись*). Извините, сударыня мать! Можно поинтересоваться?

МАТЬ. Да, конечно, добрый Человек!

ЧЕЛОВЕК. А что здесь вообще творится?

МАТЬ (*удивленно оглядывается*). Ну, как что? Поле, береза стоит.

ЧЕЛОВЕК. Да, я понимаю, но смотрите: все слезают с этого дерева, а потом тем или иным образом пропадают.

243

МАТЬ. Ничего подобного! Я вот не слезала!

РЕБЕНОК С РУКАМИ. А я слез!

МАТЬ. Вот оно нынешнее поколение! Лишь бы по деревьям лазать!

Ребенок с руками смеется, его смех теряется где-то в степи, как, собственно, и сам ребенок.

МАТЬ. Ой! Час от часу не легче! Мой торжествующий сын потерялся!

ЧЕЛОВЕК. Вот видите, сударыня мать, я же говорил вам!

МАТЬ. И что теперь делать? Где его искать в этой пустынной степи?

ЧЕЛОВЕК. Степь то пустынная, да все в ней куда-то деваются.

МАТЬ. Ну, и что вы тогда стоите?

ЧЕЛОВЕК. Да я уж лучше буду стоять, нежели внезапно стану одуванчиком или ветром.

МАТЬ. Что вы за глупости говорите! Человек не может стать ветром!

ЧЕЛОВЕК. А вот господин перед вами стал мясом.

МАТЬ. Это другое дело! Все мы мясо, мясом рождаемся и мясом помираем.

ЧЕЛОВЕК (*пораазмыслив над этими словами*). А потом?

МАТЬ. Что потом?

ЧЕЛОВЕК. Потом что мы делаем? (*Догадываясь.*) Может, все мы слезаем... с дерева жизни, перед тем, как... Может, мы с вами, сударыня мать, в Чистилище?

МАТЬ. У вас руки грязные!

ЧЕЛОВЕК. С дерева слезал.

МАТЬ. И ноги!

ЧЕЛОВЕК. Да, но я говорю про Чистилище — знаете, это место такое перед адом или там... раем.

Слышится смех ребенка.

МАТЬ. Ой, мой причудливый сын рядом! (*Человеку.*) Хватит ерунду говорить! Поле и береза — что вам еще нужно?

Мать неслышно убегает внутрь степных трав. Какое-то время Человек стоит в одиночестве, словно чего-то ждет. Потом заходит за березу и выпрыгивает. Ничего не происходит. Он пытается прыгнуть и машет руками, как крыльями. Тот же результат. Он начинает наигранно хохотать. Он хочет все громче и громче, к его голосу примешивается голос ребенка, с востока прилетает пух одуванчиков, всё больше и больше, словно все дети мира единодушно подули в эти хрупкие тельца растений. Свет медленно гаснет, Человек успокаивается, сипло дышит в тишине и тьме.

КОНЕЦ 1 ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ 2

Человек снова и снова пытается залезть на дерево. Его ботинки скользят, рукам постоянно не за что зацепиться, в глаза то и дело попадают частички коры или мха.

ГЕРАКЛИТ (*поправляя тогу*). Нельзя залезть на одно и то же дерево дважды!

Человек прекращает попытки залезть на дерево, тяжело дыша, смотрит на Гераклита.

ЧЕЛОВЕК. Здрасьте!

Гераклит величественно кивает головой.

ЧЕЛОВЕК (*отдышавшись*). А слезать можно?

ГЕРАКЛИТ. Слезать можно. Мы всё время слезаем с дерева.

ЧЕЛОВЕК. Ну, хорошо. А куда потом все исчезают?

ГЕРАКЛИТ. А кто есть все?

ЧЕЛОВЕК. Ну, (*загибает пальцы*) Арсений, Августина, этот, следующий за ними, мать с ребенком. Теперь вот вы ещё. Появились с дерева, потом исчезнете. Как вас, кстати, зовут?

ГЕРАКЛИТ. Гераклит Эфесский.

Человек поднимает брови. Обходит Гераклита со спины.

ЧЕЛОВЕК. От оно что... Но, позвольте, вы же мертвы как тыщу лет!

ГЕРАКЛИТ (*оскорбившись*). Да как вы смеете! Я на вас пожалуюсь Луцию!

ЧЕЛОВЕК (*кивает головой*). Да. Это подтверждает мою гипотезу, что я в Аду! Ну, или в Чистилище.

ГЕРАКЛИТ. Вздор! В Чистилище не так, был я там.

ЧЕЛОВЕК. Ага! Попались! Сами признались, что умерли!

ГЕРАКЛИТ. Смерть тела — ничто!

ЧЕЛОВЕК. Да не скажите! Мне вот как-то не по себе от мысли, что я мертв.

ГЕРАКЛИТ (*оглядывает Человека*). Вы не мертвы!

ЧЕЛОВЕК. Тогда где я?

ГЕРАКЛИТ. Как где? Вот поле, посреди него стоит берёза.

ЧЕЛОВЕК. И вы о том же!

ГЕРАКЛИТ. А что, так уже кто-то говорил?

ЧЕЛОВЕК. Да, одна несчастная мать.

Молчат.

ГЕРАКЛИТ. Хочу в свою очередь поинтересоваться, а вы сами кто?

ЧЕЛОВЕК. Я?

ГЕРАКЛИТ (*иронично*). Из всех присутствующих я обратился именно к вам.

ЧЕЛОВЕК. Ну. (*Пауза.*) Я это я. (*Пауза.*) Я слез с дерева и теперь не могу...

ГЕРАКЛИТ. Верно! Но кто есть вы?

ЧЕЛОВЕК. Озадаченно уходит за березу. Резко выбегает из-за нее. Непонимающе комментирует все свои действия. Делает шаг назад. Испуганно взмахивает руками. Пываиффя вавыфь вефе рот. Ай! Кусает свою ладонь! Теряет дар речи!

ГЕРАКЛИТ. Отрешенно наблюдает за тем, как в попытке ответить на достаточно простой вопрос Человек принялся комментировать свои действия.

ЧЕЛОВЕК. Хаотично мотается из стороны в сторону, подбегает к Гераклиту, пытается задать ему вопрос, но всё что он может, это повторять описание своих действий!

ГЕРАКЛИТ. Предлагает успокоиться и покориться текущему состоянию вещей.

ЧЕЛОВЕК. Человек неровно дышит, исступленно смотрит на Гераклита!

ГЕРАКЛИТ. Прохаживается в позе ментора вокруг березы и Человека. Смотрит с прищуром на его грязную одежду.

ЧЕЛОВЕК. Пытается выровнять дыхание.

КРОТ. Неожиданно появляется из ниоткуда.

ЧЕЛОВЕК.

ГЕРАКЛИТ.

Удивленно смотрит на Крота.

Удивленно смотрит на Крота.

ГЕРАКЛИТ. С приветственным жестом отдает поклон.

ЧЕЛОВЕК. Пытается задать очередной вопрос, но вместо этого... Опять!.. Замолкает.

КРОТ. Усмехается. Подходит к Человеку и знаками показывает ему, что нельзя одновременно говорить и комментировать произносимое.

ЧЕЛОВЕК. Озадаченно смотрит на Крота. Затем возбужденно вскидывает руку и неприличным жестом показывает, что он, кажется, и так это понял!

КРОТ. С улыбкой на лице удовлетворенно кивает.

ЧЕЛОВЕК. Выражает обеспокоенность и непонимание происходящего. Он выжидающе молчит.

Пауза.

КРОТ. Поднимает палец вверх.

ЧЕЛОВЕК. Поднимает голову, следя за направлением пальца крота. Непонимающе пожимает плечами.

247

КРОТ. Исполняет танцевальную пантомиму, смысл которой сводится к тому, что существует тысяча способов описать свою речь, не произнося слова непосредственно.

ЧЕЛОВЕК. Задумчиво кивает головой, затем начинает отплясывать... Присядку!.. своим танцем... задавая... вопрос... почему... теперь все... говорят... так?.. Разводит руки в стороны, закончив танец. Тяжело дышит...

КРОТ. Крутит пальцем у виска, намекая, что больно сложный танец ты, брат, выбрал для описания своих мыслей.

ГЕРАКЛИТ. Принимает торжественную позу, собираясь поделиться с окружающими нахлынувшей на него идеей. После чего...

Гераклит исчезает.

КРОТ. Всегда так.

ЧЕЛОВЕК. Непонимающе. В смысле... Я теперь нормально говорю?

КРОТ. Да. С ним всегда проблемы. Гераклит — достаточно старая версия.

ЧЕЛОВЕК. Версия чего? Версия чего? Программы? Я в компьютерной программе?

КРОТ. Да нет! Версия всего.

ЧЕЛОВЕК (*раздражаясь*). Нет, ты мне на всё ответишь! Что здесь творится? (*Хватает крота и начинает трясти.*) Кто ты такой? Кто вы все такие? Что это за дерево? Что происходит?

Крот превращается в черный бархатный пиджак. Человек со злостью кидает его на траву и начинает топтать. С дерева падает яблоко.

ЧЕЛОВЕК (*вверх*). Это береза!

БЕРЕЗА. СКУШАЙ ЯБЛОЧКО.

Человек хватается за голову и убегает за левую кулису сцены. Появляется ребенок. Подбирает яблоко, садится под деревом и начинает есть. Из-за правой кулисы сцены выбегает Человек.

ЧЕЛОВЕК. Закольцовано. (*Видит ребенка.*) Тебя я знаю! Ты Ребенок с руками.

РЕБЕНОК С РУКАМИ. Верно. Я ем яблоко, добрый человек.

ЧЕЛОВЕК. Ладно, ешь.

Подходит к ребенку, садится рядом, гладит его по голове.

248

ЧЕЛОВЕК. Ешь-ешь. Послушай. (*Берет ребенка за плечи, смотрит ему в глаза.*) А ты вообще понимаешь... происходящее?

РЕБЕНОК С РУКАМИ. Разумеется!

ЧЕЛОВЕК. Тогда скажи мне, пожалуйста, что происходит? Где мы?

РЕБЕНОК С РУКАМИ. Здесь поле...

ЧЕЛОВЕК. Да-да, и береза!

РЕБЕНОК С РУКАМИ. Ага! И яблоко. (*Жует.*) Вкусно.

ЧЕЛОВЕК. Хорошо. Почему на березу нельзя залезть?

РЕБЕНОК С РУКАМИ. Она высокая.

ЧЕЛОВЕК (*подумав*). А почему можно слезть?

РЕБЕНОК С РУКАМИ. Земля помогает.

ЧЕЛОВЕК. Куда все пропадают?

РЕБЕНОК С РУКАМИ. А им надоело.

ЧЕЛОВЕК. Что надоело?

РЕБЕНОК С РУКАМИ (*доедая яблоко*). Всё. Я поел.

Ребенок ложится на траву и превращается в камень. Он спит под деревом окаменело. Словно черный забытый сон.

ЧЕЛОВЕК (*долго смотрит на камень*). Я уже сам хочу окаменеть! Скончаться, сном забыться. Я уже забыл имя свое, забыл весь свой путь... Мы ляжем с тобою ветер на этот камешек смерти.

Человек ложится на камень и закрывает глаза. Свет медленно гаснет.

КОНЕЦ 2 ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ 3

Человек спит на траве под деревом, обнимая Августину. Она просыпается, медленно снимает его руку, боясь разбудить. Потом встает, снимает туфли и начинает кружиться босиком вокруг дерева по траве. Затем садится к Человеку, гладит его волосы.

АВГУСТИНА. Ты никогда ничего не поймешь. Твой удел вечно плыть по ветру.

ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА (*надмирно*). Почему? Почему сон и явь? Почему береза и поле? Почему ты и я? Почему день и свет? Почему ночь и тьма?

АВГУСТИНА (*встает и начинает кружиться*). Почему пух и ветер? Почему веселье и радость? Почему полет и солнце?

ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА. Почему стебель и гниль?

АВГУСТИНА. Почему корни и вода? Почему руки и ветви?

ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА. Почему вопросы и безмолвие?

АВГУСТИНА. Почему счастье от жизни?

ЧЕЛОВЕК. Почему есть смерть?

АВГУСТИНА. Почему не было смерти? Никогда-никогда! Никогда-никогда!

Августина закручивается в танце, и ее хрупкое женское тело уносит сильный порыв ветра. Человек просыпается. Он ищет камень, но находит туфли Августины. Он кладет их под дерево. Рядом на траве видит истоптанный пиджак Арсения. Человек поднимает пиджак — оказывается, что это ростовой костюм крота. Надевает, поправляет лапками усы.

ЧЕЛОВЕК (*в зал и немножечко вверх*). Я Крот. Меня зовут Арсений. Я живу под деревом.

Ищет вход, встает на колени, начинает рыть землю.

МАТЬ. Так руки ещё грязнее станут! Только посмотрите на него, честные люди! Львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, журавли, майские жуки! Вот вам и крот! Костюм напялил, будто ему шесть лет!

БЕРЕЗА. ОН РАСКАПЫВАЕТ МОИ КОРНИ.

МАТЬ. Молодой Человек! Я с вами разговариваю!

ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА (*вне его тела*). Я никого не слушаю, я хочу докопаться до сути.

БЕРЕЗА. МНЕ ХОЛОДНО.

МАТЬ. Что вы делаете? Ей же холодно!

АВГУСТИНА (*появляется из-за березы и подбирает свои туфли*). Пречистая мать! Пусть попробует! Скоро всё станет на места.

Мать и Августина исчезают. Просто как точки после этих слов. Человек пытается докопаться до корней, но вместо этого находит копию самого себя — свою голову. Он садится под березой, держа голову в руках. Смотрит ей в свои/ее глаза.

ГОЛОВА. Я знаю, что у тебя есть вопросы. Но чем дальше ты копаешь, тем больше их будет.

ЧЕЛОВЕК. Твои предложения?

ГОЛОВА. Можно я прочту стихи?

ЧЕЛОВЕК (*пожимает плечами, ставит голову на траву*). Давай.

ГОЛОВА (*декламирует*). Я помню прозрачность воды моря.

Я вижу прозрачность горящего газа.

Стань сердцем, бейся в моем теле.

Я стану кровью.

ЧЕЛОВЕК. Это глупые стихи.

ГОЛОВА. Ты глупый.

ЧЕЛОВЕК. Ох, да. Я очень глупый! И самая главная моя глупость, что я не могу с этим смириться!

Человек смотрит на восток.

ГОЛОВА. Почему ты не ветер?

ЧЕЛОВЕК (*подумав*). Потому что... тяжелый?

ГОЛОВА. Почему ты не мертвый?

ЧЕЛОВЕК. Потому что... дышу?

ГОЛОВА. Почему ты несчастлив?

ЧЛОВЕК. Я не знаю.

ГОЛОВА. Если бы ты был счастлив, ты бы знал это?

Человек садится на траву, берет Голову в руки.

ЧЕЛОВЕК. Я закопаю тебя обратно.

ГОЛОВА. Я лягу в почву и стану гифом. Я напитаяю корни дерева соком своих мыслей. Мое Отечество. Аминь.

Человек снимает с себя костюм крота, заворачивает в него голову, кладет в ямку и закапывает. Сверху падает яблоко. Человек подбирает его и ест.

ЧЕЛОВЕК. Допустим, я часть этого дерева. Тогда неважно, что вокруг.

Человек ложится под дерево и становится его корнем. Он закрывает глаза. Теперь он стал частью дерева. Августина плачет от счастья и улетает. С дерева падает яблоко, ребенок подбирает его и ест. Он становится камнем. Крот появляется в новом коричневом бархатном пальто, отводит Гераклита за кулисы. За ними спешит Следующий в надежде на дармовщину. Приходит беременная мать. Она медленно кружится в каком-то вальсе. Она счастлива. Августина прилетает, словно облако или пушистый шарик бытия. Звучит музыка ветра. В конце все покидают сцену, все исчезли, только голая степь кругом.

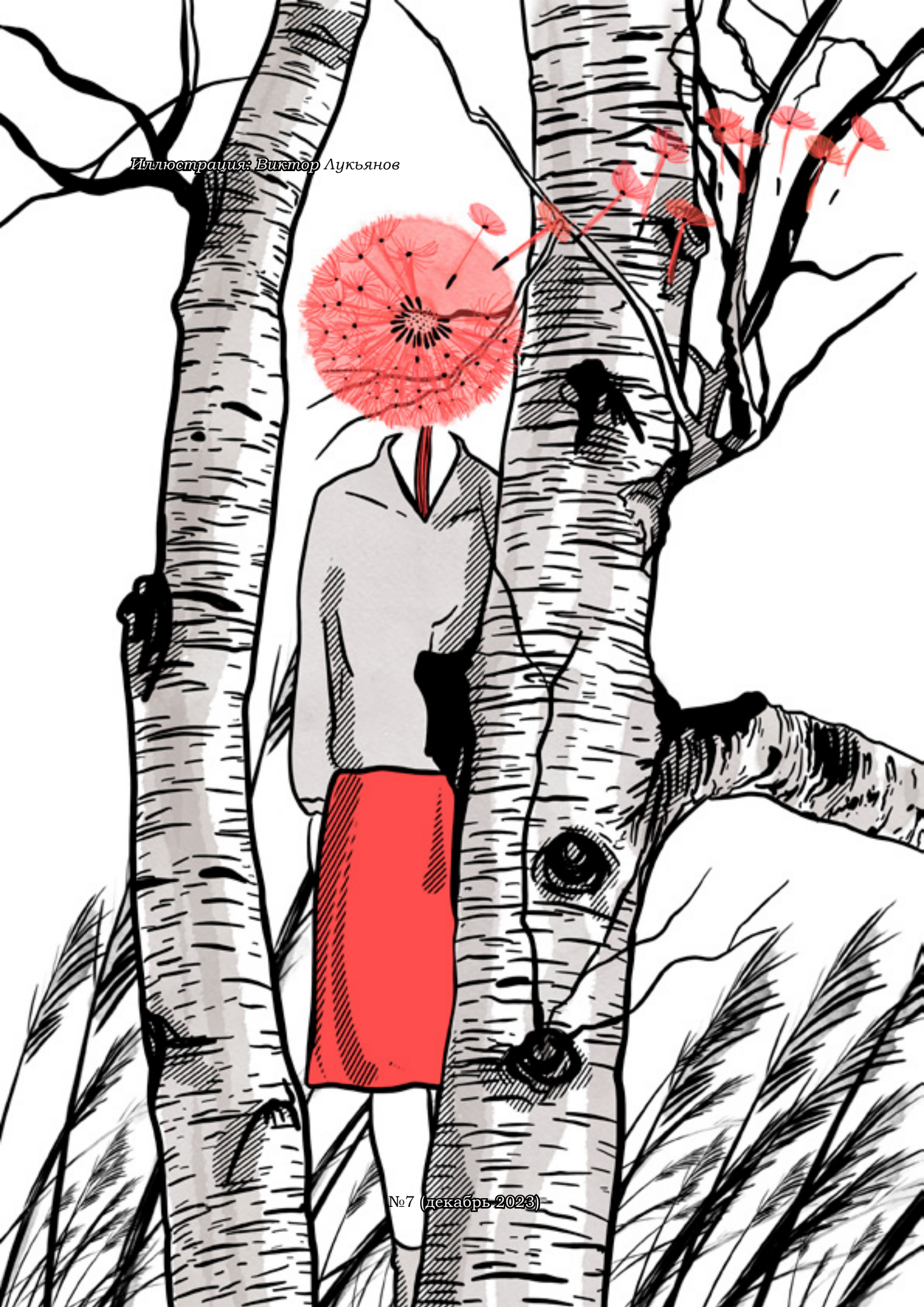
Человек слезает с дерева. Хоть это и неудобно: его ботинки периодически скользят по влажной осенней коре — но он всё-таки успешно слезает. После чего вдруг все чувства радости, возбуждения и легкого головокружения покидают Человека, а на смену им приходит апатия. Человек садится на траву, усеянную павшими листьями, и медленно втягивает запах осени.

ЧЕЛОВЕК. Я спал, а потом молился. И всё равно никого. (Шепотом.) Ни-ко-го. (Пауза, встает.) Эй! (Складывает ладони рупором и кричит куда-то на северо-запад.) Есть кто на горизонте? (Говорит всё тише и тише.) Никого. Странно. Что это за дерево? (Обходит его стороной.) Это клен...

Пока звучит монолог Человека, свет медленно гаснет. Звуки ветра. Осень.

КОНЕЦ

Иллюстрация: Виктор Лукьянов

Родилась в Казани.
Окончила драматургическую
магистратуру РГИСИ в Петербурге
(курс Натальи Скороход),
как драматург участвовала
в совместном проекте Эрмитажа
и РГИСИ «Чудесный источник»
(2022).

Педагог французского языка,
работает с детьми (рисование,
комиксы и сторителлинг), изучает
теорию комикса и его взаимосвязь
с другими видами искусства.

Защитила диссертацию
по теме «Трансформация
зрительского восприятия
в театрально-музейных проектах».
Пьесы входили в шорт-листы
конкурсов драматургии
«Ремарка» и «Любимовка» (2020,
2023).

РЫБАЛКИНА

Пошел Иван в Гостиный двор

Действующие лица:

Иван — молодой человек с телефоном.

Нина — жена Ивана, существует в телефоне.

Три продавщицы (Оля, Маша и Таня).

Охранники.

Витек — гравер, бывший одноклассник Ивана.

Сцена 1

Большой Гостиный двор — памятник архитектуры Санкт-Петербурга, построен по приказу такой-то императрицы, в таком-то веке по просьбе купцов таких-то. Неоднократно горел и перестраивался. Здесь размещались лавки известных брендов, торговали перинами, мехами, тканями, серебром, зеркалами. Сейчас является достопримечательностью, универмагом для туристов, который практически бесполезен для местных жителей из-за странного ассортимента товаров, а также их дороговизны. В одном из строений Гостинки находится центральная станция метро. Ее нередко закрывают из-за страха столпотворений во время гуляний горожан.

255

Иван идет вдоль витрин Гостиного двора, осматривает товары и разговаривает по телефону с женой Ниной.

НИНА. Ты чего такой довольный?

ИВАН. Тут пирожки ниче так. Съедобные.

НИНА. А ты в Гостинку зачем пошел?

ИВАН. За этим, за сервизом.

НИНА. А сам что покупаешь?

ИВАН. Ну как? Пирожки.

НИНА. Это ты специально решил меня побесить?

ИВАН. Да нет. Куплю я эти чашки.

НИНА. А помнишь, зачем они нам?

ИВАН. Чай пить, сама же сказала.

НИНА. Они вообще-то для праздника.

ИВАН. Ну, вот.

НИНА. Не говори, что не знаешь, для какого.

ИВАН. Ты вроде бы хотела отметить — на нашей новой кухне первый раз чай устроить. Да?

НИНА. Да. И сервиз я заранее выбрала, осталось только его купить. Название помнишь?

ИВАН. Черт, забыл. Там этот нарисован мужик какой-то.

НИНА. Я тебе говорила, писатель Доб...

ИВАН. Добрынин, что ли?

НИНА. Тьфу ты! Какой Добрынин, Вань? Ну, какой Добрынин?

ИВАН. Я плохо запоминаю фамилии.

НИНА. Издеваешься? Сервиз с Добролюбовым, Ваня! Запомни — добро и любовь. Доб-ро-лю-бов.

ИВАН. А! Это как проспект Добролюбова, что ли?

НИНА. Вот, умница, можешь же, когда захочешь. Люблю тебя.

ИВАН. И я. Слушай, столько дверей, запутаться можно.

НИНА. Там всё просто. Гостиный двор.

ИВАН. И во дворе тебя ждут одни неприятности, ха-ха-ха.

НИНА. Заходишь, увидишь будку гравера, не обращаешь на нее внимания, идешь дальше, всё прямо и прямо. Никуда не сворачиваешь.

ИВАН. Давай ты сама, а? Купишь себе именно то, что хочешь. А? Тогда точно не ошибешься. Я тебе всё оплачу.

НИНА. Я сейчас закричу!

ИВАН. Нин!

НИНА. И трубку брошу.

ИВАН. Нина, из магазина! Нинок, не кипятись!

НИНА. Всё уже вроде наладилось: ремонт, кухня, занавески повесили, осталось только сервиз купить — и всё! Заживем, как цивилизованные люди!

ИВАН. Ладно. Я тебя услышал. Давай объясняй конкретно, куда идти.

НИНА. Направь телефон на полки, я тебе подскажу.

Иван направляет телефон на витрины.

НИНА. Выше подними, вот, я теперь вижу, это Садовая линия у переулочка Крылова. Ок. Теперь покажи мне левую витрину.

ИВАН. Так?

НИНА. Левее, левее, стоп. Правее, чуть ниже. Да, вот отсюда веди в сторону. Так, так.

ИВАН. Смотри, тут тарелочки какие-то есть.

НИНА. Покажи, покажи. Нет. Не то. Это сувенирный отдел.

ИВАН. И еще чашечки вот такие. Подойдут?

НИНА. Нет, эти дурацкие, веди дальше.

ИВАН. О! Подстаканник стоит. Как в поезде, со стаканом, прикинь? А чего это он такой дорогой? Стоит, как целый поезд.

НИНА. Давай подальше от стаканов уйдем, ладно?

ИВАН. Ну и название у него! Кто такое придумал? — Подстаканник «Герб».

НИНА. Нам такое не надо.

ИВАН. «Императорский фарфор». Ты видела? Тут вся Гостинка в этих императорах, они везде: на стенах, на полках, на мороженом. Тебе нужен сервиз с императором? А че так? Хороший мужик. Можно было бы взять.

НИНА. Давай направо.

ИВАН. Какая тебе разница, кто на тебя с чашки смотрит: борода с очками и или Медный всадник? Ой, там легио!

НИНА. Ваня!!!

ИВАН. А что такого? Ладно. Поехали дальше. Видишь? Икра. Ювелирный. Часы. Ремни. А чего ты сама не пошла вместе со мной искать?

НИНА. Это мое бывшее место работы, не хочу там светиться.

ИВАН. А че тут продавщицы какие-то хмурые? Они, похоже, вообще никогда не улыбаются.

НИНА. Работа у них такая. Держать лицо.

ИВАН. Тут какая-то ленточка полосатая висит.

НИНА. Вот я дурында! Совсем забыла. Гостинка же по средам закрывается в семь. Никого не впустят и не выпустят. У них же там свои особенности.

ИВАН. А если я не успею купить?

НИНА. Тогда придется обходить все заграждения и идти пешком до Сенной... главное, никуда не вмешиваться и не лезть с вопросами к охране. Стоп. Кажется, пришли. Вот он. Сервиз. Стоит. Покажи-ка! Похоже это он.

ИВАН. Где? Этот?

Иван направляет телефон на витрину с посудой в отделе сувениров.

ИВАН. Это точно сервиз Добролюбова?

Иван тянет руку к витрине, отодвигая полосатую ленточку.

Затемнение. Звук удара. Звук падающего тела сопровождается звуком падающего телефона.

Сцена 2

Затемнение рассеивается. Иван лежит с закрытыми глазами на полу в отделе часов. Не двигается. В стороне валяется телефон. Стекло на нем треснуто. К Ивану подходят Продавщицы, они наклонились и рассматривают его, пытаются приподнять.

В глубине сцены стоит кабинка гравера. Там сидит Витек. Его не видно.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Его надо куда-нибудь убрать от греха подальше.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Охранники придут. Будут проблемы.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Давайте к граверу его откатим и сразу забудем.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Не, он на нас настучит. Это же двери виноваты. Не мы.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Двери, они такие, всегда виноваты, когда кто-то упал.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Двери у нас тугие, любят мстить. Особенно по средам: бьют наотмашь.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Мне кажется, что это Нинкин муж. Я его часто видела. Он все время тут ходит, ее ищет.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Она же вроде во дворе Гостинки сидит.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Ходи-не ходи... Ее все равно не выпустят. Дурак он. И зовут его Иван, вроде.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Когда она работала у нас, то упрашивала всех кричать. Говорила: «Давайте, давайте, не молчите — кричите!»

ПРОДАВЩИЦА МАША. Вот ее и уволили.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Правильно. Нечего кричать. Она надоела тут со своим Добролюбовым. Типа: «Он все знал! „Уважение к собственному достоинству потерялось“! Почитайте!». Она бы еще вопросы начала задавать.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Она и задавала. Иногда шепотом, у туалета, пока никто не слышит.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Но кто-то всё равно услышал. Не проскочило. Вот, во дворе теперь сидит. Докричалась.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Нинка — дурочка. Рыпаться бесполезно. Кричать бесполезно. Вопросы задавать бесполезно. Сколько говорили уже! Так до панической атаки себя довести можно.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Ты только что сказала слово «сколько».

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Оно не вопросительное, ты гонишь. И вообще оно уже разрешено.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Да, разрешили месяц назад.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Но я слышала, что его вчера снова отменили.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Вы меня запутали. Отменили то, что отменили? Значит, не будем пока говорить «сколько».

ПРОДАВЩИЦА МАША. От греха подальше.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. А этот всё лежит. Может растормошить его?

ПРОДАВЩИЦА МАША. Пусть лежит. Вопросов не задает.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Он в таком виде даже вроде ничего. Смотрится.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Ну, ты сказала! Мужик как мужик. Чужой. Да, еще и проблемный.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Ну и пусть. Иван — ниче так.

Иван внезапно открывает глаза, садится и чешет рукой ушибленную щеку.

ИВАН. Я что? В отключке был?

Иван вскакивает.

259

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Вот, очухался наконец-то.

ИВАН. Первый раз со мной такое. Это Гостинка? Странно. Не фигу себе.

Иван ощупывает лицо, двигает рукой челюсть, кладет две руки себе на грудь, как будто ищет сигареты по карманам, потом на живот, осматривает себя.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Сейчас вопросы начнет задавать.

ИВАН. Кто это меня так?

ПРОДАВЩИЦА МАША. Мы не в курсе.

ИВАН (трет шею). Мне надо зеркало. У вас есть зеркало?

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Вот так вот сразу! Ну и покупатель пошел! Мультикарту никто не покупает, а зеркало им сразу подавай.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Зеркало у нас только в витринах или в туалете. Но туалет закрыт.

ИВАН. Почему?

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Вот опять ненужный вопрос. Потому что его в аренду сдали.

ИВАН. И как теперь?

ПРОДАВЩИЦА МАША. Блин. Давайте без вопросов. Мы терпим.

ИВАН. А зачем терпеть?

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Тише! Слишком много вопросов, дорогой — хороший.

ИВАН. Я хочу посмотреть, сильно мне физиономию помяли или нет. А то стыдно будет жене в таком виде показаться.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. А некоторым синяки и шрамы очень даже идут.

ИВАН. Я вообще-то за сервизом пришел.

Включается сигнализация, но тихо.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Знаем, знаем. Не в первый раз.

ИВАН. Вообще-то в первый. Эй! (смотрит на разбитый телефон) А кто разбил мне телефон?

Включается сигнализация, чуть погромче.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Знаем, знаем. Не в первый раз.

ИВАН. В смысле? Я с женой сейчас разговаривал, а меня кто-то вырубил.

Сигнализация звучит еще чуть громче.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Знаем, знаем. Не в первый раз.

ИВАН. Что вы заладили? Что у вас тут происходит? (*Сигнализация включается-выключается*) Сигнализация у вас сломалась, похоже.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Знаем, знаем, Иван-ниче так».

ИВАН. Остановитесь, вы! Люди. Ау!

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ, МАША, ОЛЯ (*вместе*). Я ничего не знаю.

ИВАН. Мне надо срочно позвонить жене. Дайте телефон, пожалуйста.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ (*прячет руки*). Мы не можем вам помочь.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Пардон.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Нет.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ (*показывает на объявление, объявление висит на будке гравера и говорит шепотом*). Посмотрите, там объявление висит.

ИВАН. Дурдом какой-то. Обложились тут своими императорами, и мозги в стопочку склеили.

Иван подходит к объявлению и читает.

ИВАН. «Зеркальная линия. Большой Гостиный двор. Со вчерашнего дня снова запрещены вопросительные слова „Сколько“, „Сколько

стоит“, „Почем“, „Как купить“, „В какую цену“».

Прикольно! Похоже на квест.

«Напоминаем, что категорически запрещается задавать любые вопросы на территории Императорского Гостиного двора (ЛЮБЫЕ!!!) в часы его работы с 8.00 до 21.00».

Так. Кто это писал?

«Также остаются запрещенными (полагается штраф до 4 тысяч МРОТ) следующие слова „Чай, чайник, сервиз и любая посуда“. ПРОИЗНОСИТЬ ИХ КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕЛЬЗЯ!»

Не понял...

«В случае повторного нарушения данного правила руководство Гостиного двора имеет право задержать ответчика на неопределенный срок во дворе Гостиного двора до выяснения обстоятельств».

Задержать, это они хватили, конечно.

«П.С. Просим вас из чувства солидарности сообщать обо всех нарушениях данных правил охране. На территории Гостиного двора ведется звуконаблюдение».

261

ИВАН. Они с ума тут посходили, что ли, волкодавы? (*длинный звук сигнализации*)

ИВАН. Это что? (*короткий звук сигнализации*) Звуконаблюдение такое?

ИВАН (*шепотом*). Это от меня? (*короткий звук сигнализации*)

ИВАН (*еще тише*). Очуметь. (*еле слышимый звук сигнализации*)

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Если бы он на самокате ездил по Гостиному двору, я бы ничего не сказала.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Если бы он ругался матом или громко музыку включал, я бы ничего не сказала.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Если бы он принес большую палку и задевал витрины, я бы ничего не сказала.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. ПРОДАВЩИЦА МАША. ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. (*хором*) Но он задает вопросы!!!

Подходят охранники к продавщицам.

ОХРАННИКИ. Проблемы.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Проблем нет. У нас клиент.

ОХРАННИКИ. Клиент. Мешает. Говорит. Шумит.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Всё в порядке.

ОХРАННИКИ. Всё в порядке. Пишет надписи. Задает вопросы.

Кричит.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Пока нет. Клиент упал.

ОХРАННИКИ. Всё в порядке. Клиент упал.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Всё в порядке. Клиент встал.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Всё в порядке. Телефон упал и сломался.

ОХРАННИКИ. Всё в порядке. Клиент сломался. (*ржут*)

Подходит Иван к охранникам и к продавщицам.

ИВАН. Там... Это...

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Объявление. Мы не задаем вопросов. Всё в порядке.

ИВАН. Я ищу.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Он ищет. Всё в порядке.

ОХРАННИКИ. Клиент ищет.

ИВАН. Э... я должен позвонить жене.

ОХРАННИКИ. Не положено.

ИВАН. Но мне надо.

Охранники уходят.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Охранники ушли. Вы вопросов не задавали. Всё в порядке.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Телефон сломался. Но всё в порядке.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Всё в порядке. Иван, к счастью, вы и мы в порядке.

ИВАН. Вот это порядок, етишкин кот с коромыслом!

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Ваша жена сидит во дворе. Всё в порядке.

ИВАН. Не понял.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Всё в порядке. Она сидит там два месяца.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. И будет сидеть до конца.

ИВАН. Жена дома. Не путайте. Всё в порядке, девочки.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Ваша жена здесь. И давно.

ИВАН. Я тоже здесь. Похоже, тоже давно.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Нет. Вы сегодня пришли. Но ходите к нам уже два месяца.

ИВАН. Два месяца! Так-так... Всё в порядке. Давайте отсюда поподробнее.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Ваша жена сидит во дворе Гостинки два

месяца. Всё в порядке.

ИВАН. Походу, у всех всё в порядке. Только почему-то очень хочется домой.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Безвыходная ситуация в прямом смысле. Выхода нет. Но всё в порядке.

ИВАН. Я вам не верю. Моя жена не может сидеть во дворе двора! Фи-зи-чес-ки не может! Я ей позвоню и докажу вам. Только мне нужен телефон.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Всё в порядке. Купите новый.

ИВАН. Я так больше не могу! Я вас всех сейчас порву! Телефон есть — телефона нет. Жена есть — жены нет! Бред! Какой-то бред! Позвоните ей, я дам номер!

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Она там без телефона сидит. Всё в порядке, Иван ниче так.

ИВАН. Тогда как мне с ней связаться? (*Сигнализация*) Я не могу без вопросов! (*орет на сигнализацию*) Не могу!

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Просто не задавайте вопросов и не говорите про то, за ЧЕМ вас послала жена.

263

ИВАН. ОК. Допустим, сейчас она сидит во дворе, хотя это бред, конечно. Ну, допустим. Ей нельзя позвонить, тоже бредятина. Но тогда отведите меня к ней!

ПРОДАВЩИЦА МАША. Туда не водят.

ИВАН. Тогда дайте мне выйти. И забуду вот это всё как страшный сон.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Двери Вас не выпустят. Не волнуйтесь. Ничего страшного.

ИВАН (*свирипееет*). Это — ничего страшного! Ничего страшного!!! Ничего страшного!!!!

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Вы просто купите новый телефон. Там нет вопросительного знака на клавиатуре. И всё будет в порядке.

ИВАН. (*успокаивается*). Давайте так. Вы мне показываете, где у вас тут телефоны, и я пойду... Стоп. Вы сказали, что я сюда уже два месяца хожу, значит, я как-то входил и выходил!

ПРОДАВЩИЦА МАША. Вы приходили и спрашивали всё время одно и то же - вещь на букву «С», но ее здесь нет. Она не продается. Это запрещенный контент.

ИВАН. Подождите. Выходит, что я всё это время искал один и тот же «контент», и я ничего не знал про жену.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ (*стреляет глазками*). Да-да.

ИВАН. Как-то странно я себя вел все эти два месяца! Похоже, действительно, у меня было всё в порядке, что даже охрана меня не забрала.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Забрать не забрали, а штрафы налагали.

ИВАН. Я ничего не помню. Ничего, что было в эти два месяца. Только этот дурацкий «контент». Скажите мне! Это какая-то очень странная амнезия. (*пауза*) Ну я и осёл!

ПРОДАВЩИЦА МАША. Ругательства животных еще разрешены. Но я слышала, что скоро их тоже запретят.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Мат, кстати, давно запретили.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Но за мат не штрафуют.

ИВАН. Я же говорю, что у вас тут все нелогично построено.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Тут своя логика, Иван ниче так. Она продуманная и правильная. Всё в порядке.

ИВАН. Послушайте вы все, я сейчас пойду и обыщу весь магазин по всем углам.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Все углы правильные.

Вокошке появляется Витек. Продавщицы, увидев его, убегают.

ВИТЕК. Эй!

ИВАН. Вот те раз! Ты! Знакомое лицо!

ВИТЕК. Я!

ИВАН. Не ожидал тебя тут увидеть, Витек.

ВИТЕК. А я сижу вот тут.

ИВАН. Слушай, я хотел тебя спросить, блин. Да, нельзя.

ВИТЕК. Про жену, наверное.

ИВАН. Да. Точно. Ты, скорее всего, что-то о ней слышал.

ВИТЕК. Нет. Ничего. Я тут сам по себе. Мимо меня всё. Ничего не знаю.

ИВАН. Тут всё так странно, все быстро забывают самое важное. И я вроде как тоже начинаю забывать. И всё-таки, может, ты знаешь, как ее найти.

ВИТЕК. А ты норм. Здоров. Работаешь. Семья.

ИВАН. Да-да. Витек! СОС! Мне помощь нужна.

ВИТЕК. Покупаешь что-то для дома. Наверняка, с императорами, что-то красивое.

ИВАН. Свихнуться можно. Ты же одноклассник, блин, бывший кореш. Да, у меня семья! Всё хорошо! Всё в порядке! Но сейчас не

в порядке.

ВИТЕК. Блеск. Красота.

ИВАН. Она хотела отметить окончание ремонта, купить на стол... Попросила меня сюда прийти. В Гостинку эту чертову. И писатель этот нарисованный ей нужен ... добро...

ВИТЕК. Писатель — это прикольно. Я тоже практически писатель, граввирую надписи, буковки-загогуленки вырисовываю. Я гравер. Вот смотри — работаю (*показывает на будку*) всё в медалях и кубках! Могу тебе что-нибудь написать.

ИВАН. Ты же учился на священника.

ВИТЕК. Священник и гравер почти одно и то же. Оба со словом работают и с золотом.

ИВАН. Ты, кажется, бросил тогда семинарию.

ВИТЕК. И правильно, что бросил. В кабинке работать гораздо спокойнее, клиентов и начальства почти никогда не видно.

ИВАН. Тут же дурка полная.

ВИТЕК. Это как посмотреть. Всё чисто и сухо. А вообще, я на буквы только смотрю, а не по сторонам.

ИВАН. Вот и я не смотрел по сторонам.

ВИТЕК. И правильно делал.

ИВАН. Такая религия, значит у тебя сейчас. Знаешь, я всё-таки хочу у тебя выяснить. Ты ведь не совсем чужой человек. Они запрещаю задавать вопросы, потому что сами не хотят на них отвечать? Просто кивни. (*звучит сигнализация*)

ВИТЕК. Я пас. Я не касаюсь никаких вопросов. Я чист.

ИВАН. И Добролюбов тебе не нужен.

ВИТЕК. Ясное дело.

ИВАН. И в школе ты его не проходил.

ВИТЕК. Я тогда был влюблен в твою жену.

ИВАН. Тогда помоги.

ВИТЕК. Чревато.

ИВАН. Ну, ты и козел!

Приходят Охранники.

ОХРАННИКИ. Гравер. Нам сообщили, что Вы вы-вы-гра-вы-ви-ро-ва-ли запрещенное слово (*показывают ложку*). Вот!

ВИТЕК. Быть такого не может! Даю слово.

ОХРАННИКИ. Не надо слова. Это лишнее.

ВИТЕК. Что мне заказали, то я и гравировал. Вопросов быть не может.

ОХРАННИКИ. Вопросов не может быть, но есть слово. И Вы его вы-вы-гра-вы-ви-ро-ва-ли.

ВИТЕК. Это всё заказчик! Это все он, он меня заставил, он дал мне это слово!

ОХРАННИКИ. Заказчик отказался от своего слова.

ВИТЕК. Ну, и я отказываюсь.

ОХРАННИКИ. А оно не стирается!

ВИТЕК. Ну да. Мастер работал.

ОХРАННИКИ. Ваш отказ от слова не принимается. Так как Вы увековечили запрещенное слово, это считается тяжким преступлением. Особенно тяжкая первая буква «Ч», но и последняя буква «ю» не менее тяжкая.

ИВАН (*берет ложку, смотрит, читает*). Это же не запрещенка, это же про любовь! «Я в тебе души не чаю». (*Сигнализация включается, Иван машет на нее рукой, сигнализация кашляет*).

ОХРАННИКИ. (*хватают Витька*) Мы вынуждены Вас увести.

ВИТЕК. Это просто совпадение! Я не хотел! Я не это имел в виду!

Иван ложится на пол и закрывает глаза.

ИВАН. (*декларирует*) «Я в тебе души не чаю!» «Я в тебе души не чаю!» «Я в тебе души не чаю!»

Сигнализация включилась довольно громко, не кашляет. Охранники и продавщицы возвращаются.

ОХРАННИКИ. Сработала сигнализация.

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Всё в порядке. Наш клиент снова упал.

ИВАН. Да не упал я. Это вы все тут упали.

ОХРАННИКИ. Сработала сигнализация.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Всё в порядке.

ИВАН. Задолбала эта сигнализация. И вы все задолбали!

ОХРАННИКИ. Мы выпишем штраф.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Всё в порядке. Не надо штраф. Клиент уходит.

ОХРАННИКИ. Клиент в порядке — штраф в порядке.

ИВАН. Давайте этих продавщиц пошлем куда-нибудь подальше.

ОХРАННИКИ. Не вопрос.

ИВАН. Это предложение.

ПРОДАВЩИЦА МАШАЮ ТАНЯ, ОЛЯ. Мы не задавали вопросы, это всё он.

ИВАН. Он это я.

ОХРАННИКИ. Итак. Ваше имя — Я.

ИВАН. Я Иван.

ОХРАННИКИ. Иван это Я.

ИВАН. Я и есть Иван. Блин. Ребята.

ОХРАННИКИ. Всё в порядке. Ваше имя, Я, ИВАН. Так и запишем «Яван» (*никто ничего не пишет*).

ОХРАННИКИ. На вас накопилось двести пятьдесят штрафов за два месяца. Это именно та цифра, которой достаточно, чтобы подать на вас в суд. Все присутствующие будут вызваны на него свидетелями.

СЦЕНА 3

Суд. Охранники собирают из коробок тумбу. Продавщицы стоят рядом. Будка гравера заклеена крест-накрест скотчем. Витек не сидит в будке. Иван сидит на стуле сбоку, как подсудимый.

ОХРАННИКИ. Подсудимый, вы обвиняетесь с том, что на вас собрано двести пятьдесят штрафов за два месяца.

267 ИВАН. Я старался не задавать вопросы. Я просто вникал в эти ваши дурацкие правила.

ОХРАННИКИ. Правила не могут быть дурацкими.

ИВАН. Я выполняю эти дурацкие правила, я их терплю, как вы заметили.

ОХРАННИКИ. Правила не могут быть дурацкими. Особенно если там написано про запрещение.

ИВАН. Вы же видите. Я без связи с женой, с миром. Я один тут. И еще держусь, черт подери! Слово «черт» ведь пока не запрещено!

ОХРАННИКИ. Правила не могут быть дурацкими, особенно когда слова «черт», «ангел» и «Бог» в них не запрещены.

ИВАН. Я вообще спокойный, покладистый, прежде чем орать или драться, я пытаюсь выяснить обстоятельства, поговорить с человеком, спросить...

ПРОДАВЩИЦЫ ТАНЯ, ОЛЯ И МАША. Спросить! (*сигнализация скрипит, но замолкает*)

ОХРАННИКИ. Вам грозит страшное наказание.

ИВАН. Наказание — это не знать, кто ты сейчас.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Подождите! Я покажу! Я знаю, что вам сейчас, нужно Иван-ниче так, это зеркало. Я сейчас принесу.

ИВАН. Не надо! Я передумал смотреть на свою физию. Когда тут такое, смотреть на себя как-то стыдно. Скорее бы это всё закончилось!

ОХРАННИКИ. Это не закончится, и слово предоставляется свидетелям.

Продавщицы выходят к конторке и по одной выдвигают обвинения.

ПРОДАВЩИЦА МАША. Недавно подозреваемый зашел в отдел и долго рассматривал часы, потом попросил продавщицу завести их. Она была очень неопытная, сейчас уже у нас не работает. Он попытался изменить время и перевел часы на два месяца назад, я точно посчитала.

ОХРАННИКИ. Запишите. Подсудимый убивает время (Никто ничего не записывает).

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Мне всё время кажется, что на меня могут напасть и отобрать у меня всё самое ценное, мои дорогостоящие товары для королевского маникюра. Я сижу и жду, а никто не приходит. Но если вдруг кто-то решит покуситься на мой товар, то я готова, я вооружена тонкими пилочками и маникюрными щипчиками. Иван-ниче проигнорировал мой отдел, потому что искал совсем другой контент.

ОХРАННИКИ. Запишите. Ищет непотребный контент (*Никто ничего не записывает*).

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Недавно подозреваемый подошел ко мне и очень вежливо и настойчиво стал меня уговаривать провести его во двор. Я была возмущена. Он так долго стоял и уговаривал, что я начала плакать. Я не могла ничего сделать, слезы текли ручьем. А он успокаивал и говорил, что всё будет хорошо, и он поможет мне. Я говорила ему, чтобы он не говорил со мной, но он говорил, говорил, говорил.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. (*плачет*) Таня!

ПРОДАВЩИЦА ТАНЯ. Да, он довел меня. И дошло до того, что я стала говорить сама с собой. Я не могла закрыть рот. Он не закрывался. Это уже была не я. Как будто внутри меня поселился кто-то другой. И что хуже всего, Я ЗАДАВАЛА ВОПРОСЫ. Не знаю, что на меня нашло! (*плачет*) Я очень раскаиваюсь. ЭТО ОН ВО ВСЁМ ВИНОВАТ! Я считаю, что его нужно наказать.

ОХРАННИКИ. Суд принимает обвинение. Он будет наказан.

ПРОДАВЩИЦА МАША. И вообще! Подсудимый ни за что не захотел покупать мультикарту нашего магазина и отказался от посещения мастер-класса «Плетение dna». По его словам, мультикарта занимается слежкой, а плетением dna занимаемся мы все, причем каждый день.

ОХРАННИКИ. Позовите последнего свидетеля.

Появляется Витек. Вид у него сильно помятый, лицо и одежда явно поддавались сильной физической обработке.

ОХРАННИКИ. Вы гравер.

ВИТЕК. Да, я гравер, но сейчас безработный.

ИВАН (*увидел Витька*). Привет, братан. Послушаем твою проповедь.

ВИТЕК (*с сильным возбуждением*). Меня лишили самого главного! Это несправедливо!

ОХРАННИКИ. Вас вызвали не по Вашему делу. Об этом расскажете потом. Говорите сейчас про подсудимого.

ВИТЕК. Я говорить не умею. Я могу написать.

ОХРАННИКИ. Не надо ничего писать. Сейчас всё равно никто ничего не читает.

ВИТЕК. Я не виноват! У меня забрали мою будку!

ОХРАННИКИ. Если Вы сообщите нам про подсудимого что-то важное, например, про его непотребный контент, убитое время или запрещенные вопросы. Тогда вам смягчат наказание.

269 ВИТЕК. Я согласен. Я всё скажу.

ОХРАННИКИ. Подтвердите, что ЯиВан по фамилии Ничетак разговаривал с вами о его жене, которая сидит во дворе двора, и просил ей помочь.

ВИТЕК. Подтверждаю.

ОХРАННИКИ. Подтвердите, что ЯиВан по фамилии Ничетак задавал вам запрещенные вопросы на мутные темы.

ВИТЕК. Подтверждаю.

ОХРАННИКИ. Подтвердите, что ЯиВан по фамилии Ничетак сообщил вам, что он создал свою секту с запрещенным названием «Добролюбов» и втягивал в нее невинных граждан, чтобы заниматься мошенничеством и пить запрещенные напитки.

ВИТЕК. Подтверждаю.

ОХРАННИКИ. Запишите.

Сигнализация взбесилась, на протяжении следующей сцены она то включается, то выключается, ведет себя просто безобразно. Реплики почти не слышны из-за шума. Персонажи пытаются перекричать его.

ВИТЕК. Я рассчитываю на то, что мне вернут будку!

ОХРАННИКИ. Вам вернут будку, и Вы будете в ней сидеть.

ВИТЕК (*Ивану*). Ура! Значит в этот раз я выиграл.

ОХРАННИКИ. Но Вы не будете больше гравировать надписи.

ВИТЕК. Но будка у меня всё-таки будет.

ОХРАННИКИ. Да. Но вы будете в ней просто сидеть. (*криком Витьку*) Сидеть!

ВИТЕК. Есть.

Охранники отходят в сторону. Шумы на фоне прекращаются.

ИВАН. Спасибо тебе, Витек, ты в который раз бьешь меня по голове.

ВИТЕК. Обращайся!

ИВАН. Думаю, что ты знаешь, где находится этот серв... контент.

ВИТЕК. Очень может быть. Однако он не то, что ты думаешь. Он не даст тебе суперсилу, знаешь ли... он не предскажет твое будущее. Ха-ха-ха. Все так хотят светлого будущего. И ты хотел, не ври. И жена твоя тоже хотела. Дурачье! Этот «Добролюбов» не Ванга и не оракул. Он просто показывает всё как есть, без прикрас. Улови! Никаких розовых очков, никакого розового новоселья и никакой розовой цивилизованной жизни. Просто посмотри на реальное положение дел, и всё. Жена послала тебя, чтобы досадить тебе, показать, что ты дурак.

ИВАН. Почему ты стал таким?

ВИТЕК. От скуки. И еще. Хотел предупредить. Как только ты найдешь его, ты будешь огребать по полной. Больно и ощутимо. Но это уже буду не я. А мне пора.

ИВАН. Ты смотри, надолго не пропадай, Витек. Ты, наверное, скоро мне снова понадобишься. Может, мне надо забронировать у тебя заранее еще одну подлянку? Запиши там у себя где-нибудь в ежедневнике напоминание. Иван–Ничетак. Число и месяц.

ВИТЕК. Я выграввирую это у себя на лбу.

Витек уходит.

ОХРАННИКИ. Сейчас Вам предоставляется последнее слово.

ИВАН. А последнее желание? Я хочу видеть жену!

ОХРАННИКИ. Вам включают голограмму жены: вы будете ее видеть, но не услышите, а она услышит, но не увидит вас.

ИВАН. Согласен.

Включается голограмма.

ИВАН. (*не может говорить, смотрит в оцепенении на голограмму жены. Жена сидит на стуле во дворе двора*)

ОХРАННИКИ. Яиван, у Вас минута до бесконечного молчания.

ИВАН. Не могу говорить. Хоть по-немому, хоть по-нашему, не получается. Одни эмоции и знаки препинания. Всё не то! Нина!

Голограмма не реагирует.

ИВАН. Нина! Слышишь! Ты хотела закончить ремонт и жить как нормальные люди. (пауза) Но я не справился, Нина. Я не смог. Не вытянул. Вот ведь как всё обернулось. Большой УПС. Не могу сказать, как я скучаю. Нина, не нашел я этого «Добролюбова», они скрыли его. Но я многое понял, Нина! И ты меня поймешь! Я знаю, ты точно меня поймешь. Я СЕЙЧАС замолчу. Увижу, не увижу тебя еще, не знаю. Я сейчас ...зарыдаю.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Сейчас начнется страшное.

Голограмма плачет.

ИВАН. Рыдать же не запрещено?

ОХРАННИКИ. Время закончилось.

ИВАН. Нам вырвали не только глаза, но и уши, нам вырвали язык! Мы калеки. СМОТРИТЕ! Мы... Но мы еще не умерли! Мы еще можем реветь! Как звери. Нина, слышишь. Если я буду рыдать, никто не умрет, правда? Если я буду рыдать, никто не умрет?

ИВАН. «Уважение к собственному достоинству потерялось, вера в право, а следовательно и сознание долга — ослабли, произвол попирает право, под произвол подтачивалась хитрость».

ОХРАННИКИ. Обвиняемый Яиван!

Голограмма Нина вскакивает и что-то кричит, жестикулирует. Голограмма выключается.

ИВАН. «Отсутствие всякой логики — вот логика этой жизни. Это не анархия, но нечто еще гораздо худшее».

ОХРАННИКИ. Обвиняемый Яиван, Выприговариваетеськполномуи беспрекословномубесконечномолчанию.

Обвиняемый Яиван,

Выприговариваетеськпожизненному нахождениювГостининомдворе сконфискациейвсеголичногоимущества.

Обвиняемый Яиван,

Уваснебудетвозможностивидетьсясблизкимиписатьчитатывыходит ьнаружу. Приговорбудетисполненнемедленноиобжалованиюнепод лежит.

НЕМЕДЛЕННО ЗАМОЛЧИТЕ!

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Ой!

ВИТЕК (за кулисами). Аминь.

СЦЕНА 4

Иван стоит на том же месте, что и в первой сцене, то есть на Садовой линии (отдел сувениры). Иван очнулся.

ИВАН. ЧТО? Снова?

Иван опасно оглядывается, потом случайно роняет телефон, снова оглядывается, поднимает телефон, тыкает в него, щурится.

ИВАН. Не работает?

Подходит Продавщица Оля, ставит сервиз с писателем Добролюбовым на стол-витрину.

ПРОДАВЩИЦА ОЛЯ. Оплатите на кассе при выходе.

Продавщица Оля уходит. Иван смотрит на сервиз.

ИВАН. В смысле? (пауза) Сервиз «Добролюбов»?

Подходит к сервизу и рассматривает его. Телефон начинает скрипеть. Иван резко подносит телефон к уху, испуганно оборачивается.

ИВАН. Алло? Нина! Ты где?! Ты во дворе?

Нина. Алло!

Иван. Нина, Ниночка! Ты где?

Сигнализация включается, и голос ПРОДАВЩИЦЫ ОЛИ говорит: «Семь часов. Гостиный Двор закрывается, будьте внимательны, мы перекрываем все входы и выходы. Будут закрыты все магазины и станция метро. Внимание! Гостиный Двор перекрыт. Ищите другие выходы. Ищите другие выходы. Ищите другие выходы»

Иван все время тычет пальцем в телефон, кричит «Алло», прижимает телефон к уху, берет сервиз в охапку и двигается в сторону кулис.

ИВАН. Алло!

Иван останавливается на полпути. Слушает телефон. Смотрит на сервиз в замешательстве, делает жест, как будто хочет вернуть сервиз на место, потом снова прижимает к себе. Поворачивается к залу.

ИВАН. (в зал) Нина спрашивает, надо кому сервиз? Мне всё равно отсюда с ним не выбраться. Я уступлю. Хотите?

КОНЕЦ

май 2022

Иллюстрация: Аиша Ермакова

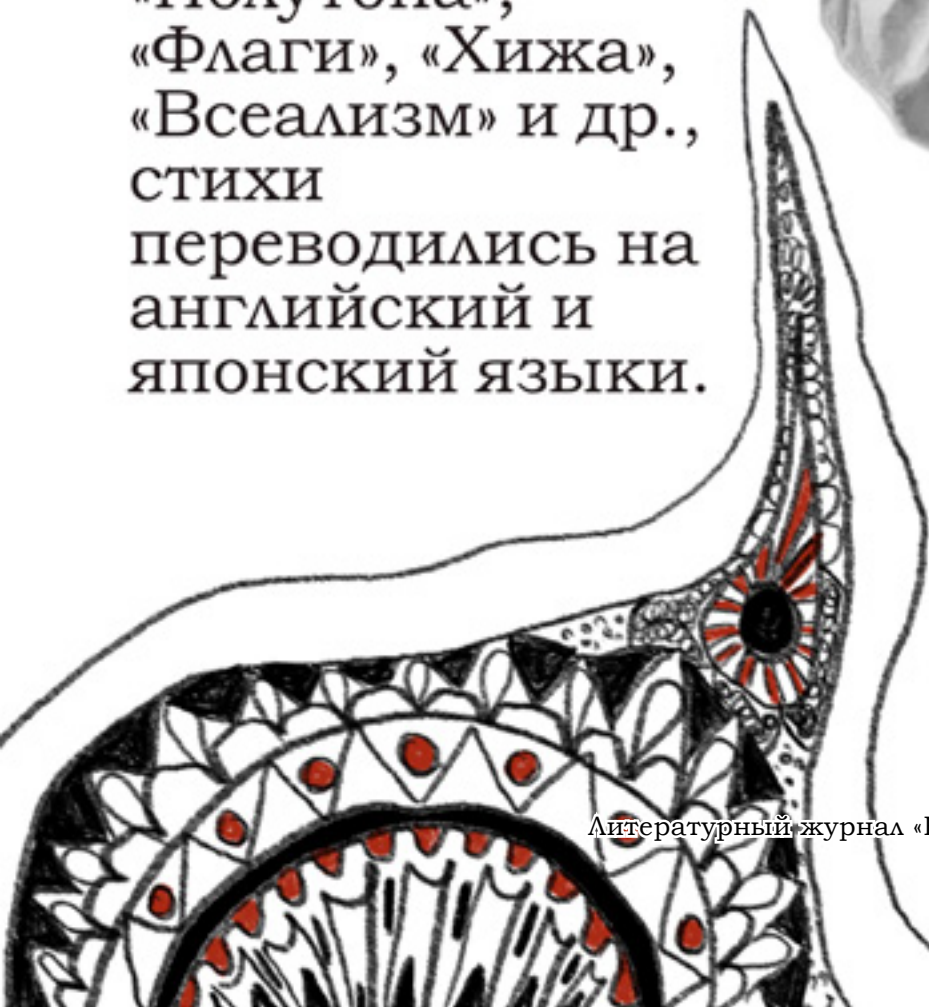
274

ЭССЕ, РЕЦЕНЗИИ, СТАТЬИ

П Е АНДРЕЙ Р Ш И Н

Эссеист,
фотохудожник,
автор нескольких
поэтических
книг.

Публиковался
в журналах
"Prosodia", «Урал»,
«Воздух»,
интернет-
изданиях
«45-я параллель»,
«Дегуста»,
«Полутона»,
«Флаги», «Хижа»,
«Всеализм» и др.,
стихи
переводились на
английский и
японский языки.

«Свет, которым вышиты вещи»

(Филипп Жакоте. Чашка паломника (Моранди). / Перевод с французского Петра Епифанова. — СПб.: JHR, 2023. — 88 с., ил.)

«...вместе со
всей тьмой вещей
исчерпывать
способности и не
истощаться — таков
этот путь».

(Чжуанцзы)

276
Перед нами проза поэта о художнике. Это маленькая и негромкая книга, способная на масштабное превращение, вернее, преобразование своего вещества. «Неброский, укромный путь», — говорит сам Жакоте от лица Моранди, с которым никогда не встречался, говорит, конечно, и про свою прозу, давая волю интуитивным сближениям, допустимым, как он уточняет выше, «при условии, что они не отягощают друг друга...» Но разве свет тяготит свет? Аскетичные полотна Моранди подсказали форму и моего отклика. Скромная расстановка нескольких наблюдений, симпатий и ассоциаций, подобных предметам в мастерской художника, призванная не столько пролить свет на что-то иное, сколько раствориться в свете.

Мне нравятся маленькие книги. Не только из-за поджарой сноровки следовать за нами в реалиях современного быта, в капризной нехватке времени или внимания. Маленькая книга изобретает внимание. Вольно или невольно она исследует самую суть книги как явления, вынужденно открывает ее заново, касается легко и зачастую бессловесно, ощупью. Можно предположить, что маленькими, прежде всего, бывают книги стихов, и это сказывается на восприятии эссеистики, будто заимствующей у них форму. Но Жакоте именно выдающийся поэт, подобное

предположение лишь вернуло бы нас к загадке его собственного творчества. Многообещающим выглядит замечание Жиль Делёза, в эссе «Литература и жизнь» он пишет: «Синтаксис — это совокупность необходимых уверток, создаваемых всякий раз заново для обнаружения жизни в вещах»¹. Мне кажется, что маленькая книга Жакоте сама является подвижным элементом своего синтаксиса, а не самоцелью, равно как и композиции Моранди.

Кроме того, «обнаружение жизни в вещах» происходит в тексте Жакоте буквально, а сама жизнь предстает всеохватной и всепроникающей, и лишь во вторую очередь — изменчивой: «...вот этот чайник <...> хорошо видно: Моранди не следует за Платоном, и перед нами не сущность, не “идея” чайника; скорее, это его явление для какой-то другой формы жизни, с не остывшим ещё слабым трепетом жизни на нём». Неостывший, неостывающий этот трепет обнаруживает и обнажает ряд важнейших проблем, в поле которых мысль Жакоте находит свое выражение.

Британский историк и теоретик искусства Эрнст Гомбрих на примере анализа работы Пикассо (портрета Франсуазы Жило) показал, что «переход [от жизни к образу] заключается в балансе компенсаторных приёмов»². Не оспаривая этой авторитетной точки зрения, пускай и на правах метафоры предложу следующий взгляд: Моранди в живописи, а вслед

1 Жиль Делёз. Критика и клиника. — СПб.: Machina, 2002. С. 7.

2 Эрнст Гомбрих, Джулиан Хохберг, Макс Блэк. Искусство, восприятие и реальность. — М.: Garage.

за ним и Жакоте в прозе, стремились во многом избежать подобной компенсации («по эту сторону») как раз потому, что инстинктивно догадывались о ней. Их интенция почти обратная: это стремление от неизбежного внутреннего образа, от ограничений ума, перейти к большой, неограниченной жизни. «... Всякая живопись, достойная этого названия, — поясняет Жакоте, — выходит за пределы живописи как таковой и только при этом условии вызывает в нас некий резонанс...» Всякая пружина непременно когда-нибудь расправится. Не последовательная реализация, а «неделание» приема оказывается вдохновлено превосходящим равновесием, строгим духовным оптимизмом, попыткой совладать с инерцией и даже тяжестью. Например, тяжестью потрясения и разочарования, о которой так точно говорит переводчик Петр Елифанов в своем послесловии. Рано ушедшие (в 39 и 38 лет) Паскаль и Леопарди — любимые, возможно, авторы Моранди, книги которых он держал под рукой, но ни в его зрелых картинах, ни в собственных словах Жакоте мы не найдем подобного отчаянья и обличений мира. Даже тяжесть захватывается преображением.

Вослед за живописью, что «выходит за пределы живописи», Жакоте пытается выйти за пределы языка. Молчание, во множестве цезур наполняющее книгу наравне с текстом, и даже семантически, вероятно, столь же разнообразное, как и слова, молчание не решает этой задачи. Нет, из-за большой и организующей вовлеченности восприятия выйти Жакоте должен за пределы собственных речи и способности. В этих обстоятельствах совершенно естественным выглядит появление образов путника, паломника и пустыни, красной

нитью проходящих через книгу. Пустыня сближается с простыми предметами картин, каковы же эти предметы? — они как «основа для света, вся опылённая огнём», как «пески, созданные для босых ног ясновидцев». Это не путь в магнетическую грёзу, это путь обратный, её размагничивания и трансценденции. Вот почему о простых букетах Моранди Жакоте мог, например, сказать: «...рядом с ними мы не ощущаем себя в мире фантазий <...> они сродни тем античным стелам, где чувствуется всё самое чистое и нежное в жизни, а прощание, как ни странно, кажется рассветом». Придерживаться границы или преодолевать её, придерживаться пути или границы — оказывается равными возможностями с точки зрения её открытия, пробуждения внутреннего зрения. Мы видим «свет, одновременно внутренний и далёкий, слитый с безмерным терпением», «скорее утренний, из-за чувства ожидания — свет, словно идущий изнутри вещей, подобно шерстяной нити, которой вышиты все вещи...»

«Избывание цвета» в пользу света — важнейший эстетический мотив книги, и здесь я хотел бы уже сам предложить небольшое произвольное отступление и то самое «допустимое сближение». В восточной эстетике существует богатая традиция художественной рефлексии, связанной с сознательным отходом от цветовой и прочей насыщенности. Так, например, в Японии периода Хэйан (794–1185) уже существовало более 170 наименований цветов³. (По свидетельству Мишеля Пастуро, известного медиевиста, европейская теория

³ См., напр.: Скворцова Е.А. Японская эстетика XX века. Антология. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021.

цветовой гармонии, по крайней мере, в варианте геральдики, вообще пренебрегала оттенками⁴). Традиционный костюм японских аристократок X века — дзюни-хитоэ — мог включать дюжину слоев шелка, что само по себе поднимало вопрос хроматических наложений. Интенсивность окраски этих слоев также отличалась. В будущем одним из продуктов этих тенденций станет, скажем, многообразное осмысление бесцветного, светлого и пустого пространства в живописи, охватывающего любой сюжет свитка. Но ведь и у Жакоте: «[Цвета и предметы] отступают не перед пустотой, побеждённые ею или покорные ей, но перед затопляющим светом, который вбирает их в себя». Причём светом рассеянным. В поэзии и «пути чая» одним из сильнейших выражений этой эстетики стал принцип «ваби»: утрата, бедность, одиночество приобрели оттенок поэтической эlegantности. Легендарный мастер чайной церемонии Рикю считал, что следующие два знаменитых стихотворения вака как нельзя лучше выражают два разных аспекта духа ваби:

*Показать бы тем,
Кто ждёт только цветов,
Травинки, что весной
Из-под снега лезут
В горной деревушке
(Фудзивара Иэтакэ, 1158–1237.*

Перевод А.М. Кабанова.)

В «Чашке паломника» читаем: «...Так много слов, по-прежнему ничего не объясняющих, перед этими творениями, столь же загадочными, как трава».

*Вдаль смотрю
Ни цветов, ни листьев клёнов
Нет. Только
Хижина у залива.
Осенний вечер.*

(Фудзивара Тэйка, 1162–1241. Перевод А.М. Кабанова.)

4 См., напр.: Мишель Пастуро. Цвета нашей памяти. — Александрия, 2019.

В записи Жакоте от 1995 г.: «Маленький абрикосовый сад на палевой, бежевой земле, в середине которого — того же цвета дом, а вокруг — голые деревья, похожие на иероглифы. Как будто картина Моранди...»

Что ж, говоря словами самого Жакоте: «Примем это сближение как облако, которое пронесётся сквозь сознание в своей наивной белизне и исчезнет».

<...>

Исчезающее облако подсказывает необходимость вернуться к «форме жизни». Будто с края мира доносится голос Гёльдерлина: «Всё у нас сводится к духовному, // мы стали бедными, чтобы разбогатеть». Хайдеггер утверждает, что суть бедности заключается в бытии. Вслед за Гёльдерлином Хайдеггером Агамбен разрабатывает понятие формы жизни как «высшей бедности», свободной от владения вещами⁵. А вот масляная живопись развивалась в тесном сообщении с практиками обладания. Она веками прославляла динамический аспект богатства, покупательную способность. К 60-м годам XX века уже возникли сомнения в том, что какие-либо манипуляции с краской по-прежнему могут служить медиумом преобразования. Сьюзен Сонтаг и вовсе последовательно разоблачает «главный миф об искусстве» — миф о безусловной художественной деятельности, хотя всё же признает: «Прозрачность сегодня — высшая, самая раскрепощающая ценность в искусстве и в критике. Прозрачность означает испытать свет самой вещи, вещи такой, какова она есть»⁶. В этом контек-

5 Джорджо Агамбен. Неприсваиваемое

// Творение и анархия — Гилея, 2021;

Джорджо Агамбен. Высочайшая бедность.

— М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021.

6 Сьюзен Сонтаг. Против интерпре-

сте становится явной еще одна важная особенность эстетических проектов Моранди и Жакоте — это не фронтир и не ностальгия, не классика и не реакция. Бедны и живы краски Моранди, бесхитростны и живы слова Жакоте, и всё же их предметы, их знаки, полны не только своим светом, ведь мир этих знаков не разобщен, не разбит на частности. Вместе с тем, художественное целое не подавляет опыт, не умаляет его значимости. В этом смысле художественное — это внетеоретическое целое.

Естественна и заманчива сама интеллектуальная среда высказываний Жакоте. Она тотальна, то есть свободна от конкуренции и событий, каждая мысль и жест привносят в нее свое уникальное время, получают ответ: «Как будто Моранди перенёс на вазу, чашку <...> милость принять на их поверхности некий сверхъестественный свет...» (Это немного напоминает биолюминесценцию: когда вначале осени светятся по ночам любые движения морской воды.) Поэтому маленькая чашка паломника наполнена остановками времени, но путь его сближает звезды и грани обыденных

тации. — М.: Ad Marginem, 2014. [Электронный ресурс] — URL: [Сьюзен Сонтаг: Против интерпретации - Ad Marginem](#) (дата обращения: 17.12.2023).

вещей, те и другие растворяются в рассвете. Поэтому органичными кажутся в книге строчки Валери: «Терпенье, терпенье! / Терпенье в лазури! / Каждый атом молчанья / Таит возможность зрелого плода!» Ведь терпение такой среды и впрямь необъятно. Интерес уже означает иную группировку знакомых фактов восприятия. Вплоть до полного сближения того, что нравится, с тем, что напоминает об этом. Возможно, узнавание — единственное alertное состояние памяти, а все прочие попросту ослаблены. Какой точной выглядит интуиция Джона Бёрджера, когда в своей книге «Зачем смотреть на животных» он вдруг приходит к формуле: «Искусство стремится преобразовать потенциальное распознавание в нескончаемое»⁷. Мне кажется, Жакоте и Моранди, каждый по-своему, стремились именно к этому нескончаемому распознаванию. Все вещи странствуют, но лишь свет знает всё об этом. Это ли не подлинное странствие?

⁷ Джон Берджер. Зачем смотреть на животных. — М.: Ad Marginem, 2017.

Литературный критик.
Родилась в Москве,
окончила Московский
педагогический
государственный
университет.

Автор ряда публикаций
в толстых литературных
журналах о современной
русской и зарубежной
прозе. Руководила PR-
отделом издательства
«Вагриус», работала бренд-
менеджером «Редакции
Елены Шубиной».

Главный редактор
издательства
«Альпина.Проза», первый
заместитель главного
редактора журнала
«Юность».

СО
ТАТЬЯНА
В
Б
Г
В
А

Жизнь есть сон: «Комната Вагинова» как роман-меннипея

(Антон Секисов. *Комната Вагинова*. — М.: Альпина.Проза, 2023 — 256 с.)

«Комната Вагинова» Антона Секисова, вышедшая сначала как аудиосериал, теперь существует и в виде книги. Попробуем разобраться в том, что же на самом деле представляет из себя роман, прикидывающийся абсурдистским триллером.

Особенность этого текста заключается в том, что автор предельно честен с читателем. Никаких фигов в кармане, никаких потайных дверей, никаких присыпанных прошлогодней листвой ловушек. Он с самого начала выдает читателю не отмычку даже (подобную той, что мастерит из заколки его герой, чтобы заглянуть в запертую комнату), а целый набор ключей, причем таких, что подходят ко всем к романным замкам. Дальше уже дело за читателем: не поленится ли заглянуть в каждую предложенную коридорной системой дверь, не пройдет ли за забавным и увлекательным сюжетом сразу к выходу? Главный из ключей даже вынесен в название: это писатель начала XX века Константин Вагинов, близкий к обэриутам, входящий в круг Михаила Бахтина и Льва Пумпянского, участник «Цеха поэтов» Николая Гумилева. По его собственным словам, он «состоял почти во всех поэтических объединениях Петрограда», и тем не менее всегда оставался несколько наособицу, сам по себе. Герой романа Антона Секисова — молодой филолог Сеня, в меру нескладный, не очень умеющий выстраивать коммуникацию с людьми, который собирается писать биографию Константина Вагинова для серии ЖЗЛ. Для того, чтобы лучше понять своего героя, буквально влезть в его шкуру, он снимает комнату в той коммуналке, где когда-то жил Вагинов. И пусть комната явно не

та: доподлинно известно, что поэт начала века смотрел во двор-колодец, в то время как Сене достается пенал с видом на канал Грибоедова. Но главное, что его герой становится ближе, и может быть, комнату с нужным видом еще удастся получить.

Тем временем питерская коммуналка ведет себя ровно так, как от нее можно было ожидать. Бедному робкому интроверту придется выстраивать отношения с соседями: итальянским алкоголиком (и, возможно, шпионом) Гаэтано, то ли безумным, то ли прочно вжившемся в образ поэтом Сергачевым, девушкой, ведущей блог про своего еота Николая Васильевича, и странноватым любителем античной философии, удерживающем в заложницах связанную девушку с кляпом во рту.

Итак, Вагинов — первый и главный ключ к тексту Антона Секисова. Если посмотреть на самый известный роман Вагинова «Козлиная песнь», то некоторые пересечения очевидны уже на уровне системы персонажей. Сергачев восходит к «неизвестному поэту» (Агафонову), одним из прототипов которого, в свою очередь, был сам Вагинов. Сергачев — это типичный «вагиновский» герой, потому что он чужак и собиратель (точнее, клептоман, поскольку ворует крышку от чайника и кладет на кучу других мелочей в своей комнате). Учитывая эту цепочку, отношения Сени и Сергачева приобретают дополнительную смысловую нагрузку: филолог встречается со своеобразным альтер-эго своего героя, который, весьма вероятно, еще и живет в той же самой комнате. Вообще комната — второе слово из названия — еще один смысловой центр романа. Даром

что в какой именно комнате жил Вагинов, так и остается до конца непроясненным. Книга Секисова построена по принципу матрешки, он словно сжимает концентрические круги пространства: от мира произведений Константина Вагинова (который как модернист опирался на литературный опыт предшественников, и особое значение для него имела «Жизнь Аполлония Тианского» Филострата) — через Петербург писателя — к коммунальной квартире — и, наконец, его комнате.

Другие герои Секисова тоже встречаются неявных двойников в «Козлиной песни». У Сени их сразу двое — с одной стороны, это филолог Тептёлкин (собирательное прозвище профана, обывателя и филистера в философских и литературоведческих кругах Пумпянского и Бахтина), а с другой, и даже в большей степени, это Миша Котиков, собирающий материалы для книги о поэте Заэвфратском (прототип которого Николай Гумилев). Котиков женится на вдове Заэвфратского, чтобы максимально приблизиться к нему и понять, Сеня с той же целью въезжает в квартиру Вагинова.

«Козлиная песнь» — буквальный перевод с древнегреческого слова «трагедия». Певцы надевали козлиные маски и исполняли песнопения в честь Диониса. И потому при жанровых дефинициях романов и Вагинова, и Секисова не следует сбрасывать со счетов жанр трагедии в самом классическом его понимании. Впрочем, есть еще одна версия, которая кажется наиболее подходящей, а именно, предложенный Михаилом Бахтиным (и это уже первый довод «за») в «Проблемах поэтики Достоевского» жанр меннипей. Это вид серьезно-смеховых текстов, название которых восходит к «менипповой сатире». Исследователь отмечает

«органическое сочетание в ней свободной фантастики, символики и — иногда — мистико-религиозного элемента с крайним и грубым (с нашей точки зрения) труппным натурализмом»¹. Среди жанровых признаков Бахтиным также называются присутствующие в тексте скандалы, драки, неуместные речи, философский универсализм и предельная мирозерцательность — словом, всё то, чем полнятся страницы «Комнаты Вагинова».

Филострат неслучайно акцентированно упоминается и в «Козлиной песни», и у Антона Секисова. Для обоих писателей он — идеальный биограф, создающий лучший из возможных миф о своем герое, способный придать патетический образ даже низменному персонажу.

Впрочем, художественный мир книги Секисова обнаруживает общие точки не только с самым известным романом Вагинова, но и, например, с «Бамбочадой» и незаконченной «Гарпагономаной». В обоих этих текстах мы сталкиваемся с героем, не вписывающимся в окружающую реальность, словно выпадающим из нее, как некий чужеродный элемент. Сеня лишний в этой коммуналке и примыкающем к ней мире, и в то же время он необъяснимым образом его неотъемлемая часть, едва ли не несущая конструкция. Вся галерея персонажей этих романов Вагинова — типичные для писательского мироощущения чудаки и собиратели (и квинтэссенция тут — коллекционер и каталогизатор всего подряд вплоть до обрезанных ногтей Жулонбин). Кроме того, в «Гарпагономане» важная роль отводится снам: героев окружает мир ненадежный, выморочный, по-кальдероновски сновидческий: «Всю ночь не спал Жулонбин. Он

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин — М.: Эксмо, 1929, 1963. С. 178–179.

видел, что он собирает сновидения, раскладывает по коробочкам, надписывает, классифицирует, составляет каталоги. У Локонова уже стоял Анфертьев и продавал ему сны, записанные у старичка». Играя с читателем в честную игру, Антон Секисов обращает внимание читателя на этот факт в диалоге Сени с Артемом: «Он писал про городских сумасшедших. Коллекционеров странных и ненужных вещей. Или нематериальных вещей. Например, у него есть герой, который коллекционирует чужие сны».

Иллюзорность, двойственность, двойничество—основные категории, которые Секисов перенимает у Вагинова. Вступая в литературную игру на его территории, он пусть и не заимствует героев буквально (фамилии и типажи у них другие), но явным образом продолжает галерею

типов Вагинова. «А вы знали, что человек видит сны круглосуточно, даже когда не спит? Просто разум их подавляет», — говорит квартирная хозяйка Анна Эрнестовна Сене при знакомстве. Секисов не занимается нарочитой стилизацией, он наследует Вагинову, но не имитирует его письмо. Этого и не требуется: ставший книгой аудиосериал органично расширяет гипертекст романов Вагинова, создавая при этом собственную городскую мифологию, с горгульями, монстрами, гарпиями и прочими существами, имеющими на этот город едва ли не больше прав, чем люди. Литература и миф вторгаются в жизнь на каждом шагу, фиксация процесса этого вторжения и есть основное содержание «Комнаты Вагинова». А последствия — ну что последствия...

Анна
Н У Ж Д И Н Д

Литературный критик, филолог.
Колумнистка журнала
"Prosodia", лауреат премии
журнала «Знамя».
Учится на филологическом
факультете НИУ ВШЭ.

Агон и агония

(Ася Володина. *Протагонист*. – М.: АСТ. Редакция Елены Шубиной, 2022)

Роман «Протагонист» нарушает горизонт читательских ожиданий — и это хорошо. Ожидания, которые формирует обложка и аннотация, вполне конкретны: университетская проза, загадочная смерть, повествование в логике античной трагедии. Удивительно, но в лонг-листе «Ясной Поляны» этого года — правда, в иностранной номинации — уже есть похожая книга. Это роман М.Л. Рио «Словно мы злодеи» о загадочной смерти студента престижной театральной академии во время постановки пьесы Шекспира. Такое сопоставление может укрепить в мысли, что «Протагонист» — это детективная история, в которой порой жестокие и странные законы художественного мира начинают искажать реальность.

Начинается текст и правда примерно так. Володина представляет персонажей с помощью античных масок, а общую композицию обозначает как девять драматических эпизодов, совместный плач — коммос — и исход, то есть эпилог. Однако повествование, лишь отдаленно напоминающее студенческое расследование, сосредоточено на агональности. Агон, то есть соревновательное начало, так или иначе оказывается явлен в истории каждого рассказчика как движущая сила разрушения. Характерно, что у агона нет конкретной цели, он существует сам по себе — и поэтому упорство, успех, талант героев «Протагониста» оказываются губительными.

Агон не потухнет как огонь, если поступить в престижнейшую Академию. Не отступит, если защитит PhD, выбраться из глубинки в Москву, завязать с криминалом или купировать ПРЛ. Ради его нейтрализации нужно отдать жизнь, и это оказалась жизнь Никиты Буйнова, внезапно вышедшего в окно.

По совокупности данных роман Володиной причисляют к направлению „new adult“ — литературе не для подростков, но для тех, кто формально достиг совершеннолетия, а жизнь после этого так и не прояснилась. Сюжет с высказыванием причастных к самоубийству в этом контексте тоже не нов: вспомнить хотя бы популярный в мои 14 американский сериал «13 причин почему» про девушку, записавшую по кассете каждому из тех, кого она винила в своем решении. Однако в «Протагонисте» протагонисты, в общем-то, все, а не только Никита Буйнов. Преподавательница немецкого, староста группы, сестра, декан факультета, секретарша декана, университетский психолог, сосед по комнате, девушка соседа, мать — все они оказываются автономными рассказчиками, в основе нарратива которых агон, а не смерть. В длинной предсмертной записке Никита так и представлен: не как действие, а как связка — такова его композиционная роль, роль Ифигении (роль тем более оправданная носителями агона, что навязана одним из них).

Кажется, что принесение жертвы — это катарсис, и после него агональное начало должно отступить. Патос, то есть страдание, лежащее у Аристотеля в основе перепетии, больше не имеет композиционных оснований. Однако застывшие цветные маски героев — это всего лишь медицинские маски, ковидные ограничения, а борьба противоположностей — лишь «Рождение трагедии из духа музыки», по которому дали задание на немецком. Человек, изломанный неразрешимым конфликтом, очищенный накалом собственных страстей, не может спокойно жить дальше. И история семьи Буйновых — это так же история травмы не совсем «в нашем смысле», как и сам «Протагонист» — не совсем университетская проза с античным уклоном.

Повествование о родственниках Никиты, видимо, восходит к логике «Дворянского гнезда». Володина так подробно описывает семейную историю по тем же причинам, что и Тургенев: чтобы показать не индивидуальный, а родовой характер травмы. Чтобы показать воспитание, не способное никого научить любить и быть по-настоящему счастливым. История о том, как родители Никиты калечили друг друга, очень похожа на брак прадеда и прабабки Лаврецкого, мечтавших друг дру-

га со свету свести — даром, что в обоих случаях это брак тираничного богача и непокорной цыганки. Гораздо более прямо эту границу воли и ответственности проводит Леша, сосед Никиты, когда говорит о своей болезни: «Наследственное. Так даже легче, знаешь. Это значит, что я не виноват. Никто не виноват». Эта укорененность в русскую «мысль семейную» выводит роман из контекста преодоления горя в контекст преодоления воспитания. Существует ли возможность для „break the wheel“ и не придется ли дорого заплатить за это, платить годами и поколениями?

Этот известный разговор про колесо из «Игры Престолов», которую герои «Протагониста» много раз упоминают и всё никак не могут досмотреть. Упоминают они и «Гарри Поттера», потому что Академия — это тоже своего рода Хогвартс. В обеих вселенных агональное начало, присутствие которого Володина делает ощутимым на протяжении всей книги, тоже имеет сюжетообразующее значение. Вот только мальчик, который выжил, всё-таки выжил, а вот Дейнерис Таргариен погибла — и только это остановило агон и агонию престолов.

...или, в глобальном смысле, протагонист всё-таки не тот, кто говорит и конструирует мир, а тот, кто меняет ход сюжета?

Филолог, выпускница
РГГУ, автор обзоров
и рецензий, бета-ридер.

Конец света как спасение, или история о девушке, которая ВЫЖИЛА

(Сойер Кейт. *Остов* / Кейт Сойер; пер. с англ. Е. Новоселукой. — М.: Дом историй, 2023. — 400 с.)

После катастрофы выжила не только Рут. В постапокалиптическом романе Кейт Сойер «Остов» спаслись два человека. Рут из Лондона, которая в попытках сбежать от своего прошлого оказалась в Новой Зеландии, и Ник — фотограф, который «свои объекты <...> выбирает не глазами», а «на уровне чувств». Однако, чем глубже мы погружаемся в книгу, тем сильнее укрепляется ощущение, что главная героиня в романе одна. И это Рут.

Образ кита — один из ключевых образов в романе. Несмотря на то, что Рут и Ник вместе спасаются внутри него и однажды в разговоре вспоминают библейский сюжет об Ионе, лейтмотив кита сопровождает именно Рут. Киты завораживали ее с детства. Но их фотографиям главная героиня предпочитала изображения, похожие «на старинный анатомический рисунок, на котором показано внутреннее строение кита». В финале романа две дочери Рут слышат «пение трех китов — самки и двух ее детенышей». Мы же, читая этот эпизод, проводим параллели и слышим пение не только китов, но и Рут: по сюжету романа Рут поет, когда счастлива.

В романе «Остов» две истории развиваются одновременно. Параллельное повествование не удивляет: из-за катастрофы жизнь героев раскалывается на «до» и «после», а каждый период воспринимается как самостоятельный фрагмент. К тому же в обоих случаях

повествование представлено в грамматической форме настоящего времени, что усиливает эффект присутствия. В «Остове» перед нами две истории одного персонажа: прошлое и настоящее Рут. Прошлое Ника освещается в романе не так подробно, в то время как образ Рут трансформируется. Главная героиня проходит путь от мироощущения, когда «она <...> не задумывается, бывает ли у нее что-нибудь любимое», до осознания того, что «лишь приняв себя всю целиком, со всеми недостатками, она могла любить и быть любимой».

Почему, если на протяжении всего романа раскрывается путь главной героини, Кейт Сойер не показывает ее жизнь линейно? Точкой отсчета в романе становится катастрофа, и это дает писателю возможность говорить о событиях в другом масштабе.

В «Остове» мы видим легкоузнаваемый постапокалиптический пейзаж. Прежний мир превратился в руины: «Ник указывает рукой туда, где стоит усыпанный пеплом пикап. За машиной — незнакомый пейзаж, словно изображение чужой планеты в фантастическом фильме». Главная задача героев — воссоздать порядок и научиться жить заново. Как и в других произведениях, где изображены постапокалиптические картины, в романе Кейт Сойер актуализируется миф о первобытном существовании человека. Рут и Ник

заняты проблемами выживания: «Они выгребают все из кухонь, а также из сараев и с полей <...> Они просеивают щебень и мусор. Найденные продукты откладывают в одну сторону, вещи — в другую». Тяжелый физический труд помогает героям заглушить мысли о прошлом. Как только им удастся обжить новое пространство, у героев возникают типичные для выживших вопросы («А вдруг где-то далеко продолжается нормальная жизнь?»), и они начинают осмыслять последствия горя: «...каждое ее действие, каждое движение были пропитаны скорбью от осознания того, что все, кого она знала, все, кто был ей дорог, исчезли с лица земли».

История, которая разворачивается после катастрофы, представляет собой типичный пример постапокалиптики. Новое звучание она получает благодаря тому, что главы, где изображаются события «до» и «после», чередуются. Во-первых, мы узнаем о жизни до катастрофы. И отец Рут, и Алекс, с которым она долго встречалась, то и дело напоминают, что надвигается что-то ужасное. В отличие от них, Рут принципиально не читает новости и старается «отгородиться от всего, что происходит в мире». Во-вторых, в «Остове» по-новому отражено одно из типичных проявлений постапокалиптического мира. Безусловно, Рут и Ник — носители утерянных смыслов, которые стремятся сохранить в памяти всё хорошее, что происходило до катастрофы: «рассказывая о родителях, обо всех, кто ей дорог, она как будто продлевает их жизнь». Книги — одна из составляющих прежней жизни Рут, из-за отсутствия которой она жалеет. Ее дети не

прочитают их и не узнают о том, каким мир был раньше. Однажды ей надоедает рассказывать Нику и дочерям вариации известных историй, и Рут начинает истории придумывать. Это помогает главной героине посмотреть на мир с другой точки зрения и обнаружить смыслы, чтобы жить дальше. Ведь воспоминания о прежней жизни не поддерживали ее: в прошлом Рут была несчастна.

Незадолго до катастрофы налаженная жизнь Рут разбивается на части. Она уходит от молодого человека, который видит в ней лишь «капризную избалованную девчонку». Крах внешнего мира становится для героини в той или иной степени спасением. Рут, которая раньше стремилась «обезопасить себя от нежеланного будущего», обретает счастье и рождает двух дочерей от любимого человека в условиях нового мира, что кажется едва возможным.

Таким образом, подробное изображение прошлого главной героини выводит постапокалиптический сюжет на другой уровень. Главная катастрофа в романе — это не одномоментное событие, приводящее к глобальному бедствию, а коренной внутренний перелом в жизни человека, его переход к новому восприятию мира. Рут, убегающая от проблем и от самой себя, встречает человека, главный жизненный принцип которого — «оставаться на месте».

Кроме того, история о пути Рут расширяет круг тем романа и придает сюжету о конце света дополнительную остроту. В «Остове» звучат вопросы не только о возможности жизни после

катастрофы, но и об отношениях, в которых молодой человек считает себя спасителем и постоянно контролирует свою девушку (так Алекс относится к Рут), а также о настоящей любви, которая, по словам отца Рут, «подкрадывается неожиданно». Помимо чувства вины, которое Рут и Ник испытывают за то, что выжили, им непросто принять тот факт, что именно они «принесут в разрушенный мир новую жизнь. Что они смогут предложить этому ребенку? <...> Сумеет ли выжить?»

Тема потери последовательно осмысливается в романе «Остов». Можно предположить, что этим и обусловлена последовательность эпизодов в сюжете. В результате

катастрофы выжившие герои теряют связь со своим прошлым. После долгих лет жизни в хижине и рождения двух дочерей Рут и Ник задаются вопросом: «...они готовы? Жить без нас?» Спустя некоторое время Рут вынуждена смириться с тем, что «в этой реальности Ника с ними больше никогда не будет». А чуть позже героиня понимает, что мир «прекрасно будет существовать и без нее».

Следовательно, всё повествование романа сводится к двум ключевым вопросам: сможет ли человек жить дальше, если прежний мир исчезнет? И в финале романа — будет ли мир существовать без нас?

Книжная обозревательница,
финалистка премии
«Литблог-2022».

Пишу о современной прозе
в своём телеграм-канале
"Nika's Tsundoku Club",
а также курирую книжную
рубрику портала teatrto.ru
Родилась в Подмосковье, сейчас
живу в Ереване.

По образованию лингвист,
по призванию редактор
коммерческих текстов.

(Не)нужная литература травмы

...Мощные события личной жизни, связывающие писателя с его поколением, с его классом, с его эпохой, имеют для него чрезвычайную важность, но при условии, что впоследствии он сможет достаточно умело отделить себя от этого опыта, чтобы изучать его как бы со стороны, объективно и непредвзято.

(Филипп Рот)

Я открыла «Рану» Оксаны Васякиной летом 2021 года. Тогда моей дочери было шесть месяцев, и я много читала, пока ребенок спал. Роман Васякиной заинтересовал меня в первую очередь противоречивыми рецензиями: одни говорили, что готовы расцеловать книжку во все буквы, другие — что это нытье и самолюбование. Такая полярность мнений подтолкнула меня составить свое. Очень быстро стало понятно, что осилить этот текст за привычные несколько вечеров не получится, а само чтение вызывало целый спектр эмоций от раздражения и абсолютного неприятия до сопереживания и глубокого сочувствия.

Эти эмоциональные противоречия чем-то напоминали послеродовую хандру, когда тебя переполняет любовь к своему малышу, но при этом тебе очень плохо, потому что привычка отдавать всю себя другому еще не сформирована, жизнь перевернулась с ног на голову, и ты пока не знаешь, как приспособиться к новой реальности. С «Раной» было нечто похожее: это был совершенно новый опыт. Всякий раз, с трудом погружаясь в эту разножанровую, очень откровенную и не слишком выверенную технически историю, я как будто чувствовала возможность читательского роста. Только спустя время я поняла, каких ощущений роман оставил больше. Главным из них было одно: это написано для меня и обо мне.

Тогда же я впервые узнала об автофикшене как жанре. В то время как в России уже активно обсуждали рассказы Наталии Мещаниновой и ряд зарубежных книг с похожим уровнем откровенности от первого лица — эссе Вирджинии Депант или «Обыкновенную страсть» и «Годы» Анни Эрно — я ничего подобного еще не читала. Чуть позже, в 2022 году, такую литературу у нас начнут называть литературой травмы. Совсем скоро одни будут запойно ее читать, другие — самоотверженно ругать.

Претензии ругающих, как правило, сводятся к тому, что молодые авторы используют некую заезженную «повесточку» (обычно используется именно такая насмешливая формулировка, при этом значение слова не объясняется) ради монетизации своего травматичного опыта, что все книги практически не различаются сюжетами и что сам тренд стремительно сдувается. Например, критик и поэт Константин Комаров пишет: «Эту “повесточку” выгодно теревить до упора (а “упора”, вероятно, нет), ибо она являет собой золотую жилу копеечных псевдопоэтических спекуляций, формирующих символический (а в случае Васякиной — и вполне реальный) капитал»¹. Возмож-

¹ Константин Комаров. О «пожароопасной белке» и потенциально бесконечной «повесточке» // Вопросы литературы №1 2023. — URL: <https://voplit.ru/column-post/o-pozharoopasnoj-belke-i-potentsialno-beskonechnoj-povestochke/> (дата обращения:

но ли хоть сколько-то обогатиться или сделать себе имя на текстах, которые никому не нужны, которые не говорят с читателем о важных для него вещах, а просто «теребят повесточку»? Получается, читатель такой литературы не очень умный человек, который гонится за одной только актуальностью?

Когда я только открыла «Рану», моей первой, полагаю, защитной реакцией были ощущения, в чем-то схожие с отзывом Комарова: «Да что она себе позволяет?», «А зачем настолько откровенно?» Однако к концу прочтения, когда я уже сроднилась с текстом, реакция сменилась на «А что такого, собственно?» И в самом деле, что такого с нами, взрослыми людьми, может случиться, когда мы встречаем в автофикциональном современном тексте слова, прямо описывающие женское тело, процесс умирания близкого человека или личный сексуальный опыт? Неужели пятьдесят или сто лет назад у женщин не было половых органов, а родственники умирали сплошь красиво и быстро, не доставляя никому неудобств? Или дело в открытости и уязвимости, которые и называют «повесточкой»?

В литературе травмы можно рассмотреть не только стремление называть вещи своими именами, не только равнение на тексты западных авторов, но и умение сделать личное жизнеописание качественной прозой. Авторы эксгумируют свой болезненный опыт — и не для того, чтобы предъявить его миру в красивой литературной обертке, а затем, чтобы показать, как отделить его от себя нынешнего и справиться с последствиями пережитого. При этом наличие в миллинальских текстах травмы не первостепенно, но, увы, неизбежно. Вся наша жизнь отчасти определяется травмами, (17.12.2023).

что само по себе не новость. И если письмо о коллективных травмах в России социально одобряется, то литература травм личных почему-то пока под вопросом. Не отголоски ли это нашего общего прошлого, когда личное во всём уступало коллективному?

Некоторые критики уже пророчат только появившейся в России литературе травмы скорый конец, ведь любой яркий тренд, по их логике, вскоре становится ширпотребом, теряет в качестве, становится объектом насмешек. При этом западные издательства печатают книги о личных травмах уже много лет (это истории об абьюзивных отношениях, взрослении в дисфункциональных семьях, материнстве и депрессии), и их продолжают читать. Вдобавок в 2022 году Анни Эрно получает Нобелевскую премию, что мало похоже на деконструкцию и забвение литературы травмы.

В то же время часть общества российского идет схожим путем: вступает в эру новой искренности. Эгоизм и увлеченность личным, за которые так ругают писателей-миллениалов, продолжают переползать в литературу, так как она всеядна: впитывает и осмысляет то, что занимает общество. Литература травмы в России всё еще находится на самой ранней ступени развития: писатели еще только ищут способы нарративизации травматических событий. Было бы странно в век личных брендов и блогов, самопознания, саморазвития и психологической образованности обнаружить полное отсутствие отражения этого в литературе.

Почему же современный читатель тянется к текстам о личной травме? В своем эссе о депрессии из сборника «Это не то» философ Оксана Тимофеева рассуждает: «После

распада СССР душевную боль было принято скрывать — как и любое проявление слабости. В девяностые следовало быть или казаться крутым, выносливым, живучим². Однако странно продолжать кипятить белье в эмалированной кастрюле после изобретения кислородного отбеливателя. Как странно, например, «лечить» психические расстройства отрицанием, алкоголем или стигматизацией. Не из этого ли печального времени до нас по-прежнему доносятся отголоски незыблемых правил: мусор должен оставаться в избе, любых мать и отца надо чтить, а о мертвых либо хорошо, либо никак? Выросшие с этими установками, мы с трудом разворачиваемся в сторону рефлексии и склонны осуждать за нее других, выдавая проговаривание травматичного опыта за слабость духа. При этом многим из нас безумно интересно видеть чужие способы проживания травм, так похожих на наши собственные, читать истории ровесников и сравнивать их ощущения со своими.

Сегрегация современного российского общества в связи с усилением продвижения традиционных ценностей (в числе которых и неприятие «слабости духа») достигла своего пика. Нежелание принять литературу травмы — это нежелание признать важность самого существования травм, принять авторов, которые не просто разбираются в себе, но борются с последствиями наших коллективных несчастий. Частная травма — это вершина пирамидки травм общественных: сложной жизни в 90-е, бедности, бытового алкоголизма, военных конфликтов, терактов нулевых и десятых и так далее. Таким образом, от-

мена литературы травмы — это отмена неудобного прошлого на фоне нынешнего возрождения-изобретения новой «национальной традиции», в которой позиция силы, расчеловечивание оппонентов и нечувствительность к чужой боли выступают одними из главных составляющих.

Бытует мнение, что если русская народная травма остается актуальной и сотни лет спустя, то травма личная — это не более чем проявление вопиющего эгоизма, бесконечный поиск виноватых, «нытье тридцатилетних». При этом логика не может не подсказывать, что травма индивида — прямое следствие травмированности общества, в котором он вырос и сформировался. Здоровое общество, помимо сильных своих сторон, должно замечать и слабые, а не отмахиваться от них, игнорируя слона в комнате. Именно так работает литература травмы: ошупывает слона со всех сторон и подмечает его изъяны, рассуждает, как он попал в эту комнату и как теперь его увести, чтобы не разрушить то, что в комнате еще осталось. Пока же общество делает вид, что замечать собственные травмы — удел слабаков, сор прорастает в избах, отравляя жизнь не только нам самим, но и тем, кто будет после нас: ведь каждое новое поколение ранится о предыдущее.

Литература травмы предлагает не бессмысленное самобичевание, не поиск виноватых, а примеры выхода из замкнутого круга личностных неудач, показывает, как может выглядеть признание проблем, и предлагает варианты их решений. Главное достоинство таких текстов — внесение ясности и переосмысление того травматичного опыта неопределенности, в которой формировался и автор, и его потенциальная аудитория. К тому

2 Тимофеева О. Это не то. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. С. 131.

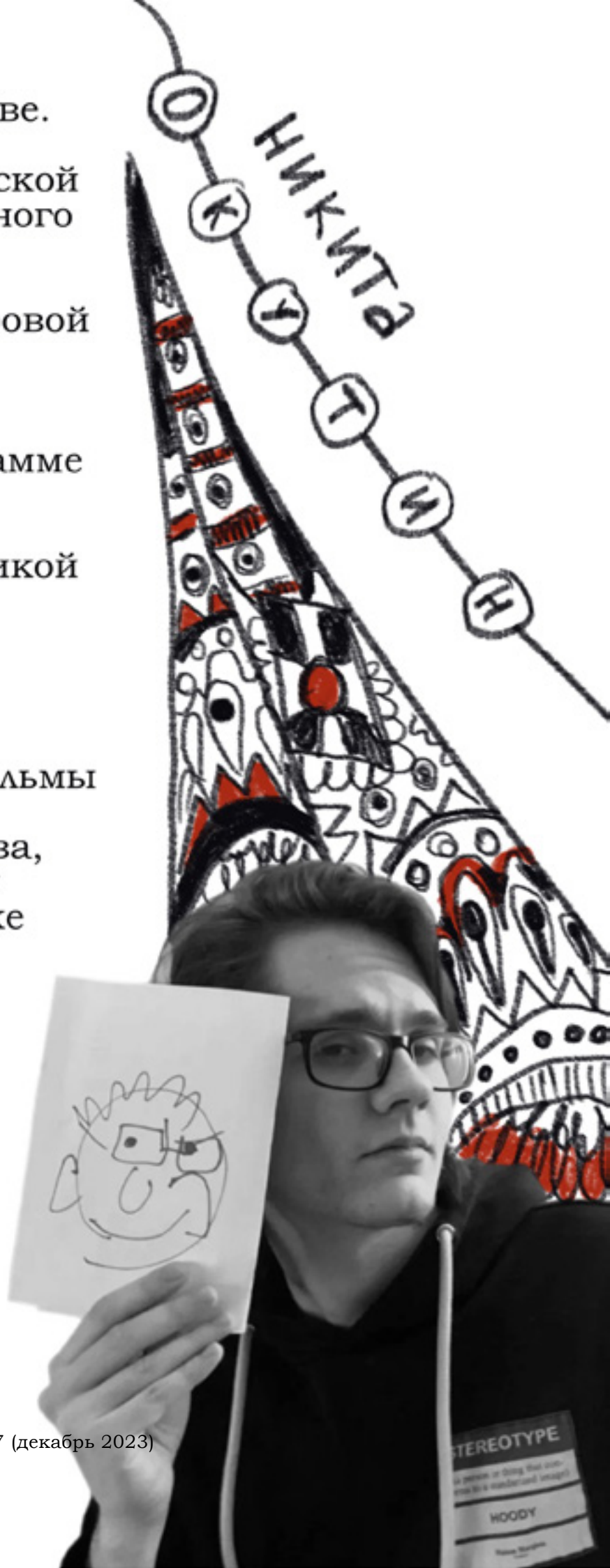
же автор в литературе травмы не всезнающий рассказчик. Десакрализованный нарратор — это обычный человек, говорящий с читателем на одном языке. Тексты современников, имеющие автобиографические черты, проще приложить к своей ситуации: кажется, что авторский голос звучит именно по твою душу.

Говорят, что все романы о личной травме похожи, и возникает ощущение единой истории под разными обложками. На самом деле, говорящие просто не читают этих книг, в лучшем случае пролистывают, выискивая, за что бы зацепиться. Чтобы рассмотреть новое, нужно давать ему шанс. Но страх признать литературу травмы слишком силён. Он сродни страху признать уязвимость нормой жизни. Это напоминает мою первую реакцию на «Рану», когда ошеломляющая откровенность писательницы показалась вторжением в мои читательские границы. Но ведь именно благодаря этому вторжению границы смогли

расшириться.

Расчеловечить, обесценить и, в конце концов, запретить — это, как правило, основные методы борьбы с неудобными явлениями и персонами. Поставить крест на литературе травмы, однако, не получается: она живет всех живых. Пока мы видим в публичном дискурсе насильственные попытки повернуть литературу в русло, обратное индивидуализму, говорить о критике не приходится. Литература травмы, увы, встречена не только вдумчивыми аналитическими рецензиями, но и гневно-саркастическими статьями, авторы которых скорее нацелены на демонстрацию собственного превосходства, чем на разговор о важности явления. Остается надеяться, что это происходит лишь потому, что мир находится в состоянии нервного срыва, а часть общества временно укрылась от новых вводных в безусловно устаревшем, но таком уютном коконе понятных установок и убеждений.

Родился и вырос в Москве.
Филолог, магистрант
кафедры новейшей русской
литературы и современного
лит. процесса МГУ
им. М.В. Ломоносова.
Окончил факультет мировой
экономики и мировой
политики НИУ ВШЭ,
отдал пять лет жизни
образовательной программе
«Востоковедение»,
но не проникся
отечественной китаистикой
и отправился изучать
литературу.
Любит смотреть
перестроечный
кинематограф
и пропагандистские фильмы
эпохи Холодной войны,
читать Андрея Платонова,
Мориса Бланшо и прозу
о конце истории, а также
изучать процессы
демифологизации
и китайский язык.

Бунт искренности в мире игры: сериал Happy End (more.tv)

«Не стоило это представлять российским зрителям. Я вообще не понимаю — почему пропаганда наркотиков и торговли оружием запрещена, а вот это — разрешено? Чтывыхотите от российских девочек? <...> Растворить целое поколение?» Отметив художественные достоинства картины лапидарным «сериал сам по себе неплох» и честно признав, что были просмотрены лишь четыре серии из восьми, анонимный рецензент Кинопоиска всё же решил как можно скорее ударить в набат и оповестить широкие массы населения о неприемлемом разврате, воцарившемся на стриминговых платформах. И ладно бы просто разврат — ведь «кроме рекламы веб-кама тут пахнет и рекламой распространения наркотиков».

Автор второго радикально-неприятного отзыва не столь рьяно акцентирует внимание на социальной неблагонадежности сериала, сколько обвиняет его в содержательной пустоте и слепом отражении неприглядных сторон общественной жизни — дескать, «что на заборе написано, российский сценарист экранизирует». Рецензент жалеет, что «все грубо и подано мол: “жизненно”, “как оно есть”, “без прикрас”. Лишено всяких чувств, пластиковый мир, бедные безжизненные оловянные человечки, да и в той сказке в оловянном человечке бурлила жизнь и чувства, здесь же остались лишь конвульсии». Парадоксально, но на данный выпад стоит обратить внимание. Вполне вероятно, что тут критик невольно прибегает к апофатическому методу и через безапелляционное отрицание любых достоинств и неприятие содержания сериала приближается к распознаванию его главного смыслового посыла.

Сериал, подвергнутый столь «разгромной» критике, называется «Happy End» (реж. Евгений Сангаджиев) и был выпущен на платформе more.tv в апреле 2021 года. Само название (бережно перечеркиваемое в опенинге) и жанровое определение картины как драмеди (драма + комедия) вполне соответствуют размытости и иллюзорности базовых этических категорий, о которых пойдет речь — а потому ни хэппи энда, ни комедии ждать не стоит. Продемонстрировавший стремление к откровенному разговору со зрителем о спорных и неоднозначных темах («Чики», «Псих»), сервис more.tv вновь обращается к проблеме неприятной и табуированной, которую большинство людей, подобных автору первой из упомянутых выше рецензий, наивно стараются не замечать — вебкам-бизнес.

Острота затрагиваемых художественным произведением тем закономерно создает благодатную почву для трактовок. Сериал был прочитан и как история о тяге людей к личной свободе с осознанием скучного в своей очевидности факта, что «последствием абсолютной свободы является абсолютная ответственность»¹; и как социальная драма с наглядной демонстрацией изнанки «сегодняшнего российского капитализма, где каждый хочет поиметь другого, и за любой успех приходится платить: собственным телом, репутацией, жизнью»²; и как «сериал про невозможность нормальной любви» в современном

1 Гия Сичинава. Новый сериал от more.tv об одиночестве в webcam // URL: <https://srsly.ru/article/show/33102/> (дата обращения: 24.10.2023)

2 Александр Токарев. Happy End не для всех // URL: https://zavtra.ru/blogs/happy_end_ne_dlya_vseh (дата обращения: 24.10.2023)

мире³. Алина Кузьо в рецензии для портала «Сити» отмечает, что «сериал Сангаджиева <...> становится портретом поколения». Заявление амбициозное (хоть не «энциклопедией русской жизни»), но достаточно меткое и оправданное⁴. И всё же острота явленного сериалом конфликта, как представляется, остается за скобками.

Фабула сериала следующая. Два парня и девушка лет двадцати-плюс проживают совместно в неназванном провинциальном городке где-то в европейской части России. Квартирка предельно проста и местами даже убога, что странно, учитывая род их деятельности — сбыт наркотиков посредством закладок. Заправляет артелью вольных распространителей Макс (Александр Горчилин) — опереточный квазигангстер провинциального масштаба в широкой спортивной одежде и с крашенными в блонд волосами (еще каких-то лет двадцать назад крутые парни из российских спалников, к коим он пытается себя причислить, ему бы такого не простили), грубый, с неизменно императивной интонацией в голое и неприличным обилием мата в речи. Его возлюбленная и правая рука в делах Лера — вчерашняя школьница, дерзкая, решительная, полностью уверенная в своих силах и красоте оторва. Нордическая внешность исполнительницы роли Лены Трониной придает ее героине особую

энергетику, создавая образ эдакой современной валькирии, всеми силами стремящейся воспарить над унылой провинциальной пустотой. Ответственным за бухгалтерию и техническое обеспечение бизнеса является Влад (Денис Власенко) — сгорбленный, худой юноша с робким взглядом, тихий и застенчивый (если не сказать — зашуганный), среди немногочисленных интересов которого числятся компьютеры, онлайн-шутеры, программирование и нездоровая тяга к онанизму.

Стоит признать, что подобные образы действительно отображают широко распространенные в молодежной среде социальные типы. Беспринципный делец Макс, стремящийся схватить судьбу за хвост, не отягощая себя лишними этическими дилеммами; всеми силами пытающаяся реализовать себя молодая, красивая и полная энергии Лера; скромный Влад, пусть не одаренный ни духовной, ни физической силой, но умный и технически-подкованный, ясно осознающий свою слабость перед лицом враждебного ему мира и вынужденный предаваться эскапизму в виртуальной реальности — вместе они являют собой если и не портрет всего поколения, то портрет внушительной его части, символизирующей нескончаемый поиск ответа на извечный вопрос: «легко ли быть молодым?»

И если для Макса чреватые операции с наркотиками являются родной стихией, в которой его агрессивная энергия находит свое выражение в мнимом статусе «гангстера», по-киношному эффектно сотрудничающего с азиатской наркомафией и резво рассекающего на черной легковушке по ночному городу, то для Леры и Влада коммунальная квартира и участие в незаконном предприятии — попытка бегства от опостылев-

3 Иван Афанасьев. Порно как способ заговорить о важном: зачем смотреть сериал Нарру End о вебкам-бизнесе // URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/425561-porno-kak-sposob-pogovorit-o-vazhnom-zachem-smotret-serial-happy-end-o-vebkam> (дата обращения: 24.10.2023).

4 Алина Кузьо. Хай, гайз: о чем нам рассказал сериал Нарру End // URL: <https://thecity.m24.ru/articles/4631?fbclid=IwAR3HBSPE4dHHcUdBCdXoZLd38oGcRFemWyr4Ov2giI4zG3F6roiSwp8i2Q0> (дата обращения: 24.10.2023).

шей среды, в которой личностное развитие крайне затруднено, а внутренний потенциал не находит отклика вовне. Уплотненное сожительство Влада с мамой и тремя деспотичными сестрами в тесной квартирке и полное непонимание со стороны матери-тирана в случае Леры (несмотря на материальную состоятельность семьи и наличие более флегматичного отца, как-никак стремящегося налаживать контакт с дочерью и даже готового просто так отдать ей сто двадцать тысяч на неизвестные ему цели) выдавливают обоих персонажей в нелегальную и чреватую серьезными последствиями сферу наркобизнеса, сулящую если и не роскошную жизнь, то уж точно личную свободу.

Пропажа товара, предательство Макса и вынужденное бегство от разъяренных наркодельцов, которые выяснять степень вины каждого в отдельности не планируют, заставляют доселе весьма холодных друг к другу Леру и Влада заключить временный союз и, что называется, «дружить против» резко изменившихся обстоятельств. Разрушение сложившегося мирка в коммуналке порождает необходимость поиска нового пристанища, не только безопасного и далекого от мстительной мафии, но и равно свободного. Ожидаемо, герои отправляются в Москву.

Московский миф как собирательный образ максимы жизненного успеха открывается кадром, в котором герои прогуливаются на фоне высотки на Котельнической. Свое активное же воплощение он находит в чуть более скромном обаянии современного московского мещанства: модная кофейня с необычными десертами и толстыми кружками кофе, бар-ресторан с сияющими бокалами апероля, небольшая, но стильно оформленная квартира-

студия где-то в пределах центра.

Слияние со столичной буржуазностью, хоть и неприятной, требует серьезных затрат. Попытки устроиться на конвенциональную работу оборачиваются для героев плачевно: Лера, выросшая в обеспеченной семье, а затем потонувшая в легких деньгах наркобизнеса, демонстрирует удивительную неприспособленность к жизни и не справляется с такими простейшими задачами, как доставка посылки до двери и оформление брони столика в ресторане. Влад же пытается применить свои навыки программирования, но получает вежливый отказ с формулировкой «ты технарь старой школы <...> надо переходить на новый уровень <...> мечтай шире, думай иначе». Умения просто «кодить» уже недостаточно в мире метавселенных и продвинутых экосистем.

Выход напрашивается сам собой — вебкам. Он уже был опробован героями в качестве крайней меры, когда потребовалось за одну ночь раздобыть внушительную сумму денег на взятку коррумпированным полицейским, задержавшим Макса с товаром. Именно тогда вебкам-бизнес проявил себя как сферу ничуть не менее прибыльную, чем наркотики, но куда более безопасную и легальную. И снова техническим «мозгом» процесса, организующим Лере успешный выход на переполненный рынок, оказывается Влад, знакомый с ним не понаслышке. Суть вебкама предельно проста: девушка сидит перед камерой в одежде или нижнем белье, общается с мемберами [посетителями сайта. — Н.О.], выслушивает их личные проблемы и выполняет определенные действия за «токены» [основная денежная единица на вебкам-платформах, конвертируемая в реальную валю-

ту. — Н.О.]. Степень откровенности совершаемых действий определяется самой моделью — от игривого оголения плеча до любых крайностей, которые каждый может вообразить себе самостоятельно.

Осведомленность Влада об основных законах и правилах вебкам-бизнеса понятна — ведь именно к подобному контенту он пагубно пристрастился в поисках сексуального удовлетворения. Представляется, что подобный выбор наглядно демонстрирует его глубоко сокрытые желания и потаенные стремления. Настойчивость и энергичность, с которой застенчивый парень начинает сбивчиво, но решительно отстаивать честь вебкама перед незнакомыми с этим явлением людьми, ожидаемо принимающими голых женщин на экране за порно, как минимум вызывает удивление. Не меньше пяти раз за весь сериал Влад отвечает на обвинения выработанной мантрой: «это не порно, это вебкам, это вообще разные вещи».

А в чем, собственно, разница?

Под порнографией принято понимать записанное натуралистическое изображение интимной связи, чаще всего между не состоящими ни в каких отношениях друг с другом людьми. Вебкам же является скорее эротическим контентом (с чем даже УК РФ согласен). И если классическое порно представляет собой грубое отображение полового акта, искусственного, далекого от реальности и, что самое важное, лишённого важнейшей своей составляющей — любви и взаимных чувств, то вебкам восполняет пробел и привносит в процесс телесных наслаждений духовную составляющую. Вернее, ее симулякр, но кажущийся вполне реальным.

На мой взгляд, общение мембера с вебкам-моделью представляет собой разновидность игры, которая, по Кайуа, есть лишь система правил, добровольно устанавливаемая и добросовестно исполняемая каждым из игроков, в результате чего формируется альтернативная реальность игры, противостоящая объективной реальности с ее несправедливостями и неравенством⁵. Всем очевидно, что вебкам-модель не испытывает никаких чувств по отношению к мемберу, который платит ей деньги и просит выполнить те или иные действия, попутно делясь сокровенными переживаниями. И сам мембер в глубине души осознает нереальность, искусственность проявляемой по отношению к нему искренности и «любви», но в момент игры по взаимно соблюдаемым правилам они кажутся ему вполне настоящими. Исполнение ролей позволяет участникам по обе стороны экрана на время отвлечься от окружающей действительности и получить весьма осязаемые блага. Для модели это деньги, для мембера — духовное умиротворение и физическое наслаждение посредством растворения в грамотно симулируемых чувствах.

Тяга Влада именно к вебкаму, а не сухому порно-контенту (несмотря на его богатую коллекцию старых порножурналов) представляется отражением его тонкой чувствительности и отчаянного стремления к искренности и эмоциональной близости, которую он старается привнести даже в процесс самоудовлетворения. После того, как Лера отработала смену на вебкам-студии (еще до того, как они начали заниматься этим самостоятельно), Влад признается, что смотрел ее стрим и заплатил ей двад-

⁵ Подробнее об этом см.: Кайуа, Роже. Игры и люди: / М: Издательство АСТ, 2023. — 288 с.

цать долларов, которые оставались на счету его аккаунта. А следовательно, до этого он платил и другим моделям — разумеется, получая ответное внимание, приправленное приторно-поддельной любезностью.

Для Леры же сфера вебкама оказывается способом самореализации. Она получает искреннее удовольствие от процесса соблазнительного извивания перед камерой, наслаждается вниманием и любовью анонимных мемберов со всех концов земли, а зарабатываемые деньги до поры до времени кажутся ей кратчайшим путем к истинному счастью. Характерной представляется сцена в кафе, которое героини посещают сразу по прибытии в Москву, еще до вышеописанных событий. Если Лера восторгается красивым куском торта, то Влад оценивает его не более как «нормально». Да и вообще — «у мамы торты вкуснее». Короткий эпизод наглядно демонстрирует фундаментальную разницу в характерах персонажей: Влад устремлен внутрь себя, материальные блага для него незначимы, и вебкам-карьеру Леры, к которой он, конечно же, неравнодушен, переживает лишь как временную необходимость. Порывы души его партнерши диаметрально противоположны, направлены вовне — и Лера рассматривает вебкам как способ подняться вверх по социальной лестнице. Завязавшиеся романтические отношения между недавними друзьями поневоле будут вынуждены претерпеть крах именно по этой причине. Предел мечтаний Влада — собственноручно приготовленный тихий домашний ужин при свечах с любимой женщиной, а Леры — посиделки в недешевых заведениях, модные тусовки, полное духовное раскрепощение и свобода обеспеченной московской жизни.

Врагами попавшего в неестественную для него среду Влада и разрушителями созданного им идеализированного мирка оказываются естественные представители фауны московского мифа. Проявляющая подозрительное внимание к Лере популярная эскорт-модель Яна (Лукерья Ильяшенко) сначала окажет ей необходимую моральную поддержку, когда Лера подвергнется травле со стороны своего окружения, а затем выведет в кричащий мир гламура с уже отнюдь не скромным обаянием. Дорогой ресторан, поездки на майбахе, модная одежда из бутиков, спа-салоны, яркие тусовки целются в банальную болевую точку неопытной Леры — тягу к красивой и легкой жизни. Влад болезненно переживает появление Яны, поскольку видит, насколько сильно мир богемной элитарности удаляет Леру от близкого ему тепла домашнего очага и, соответственно, от него самого. Он осознает иллюзорность напускной роскоши, фальшь дружелюбных богачей и лживость, коей насквозь пропитаны элегантные интерьеры. Но потраченная на даруемые вебкамом симулякры молодость лишила его важнейшего компонента — опыта общения с реальными девушками. Не испытывая проблем в сексуальном плане, Влад оказывается катастрофически неспособен к рациональному общению с живой Лерой. Он не может и просто не знает, как донести до нее свою позицию и успокоить девушку в моменты истерик, на ее эмоциональные срывы отвечает зеркально, в результате чего превращается в ее глазах в антагониста, вставшего на пути к светлому будущему. Из-за чего и происходит развал коротких отношений.

И все же фундаментальная слабость у героев общая — наивная

идеализация картины мира. Если Влад склонен формировать пасторальную идиллию тихого счастья с теплом домашнего уюта и не готов признать, что его партнерша, быть может, еще банально не готова разделить ее с ним, то сама Лера настолько же наивно идеализирует мир вебкама и псевдозстетической сексуальной свободы, искренне веря, что здесь ее ждут и деньги, и истинная любовь разом на одном блюдечке.

Но грозящую Лере опасность Влад распознает правильно. Яна — лишь помощница порнопродюсера Эдика (Даниил Воробьев), давно положившего глаз на Леру. Он оказывается тем самым анонимным щедрым мембером, который ранее отправлял ей внушительные суммы, дружелюбно общался в приватном чате и поддерживал в трудные минуты. Переставшая распознавать границы симулякра и игры Лера принимает проявляемое им внимание за чистую монету, в то время как прагматичный делец индустрии для взрослых преследует лишь одну цель — прельстить Леру гротескной картиной роскоши и свободы, пригласив на фантасмагорическое кинки-пати для миллионеров в старинном особняке, и отправить в Калифорнию для съемок уже в настоящем порно.

Отсутствие понимания границ симулякра почти приводит Леру к страшным последствиям. До самого конца не подозревающая о темных правилах игры Эдика, она искренне верит в его добрые намерения и начинает усматривать в любезном обращении черты любовных чувств. Но игра остается игрой, и ни о какой романтической истории принца и Золушки, безусловно, речи не идет. Она интересуется его лишь как фактурная актриса для нового проекта — порно с драматургией, «real drama», как он объясняет

свой замысел двум лубочным американцам-продюсерам в барочных интерьерах ресторана. Не случайно наиболее серьезным ударом для нее оказывается вечеринка, на которой должен был быть подписан итоговый контракт — оказывается, подписывают его еще две модели с абсолютно идентичными историями: вебкам — сообщение от Яны — знакомство с Эдиком — полет в Калифорнию. Чувства Эдика к Лере оказываются той же природы, что и чувства Леры к тысячам мемберов, отправлявших ей заветные токены. И даже больше — будучи опытным игроком, Эдик не ставит всё на один цвет и цинично подстраховывает себя на случай, если Лера вздумает соскочить с крючка — при помощи мстительного Макса, оскорбленного отказом Леры возобновить отношения после его предательства, добывает запись с камер видеонаблюдения, на которой она продает наркотики в клубе. Формируемая процессом игры притягательная иллюзия сексуальной свободы трансформируется в глубокую несвободу личностную: либо Калифорния, либо тюрьма.

Осознание того, что принятое ею за любовь внимание лишь часть игры, в которую она вступила, не осознав до конца специфику правил и подлинное количество игроков, приводит Леру к бегству прочь от перспектив солнечной Калифорнии и верного служителя экстра-прибыльной порноиндустрии Эдика сначала к гротескным мафиози, будто выбравшимся из фильмов Дэвида Линча, потом к порнорежиссеру Паше в Питер, снимающему откровенную пошлость даже по меркам индустрии, а затем к стылому берегу зимнего Финского залива, у которого она достигает катарсиса и понимает, что истинной ценностью является нечто куда более простое и выразительное,

нежели калифорнийский особняк-коммуналка с такими же наивными девицами, какой еще совсем недавно была она сама. Но, записывая Владу воодушевленные голосовые с детальным описанием будущих совместных планов, Лера не знает, что уже слишком поздно.

Дошедший до откровенного пресмыкательства, готовый идти на унижительные уступки Лере, лишь бы ее удержать, и беспощадно отвергаемый Влад, будучи не в силах конкурировать с обманчивым блеском, предлагаемым сильными мира сего, продолжает свое сражение уже не столько ради Леры, сколько ради восстановления справедливости в опороченной реальности, им выдуманной. Не найдя Леру на тусовке в пентхаусе в высотке на Кудринской, с которой она уже успела сбежать, Влад встречается лицом к лицу с Эдиком, вальяжно попивающим виски на краю крыши. Неуверенный, пробиваемый дрожью Влад, неловко удерживая нож, надрывно требует «отпустить ее», чем производит весьма жалкое впечатление, о чем говорит и Эдик, призывая его «убрать это, не позориться». Лишь грубый, неприкрытый цинизм порнопродюсера, решившего поиграть в мудрого наставника и объяснить незадачливому юнцу, как устроен мир, заставляет Владу остаться и пойти на отчаянный шаг: броситься на Эдика и вместе с ним вылететь с высоты двадцать четвертого этажа. Грубая вера Эдика в то, что «здесь нет и не может быть никакой любви <...> это же просто шлюхи <...> не надо, не спасай шлюху», в известной степени развивает веру Дона Дрейпера из культового американского сериала «Безумцы» (2007–2015) в то, что любовь «изобрели такие, как я [маркетологи. — Н.О.], чтобы продавать колготки». Если акула

рекламного бизнеса Америки 60-х годов Дрейпер беспристрастно обосновывал необходимость любви хотя бы рекламой колготок, то Эдик и ему подобные посягают на самую суть любви и превращают ее наивысшее проявление — интимные отношения — в мертвый симулякр, основанный на товарно-денежных отношениях, тем самым отрицая наличие любви в целом, что кажется Владу кощунственным святотатством и посягательством на сформированную им реальность и все те идеалы, в которые он верит. Потративший свою короткую жизнь на поиск искренности в мире, где самое сокровенное и интимное подвергнуто пошлейшей объективизации и превращено в бездушное омертвелое действо на экране, он отказывается дальше принимать правила игры, которые понимал, но не хотел признавать как норму. Влад, как сторонник новый искренности, стремящийся отыскать нечто подлинное и неизменное в мире, где всюду релятивизм, где все — мимолетная забава, оказывается не готов начать «мыслить иначе», как ему советовал отвергнувший его кандидатуру слащавый руководитель айти-компании, и остается «технарем старой школы», со старыми, неподходящими соблазнительному лоску циничных симулякров стремлениями и ожиданиями. Он не желает принимать подобное оскорбление и кажущееся безвозвратным растворение любимой девушки в блистательном порно-бизнесе за «процесс взросления», как советует Эдик, и оставляет тщетные попытки искать искренность на страницах вебкам-сервисов, с каждым днем становящихся все более и более популярными, а потому совершает настолько же героическое, насколько и нелепое самоубийство, забрав с собой одного из ответственных за то, что мир пришел именно к этому.

Своей гибелью Влад утверждает Искренность и Любовь в качестве наивысших идеалов, ради которых он преодолевает базовый животный инстинкт — инстинкт самосохранения, и отказывается признавать неизбежность своего бытия в поруганном в мире с иллюзорными категориями. В общем и целом, его бунт, безусловно, ничего не меняет: как Кириллов не убивает Бога, так и Влад не убивает Эдика. Трагичным образом в выигрыше остается даже не Лера, едва не ушедшая на дно, но сумевшая рвануться обратно к свету (финал ее истории остается открытым), а Макс — воплощение беспринципности и безнравственности, предавший всех, кого только мог, совративший младшую сестру Влада и укрепившийся в своей вере в то, что все цинично-относительно. Нет никакого смысла гнаться за искренностью в пропадающем мире, где все игра («Вы играетесь в жизнь. А те, кто к этому серьезно относятся — с ума сходят, страдают», — еще в далеком 2006 году провозгласил капитан в ленте «Изображая жертву» Кирилла Серебренникова), у всех роли, подчиненные

условным, временно-устанавливаемым правилам — сегодня любимая, а завтра шлюха. Только и всего. Потому-то и власть, как наглядно было показано еще в «Ассе», так и останется в руках Крымова и его последователей, запускающих свои мертвящие когти все глубже и глубже в человеческую душу.

Впрочем, к пафосу социального бунта создатели не переходят. Трагедия сериала — это трагедия двух отдельно взятых молодых людей, сколь различных в своих целях, столь и похожих в своем наивном идеализме, заблудившихся в мире пагубных симулякров, осквернивших самое интимное. И все-таки прав оказывается второй рецензент, обвинивший сериал в демонстрации пластикового мира, наполненного безжизненными человечками — есть ли жизнь там, где царят условные правила и подменяют собой искренность простых человеческих чувств? Не столь страшна тяга к хорошей беззаботной жизни — страшно потеряться посреди пошлой игры, либо не понимая, либо понимая, но не принимая ее пагубные правила, которые диктует сухой и безразличный к человеку мир денег.

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

